

Я ТВОЙ ужас и страх

Сумеречный_Эльф

Он всегда приходит без приглашения во тьме ночной. Имя этому гостю Страх, черный человек, Король Кошмаров. Но разве так страшны иллюзии, если сравнивать с тем, что выплескивает водопадом реальность? Бугимен после поражения ищет способ восстановить свою силу и выместить гнев. Казалось бы, явиться к той, что постоянно видит кошмары — лучшее решение. Но так ли все просто?

Я твой ужас и страх

1. Твой ужас и страх

Валерия жила в одном из городов, где солнце не заглядывает в окна, где по утрам стелется дурной туман из сотен труб заводов, а воздух гарью напитался на многие века вперед. И в этой брэнной суе бродяг и бизнесменов она плыла, как тень среди людей, не ведая ни великой радости, ни скорбной печали. Все будто стороной обходило, пролетая сквозь смог ее души, пустой и сумрачной. Наверное, пустой.

Валерия не думала о том, не ведая о себе почти ничего. Лишь то, что дом в людском муравейнике на этаже номер тринадцать — это ее пристанище для долгих лет. Лишь то, что школа номер N — беленый куб за черной оградой — перемалывала ее мозг одиннадцать лет, а институт M добавил еще пять. Пожалуй, все. И вроде жизнь прошла. Иль только начиналась? Кому как знать среди трубного глумления? Да не меди оркестра, а черных господ дымного града, фабрик и заводов, машин и прочих чудовищ из металла и камней. Стеклобетонный гроб мечты, что крылья обломала, лавируя сквозь узкие проходы меж высоток. Слишком широк размах крыльев, слишком мало пространства. Иль слишком сильны цепи ужаса. С тех пор, как мечта запылелась в коробке с высохшей краской и рваным холстом, приходили ночные кошмары.

«Он вновь придет, лишит весь смысл прав. И имя ему Страх», — мысли о грядущем, как осколки вечности в озере асфальта. Каждый миг последним мог бы оказаться в скопище торопящихся, в суе земной. Не до кошмаров в этой юдоли всех тревог, не до видений смутных. Все разум поглотил, все механизмом обратилось, как она сама. Иль так казалось вот уже пять лет, ушедших в небытие. Стремиться некуда — работа, транспорт, а дома только затянувшийся развод родителей и неодобрение ее глупых хобби. Не по возрасту, пора вырастать из творчества, пора забывать, как черная штриховка на листе перекрывает яркость красок после каждой новой ссоры самых родных людей.

Да, дома лишь раздоры наяву, а для видений смутных тоже сумрак и тьма. Пусть! Лучше так, чем яркий обман, что беспощадно выкидывает на растерзанье дня. Она не заслужила смотреть во сне модель счастливой жизни, согласие и покой, но вздрагивать, как от ледяной воды, под гром будильника — изволь в реальность, в серый дым. Она видела кошмары каждую ночь довольно давно, наверное, когда впервые осознала, как прошла трещина вдоль ее семьи. В детстве родители старательно делали вид, будто все хорошо, будто все счастливы — ложь от начала до конца. И стоило понять, как Валерия прокляла светлые сны, все эти выдумки. С тех пор серость и тревога следовали за ней во сне и наяву. И вскоре к ней сам явился этот гость, распорядитель черного песка. Он приходил всегда без приглашения... Он пробирался среди всех остальных нечетких очертаний ярче всего. Лишь наставала ночь, лишь сон смыкал усталые глаза, но не лечил душу целебным покоем среди забытья.

Он всегда приходит напрасно и без приглашения, имя этому гостю страх, черный человек, Король Кошмаров. Но разве так страшны иллюзии, если сравнивать с тем, что выплескивает водопадом реальность?

— Я дома, — тихо пробормотала Валерия, но мать не встретила возле дверей. Сидела, уставившись в телевизор, глотая слезы. Отец куда-то ушел на ночь глядя. Снова ссора.

Стоило задержаться на работе их уже слишком взрослой дочери — и вот. Ныне она прошла на кухню, достала йогурт, кое-как проглатывая этот ужин. Он холодным комком застревал в горле. Хотелось взречь белугой и забыть обо всех, но она не принадлежала

себе, как и все, как и каждый. Никакого смысла. Только отражение в бледном стекле балконной двери, из которой тянулась щупальцами ночь. Значит, скоро ложиться спать, чтобы снова ворочаться с бессонницей до четырех утра, а утром вставать бледной тенью. Говорят, так можно сойти с ума. Только не это доводило ее до безумия, до окутывавшей апатии и безразличия ко всем и к себе. Она хотела тепла, она выслушала бы, попыталась понять и помочь. Она прошла обратно в гостиную, где все так же неподвижно сидела мама.

— Мама? Мам? — негромко позвала Валерия, но на ее присутствие не реагировали, тогда случился взрыв гнева: — Мам! Хватит! Мне это надоело! Почему нельзя уже определиться?

Мать подняла на нее полные печали опухшие глаза, отвечая невнятно:

— Ты ничего не понимаешь... — Она небрежно отмахнулась. — Уйди! Мы сами разберемся!

— Ага, «конечно», сами. Уже лет десять это слышу. Ну? Куда он опять ушел? Что случилось?

Так приходилось интересоваться слишком часто. Потом он всегда возвращался, злой и усталый, иногда клятвенно извинялся, что-то дарил. Отец не пил, да и по любовницам вроде бы не шатался, а все же что-то навечно треснуло в их семье, будто проклял кто. Жили нормально, плазму чуть не во всю стену купили недавно, когда случилось затишье. Но кошмарные сны подсказывали, что это лишь перемирие перед новыми сражениями. Вскоре оказалось, что совместный просмотр широкоформатных фильмов — это не общие мысли, не одинаковое видение мира и схожие устремления. Это и не любовь. Впрочем, в ее существование Валерия и вовсе больше не верила. Счастье — для красивых сказочек, пусть других обманывают.

— Да не твоего это ума дело! — фыркнула мать, так небрежно, словно насекомое увидела. От такого отношения каждый раз обдавало холодом, точно случался смертельный столбняк.

— Мне уже двадцать четыре! У меня диплом психолога! Что я могу не понять?

— Умная ты слишком стала, я смотрю, — осадил намеки на разговор мать (она редко признавала чьи-то заслуги). — Просто уйди сейчас. Пожалуйста.

— Ухожу... Совсем ухожу, — пробормотала Валерия, уже не чувствуя совершенно ничего.

«Хоть навсегда», — раздалось в голове невысказанное горькое дополнение.

И она поплелась в свою комнату, где в углу за платяным шкафом так и валялся сломанный мольберт с порванным холстом. Тому минуло уже почти шесть лет — итог совместной воспитательной работы отца и матери.

Одна ругала за результаты вступительных экзаменов после школы, другой обрушил свой гнев на новый рисунок. Хоть не на нее; нет-нет, они все трое были слишком интеллигентны, чтобы бить друг друга, безупречно воспитаны. Они убивали друг друга иначе, изводили томительной пыткой, как пауки в банке. Зато в таком воспитании родители объединялись, сосредотачивая на ней совместные усилия по искоренению всего, что мешало в учебе.

Что ж... Потом поощряли за хорошие результаты, сокурсницы в свое время даже завидовали ее новому телефону или дорогим сережкам — хорошие подарки, богатые. Только как избавиться от щемящей боли в груди днем и от кошмаров ночью? И от той черной тени, что приходила все чаще и чаще, становилась у изголовья, рассматривала ее, а потом уносилась черным песком, пролетая сквозь окна, стелилась тенями. Черный человек,

черный...

Она видела его через полуопущенные ресницы, принимая сначала за очередной дурной сон, но в безлунные ночи он все отчетливее проступал среди привычных очертаний унылой комнаты, такой же серой, как и все, что окружало, как и сама хозяйка этого пристанища ничтожной боли. Да что она в сравнении с тем, что творилось по миру? Разве сумрачных видений надлежит бояться? С возрастом Валерия усвоила один важный постулат: монстров не существует, зато люди по-настоящему способны навредить. Опасаться стоит людей.

«Вернулся», — вздохнула Валерия, слыша, как хлопнула дверь. Значит, отец просто в очередной раз бродил по улицам, вероятно, по аллее небольшого парка возле проспекта. Он говорил, что так успокаивается, врал, конечно. Иначе бы хоть что-то изменил за все эти годы. Уже хотелось, чтобы однажды ушел и не вернулся, бросил их. Нет же, его как магнитом тянуло!

А дальше все по-старому: снова выплескивалась очередная обида матери, сливалась гулом пронзительных воплей. И где-то к часу ночи все стихало.

Валерия только сидела на кровати, обняв подушку, уставившись в пустоту. Делать ничего не хотелось, как и жить.

Конечно, в мире творились страшные вещи, люди сотнями гибли за смутные цели олигархов и прочее, и прочее... Но хоть бы кто избавил ее от этой личной катастрофы. Вырваться куда-то, съехать на другое жилье она почему-то тоже не могла, не хватало сил и средств, как она себе объясняла. А, может, ее толстыми цепями держал этот дом на тринадцатом этаже. Как и всех остальных участников этого беспрестанного бедлама, где пожар вспыхивал от малейшей искры, от неправильно положенной на стол ложки или неверно повешенного шланга в ванной. Тут же находилась тысяча причин для очередного скандала, для припоминания всего, что было и не было совершено.

Валерия жила в вечной тревоге, какой и чей поступок снова окажется опасным рычагом да спусковым крючком. Для кого из них, из ее самых родных людей. В детстве они еще делили ее, требовали встать на чью-то сторону. Она плакала, терялась, постепенно учась уходить от их вечных во многом беспочвенных конфликтов. Сначала она искреннее переживала, просила перестать. Но с возрастом ей овладевал некий измученный цинизм, она даже делала ставки, кто из них на этот раз первым замолчит, уйдет в глухую обиду. Ох, как они умели обижаться! Потом через неопределенное время как будто извинялись друг перед другом, непостижимым образом продолжали вместе существовать в промежутках между поданными заявлениями на развод. Угрозы, обещания, добрые намерения — ничто из этого не является настоящим действием. Ничто не избавляло от тления.

«Это не брак, а гангрена», — заключила для себя Валерия. Она ненавидела уже весь свет, все это подгнивающее существование, ненавидела и себя как плод этой не-любви. И тоже не видела никакого избавления, никакого будущего.

Снова все стихло в ночи, только зимний ветер гудел из приоткрытого окна. Валерия отсчитывала секунды, просто так, чтобы успокоиться. Хоть она и говорила себе, будто давно уже абстрагировалась от всей этой канители, но каждый раз, каждая ссора прошивала ее острым ознобом, лишая сна. Ноги холодели, подкашивались от страха. Да, она жила в вечной тревоге, и то ли поддерживала, то ли добивала иступленная слабая надежда вернуться домой к спокойной обстановке. Каждый день она приходила с работы, открывая дверь, точно за ней ждало поле брани — каждый день она не ведала, как ее встретят, что случится. Для какой уж мечты здесь останется место! Ощипана реальностью, все перья пошлы на

крылья для разбившихся «икаров».

Валерия заставила себя натянуть пижаму, хотя тело одеревенело. Снова и снова девушка корила себя за то, что все еще так остро реагирует. «А как надо? — взрывался протест. — Как, чтоб вас всех, надо реагировать, если постоянно изводят друг друга самые родные люди? Заставляют выбрать, кто из них лучше... Оба «хороши», но я обоих люблю одинаково! Все равно! И после стольких лет! Не получается иначе».

Валерия плотно закуталась в одеяло, все так же обнимая подушку, до этого закрыв окно. Стеклопакет с чавканьем затворился, перекрыв отдаленный гул запоздалых машин, сквозняк иссяк. Теплее не становилось в прогорклой от темноты комнате.

Она слабо понимала, спит или бодрствует, в детстве ей порой и вовсе чудилось, будто она умеет спать с открытыми глазами. И именно тогда приходили странные пугающие видения, она не рассказывала о них маме, та все мерила слишком рационально. Себя только не оценивала по четким критериями рассудка. Не проявляла она сочувствия и понимания и к мелким девчачьим секретам, по ее мнению все только мешало учиться. А что думал на этот счет отец — непонятно. Они оба вроде бы желали ей добра, хотели сделать безупречной. Только что же так больно-то от такой горячей заботы?

Когда в пятнадцать лет одноклассник разбил ей сердце безответностью любви, родители только сказали: «И правильно, сейчас на это нет времени, ты должна учиться». Все правильно, все верно. Так надо, даже если с тех пор вместо трепещущего органа, распяляющего противоречивые чувства, в груди бился отчетливый механизм, размеренный метроном.

Впрочем, ее проблемы — ничтожны в сравнении со всем миром, так всегда говорили родители, когда она просила понимания и поддержки. В этом они и находили способ ободрить: приравнять всю ее жизнь к песчинке среди волн, ничтожному фрагменту мироздания с надуманными бедами. Она и сама в это поверила вскоре.

Она не существовала, она — всего лишь неразличимое колечко дыма над заводской трубой в общем облаке. Порой ей казалось, что она невидимка, незаметный фантом, через который легко проходят люди, словно через воздух.

Они в нее не верили, поэтому она растворялась для них. Все ее достижения воспринимались как должное, зато за неудачи ругали, потому она научилась только переживать за промахи, но не радоваться победам. Лишь тень... Для чего тогда жить?

И от этих вопросов являлся незванный гость, сотканный из мрака и убитых мечтаний...

Валерия куснула губы, почти не замечая, как мрак в ее комнате переливался новыми оттенками. Она равнодушно рассматривала, как от стены отделился черный силуэт, как воздух наполнился незримыми частицами, точно песком. Но дышать вроде не мешал, только сдавил еще более пронзительным холодом, почти парализовал.

Это мерзкое чувство!

Оно возникало каждый раз после ссор родителей, перед экзаменами. Ничтожно в масштабах Вселенной, лишь невыносимо в рамках собственного тела.

Руки дрожали, а желудок стягивался узлом, отчего терялась ориентация в пространстве и времени. Может, она заснула и видела снова череду своих кошмаров. Что ж... Никакого смысла, никакой надежды на изменение: в реальности даже хуже, в кошмарах от ее воли всегда зависело ничтожно мало, а в жизни еще изволь выбирать, чтобы потом оказаться неправой.

На этот раз она отчего-то видела силуэт особенно отчетливо, наверное, потому что

глаза привыкли к темноте. Высокий, под метр девяносто, он заполнял всю комнату ползущими темными протуберанцами, вскоре из них оформились очертания черных лошадей с горящими глазами, словно в дешевом фильме ужасов. Нелепость, очередной фокус усталого сознания.

А она ведь когда-то любила лошадей, но потом ей четко намекнули: «Зачем тебе конный спорт? Это не профессия, не для тебя. А если не собираешься заниматься этим профессионально, тогда вообще не стоит». И она кивнула, послушалась, слабовольная. Вот теперь и расплачивалась взглядом в пустые глазницы призрачных лошадей. Они кружили возле незваного пришельца, то обретали отчетливую форму, то рассыпались черным песком, который вился вокруг его длинных пальцев. И так почти каждую ночь последнее время. Кажется, ее избрали неплохой мишенью для сбора дани страха. Но боялось лишь тело, разум перешел за Стикс, утонул в Лете.

«Куда ни кину взгляд — лишь боль и мрак, и люди в черном облачении. Мир наш дошел до крайности, сам себя загнал в бездну ужаса. Люди боятся не леших, не вампиров. Больше всего люди боятся людей», — раздавались отчетливые и чужие мысли в голове, сумбурно и бездумно. Впрочем, если это сон, то ничего удивительного. Если бы не сковывающий ужас, от которого дрожало тело, но он не достигал измученного разума. Хватило и того, что на работе утром орала начальница, вечером очередной скандал, в метро оторвали хлястик пальто — мелочи, но подобные повторялись из дня в день, изматывали, доводя до крайней апатии. Слишком взрослая, чтобы опасаться ночных теней, уже неприлично. «Надо взрослеть Валерия, надо взрослеть», — как твердила вечно мама, когда она то показывала рисунки, то плакала от ночных кошмаров. Выходит, взросление — это умение жить вместе с кошмарами. Валерия почти научилась.

Только иногда терялась, какие из разговоров ей снились, какие происходили наяву. Какая уж разница в одинаковых нравоучениях? Все правы, если найти свою правду. Все морально, если найти подходящую мораль. Может, и кошмары для кого-то — просто еще одно явление психики. Не более того. Не знамения, не предвестники, лишь дымные тени среди городов отравленного солнца.

Впрочем, этот выглядел слишком уж материально. Ухмылялся острыми зубами, которые проступали за серой кожей узких губ. Клыки мерцали во мраке, как и прозрачные бледно-желтые глаза. Какой-то вампир с сизой кожей в черном облачении, которое сливалось неопределенностью линий с ночными тенями. Явно не человек. Значит — просто сон, потому что чудовищ не существует. Выходит, она уже разучилась различать.

«Возможно, я уже сошла с ума. Да кого это заинтересует? Они будут только орать, что их дочь оказалась неидеальной. И дальше выяснять, кто прав, кто правее!» — с досадой подумала Валерия, не шевельнувшись. На этот раз она решила, что настало время, в конце концов, спросить, кто пожаловал к ней среди вязкого морока безлунной мглы, слякотной оттепели.

— Кто ты? Зачем пришел ночью? Пора бы уже рассказать, после стольких дней, — зло бросила она, рассматривая пришельца, который перестал улыбаться, кажется, удивившись. Но в следующий миг его безбровое серое лицо с прямым острым носом подернулось печатью торжества и чувства превосходства. Он раскинул руки, отчего песок разметался замысловатыми смерчами, восклицая:

— Я — твой ужас и страх! Я — Бугимен, Король Кошмаров! А эти черные призрачные лошади — моя армия...

Кажется, он ожидал какой-то реакции на свое слегка театрализованное представление. Но Валерия устала отвечать на нездоровые сны, да еще такие странные. Что ж, монстр хотя бы не выглядел как какой-нибудь разлагающийся зомби, толпы которых порой мерещились. Король Кошмаров... За что же она заслужила такую «милость»? В ее пустой жизни хватало и других потрясений, а в конце всех одинаково ожидает только темнота. Так что бояться уже не удавалось совершенно, отчего количество призрачных лошадей непроизвольно уменьшилось. Король Кошмаров тревожно обернулся, нахмурившись.

— Вот как. Интересно, — бросила девушка иронично, зарываясь лицом в подушку. — Ко мне явилось само зло. Давно пора, странно, что только сейчас, — фыркнула безразлично Валерия. Да наплевать ей, кто пришел, хоть шейх Эмиратов, хоть НЛО! Ее жизнь распадалась кусками, отслаивалась, как краска и лак от потрескавшегося лица брошенной отсыревшей куклы. А под ними — тотальное ничто, пустота. Она удивилась, что родители не слышали громкого голоса пришельца, впрочем, потом вспомнила, что все это — просто сон. Хотя уж очень реальным оцепенением наполнялось все вокруг, разве только иней не полз по стенам от накатывавшей тьмы.

— Ты не напугана? — внезапно скривился Король Кошмаров, пытливо сощурился крупными глазами, словно исследователь, чей эксперимент не давал результатов. А ей надоело перед всем оказываться подопытной крыской: бегай-бегай по клетке, нажимай рычажки, получай то поощрение, то удары током, чтобы в конце издохнуть от смертельной инъекции неведомого препарата. Все на благо человечества, все ради науки. Только она человек, так что она решила хотя бы во сне проявить упрямство, не играть больше по чужим установленным правилам. От нее требовали страха и покорности? Снова? Только не во сне! Убить обещали? Да вроде бы нет. А если превратить в вампира — это просто сказка, отвлечение от разорванной непониманием реальности, красивый готический миф.

Но Валерия вспоминала этого человека, это существо — он, кажется, проглядывал так или иначе во всех ее снах; во всех кошмарах, что всплывали в памяти, обрисовывалась едва заметная тень, его силуэт с торчащими сверху черными жесткими, как оперение стрелы, волосами. Не запомнить сложно, не то, что ее. С ее внешностью только в шпионы: серые глаза, русые волосы, средний рост. И сказать-то больше нечего, глянут — и забудут. Так говорил отец, считая дочь не особо красивой. Его слова ранили... Со всех сторон лишь раны, вечный расстрел слишком меткими замечаниями. Не сбежать, не забыть, даже на краю света не выбраться из темницы собственного разума. Даже смешно бояться.

Король Кошмаров тем временем хмурился. Вокруг Валерии нарастали вихри черного песка, но она только вздохнула, глядя прямо на него:

— Ты ведь приходил уже ко мне в обитель моей безысходности. Теперь можно и поговорить.

Черный песок отступил, но плотно окутывал туманом всю комнату. Король кошмаров скрестил руки, высокомерно протянул:

— Я пришел не говорить, а наслаждаться зрелищем твоего ужаса.

Бугимен вновь оскалился, отчего острые мелкие клыки ярче прежнего блеснули в непроглядной темноте. Не такое уж страшное зрелище, особенно, если не забывать, что это сон. Видала она хотя бы по телевизору, по той самой проклятой плазме, куда более жуткие картины, и не выдумок из фильмов, а простые выпуски новостей. От них все ночные кошмары представляли скучноватой смазанной кинолентой, забытой в камерке монтажера.

— Приятного просмотра, — ледяным тоном отрезала Валерия, уставившись в сторону

на обломки сломанного мольберта. Вот они — сгоревшие крылья мечты, останки Икара среди пены буйных волн. Сердце сжималось бесконечной тоской, злостью. Почему у кого-то все иначе? Почему кто-то имеет право и на счастье, и на любовь? А она — лишь тень из тех теней, которая однажды прекратит свой земной путь, чтобы уйти в никуда, потому что рая для утопленников вечного уныния не полагается.

— Шути, шути, пока можешь, — Бугимен насмешливо поиграл подвижными пальцами, вскидывая руки, через миг лицо его наполнилось коварством грядущей угрозы, он приближался, наступал, шипя: — Но это недолго. Страх сковывает, ты не можешь противостоять ему.

С каждым его шагом тело Валерии буквально набухало от тяжести сковывающего ужаса. Впрочем, ничего нового она не испытала. Ничего такого, что не следовало бы за ней каждый миг ее жизни, особенно, в этот день.

— Я не противостою, — помертвелыми бескровными губами шептала она. — Я испытываю страх, я внутри бездны ужаса, но мне все равно, — по щекам стекли две влажные капли, вызвав новый озноб, точно превратились в две льдинки, но все воспринималось отрешенно. — Дрожит тело, катятся слезы из глаз, это тоже тело. — Девушка отрешенно качалась из стороны в сторону. — Тело чего-то боится, а мне все равно. И все равно, что это тело не желает двигаться, скованное страхом. Пусть не двигается. Ему некуда двигаться и не за чем.

Она умолкла, точно последний луч скрывшегося среди туч зимнего солнца, искусанного, отравленного. Темные фигуры призрачных лошадей все больше таяли, отчего Бугимен ощутимо разозлился. Он кинулся вперед, нависая над Валерией, расставляя руки, точно крылья гигантской летучей мыши. Он шипел своим мягким высоким голосом:

— Думаешь, тогда я не властен над тобой?

— Отчего же? Властвуй, — отозвалась Валерия, почти тем же тоном, что недавно ее мать, которая просила уйти с глаз долой. — А я погляжу. Я слишком глубоко в омуте мыслей и памяти, чтобы как-то иначе воспринимать, происходящее со мной.

Голова и правда болела, от усталости и стресса она буквально наливалась свинцовой тяжестью, давила на открытые глаза. Или закрытые? Сон или не сон все-таки?

Однако Король Кошмаров вплотную приблизился к ней, мерцая горящими медными глазами. Он тянул к ней крючковатые пальцы, от него исходил холод, тянуло запахом пепла и ржавчины, кажется. Валерия закрывала глаза, качаясь из стороны в сторону от томящего отчаяния, которое пропитало ее душу насквозь. Все-таки сон, потому что Королем Кошмаров не удалось дотронуться до нее. Или просто они принадлежали к разным мирам.

— Что придумаешь? — вскидывая брови, поинтересовалась с сарказмом Валерия. — Озноб, заломленные пальцы? Видения, что сводят с ума? Ах да, ты отравляешь сны. Но у меня нет добрых снов. — Она только теперь заметила, что сгусток черного песка неотрывно кружится вокруг нее самой, вокруг головы, словно концентрат всех ее дурных мыслей и видений. — Кому как ни тебе знать значения снов... Что там отравлять? Может, расскажешь?

Глаза ее недобро блеснули, точно два озера неукротимого пламени боли, что сокрушает обвинениями целый мир, который не позволяет освободиться. Вроде не в цепях, вроде не в клетке, не где-то в рабстве, не в плену, а все же не свободна.

Бугимен тем временем загадочно молчал, лишь испытующе поглаживал рассыпающуюся гриву вновь обернувшегося отчетливым силуэтом коня. Король Кошмаров

пристально глядел на Валерию, а она закрывала глаза, продолжая без цели и назначения:

— Во снах я всегда пытаюсь пробраться по заснеженному городу среди серых зданий в гости к каким-то родственникам, я должна идти, и не могу найти адрес, а потом вспоминаю, что эти родственники давно умерли. Они и в реальности умерли, давно... Но во сне я обязательно должна добраться до них. И еще часто метро снится, будто вагон слишком далеко от платформы, но я опаздываю и должна идти, — Валерия сглотнула холодный ком в горле, нервно прокашлялась, нейтрально удивляясь: — Тусклые сны искаженной реальности. Что это ты меня слушаешь?

Она не верила, что кому-то есть дело до глупых выдумок ее сознания. Ах да, ведь все случилось во сне, в ее голове.

— Думаю, как сделать твои сны страшнее.

— Подумай хорошо. Но я научилась наслаждаться кошмарами. Их потом очень хорошо записывать, — пожалала плечами Валерия, лишь черный песок вокруг головы уплотнился.

«Если ты не хочешь стать профессиональным писателем, то нечего и писать! Как, хочешь? Нет-нет, писатель — это не профессия, не для тебя», — говорили ей родители, но короткие страшные рассказы она тайком писала до сих пор, выкладывая в группу страшных историй. Там хватало таких же «кадров», как Бугимен среди бесконечных постов про утопленников и потусторонних маньяков. Наверное, рано или поздно это должно было случиться — воплощенный ужас, персонифицированный страх явился именно к ней.

— Рано или поздно ты не выдержишь... — сдержанно сообщил Бугимен, прикрывая надменно глаза, манерно соединяя кончики пальцев.

— И? Что будет? — вкрадчиво осведомилась Валерия, отпуская подушку, расслабляя затекшие плечи. — Радости не станет? Ее нет... Как и любых эмоций.

Она все больше убеждалась, что все происходит наяву. Но ведь ей запретили считать этот мир населенным кем-то, кроме людей, этих беспощадных комаров, что выпивали планету. Впрочем, зря так о них, встречались и хорошие. А встречались хуже всех выдуманных монстров.

Однако если все только игра воображения, тогда кто же этот странный мужчина? Валерия по-настоящему испугалась, когда составила в голове картину преступления: фокусник-маньяк. Впрочем, нет, никому бы не удалось так долго и навязчиво показываться в ее снах, никто бы не просочился так филигранно через стеклопакет. Да и просто: она знала давно, что перед ней не человек. Не столь важно, что запрещали думать родители, уже ничто не важно. И тревога за свою жизнь прошла, наверное, рано и несвоевременно.

А что до Короля Кошмаров... Куда уж дальше заклеившую душу выворачивать? Куда уж ее еще пугать иллюзиями? Валерия устало откинулась на кровать, закутываясь в одеяло, как в плащ, который стелился шлейфом черного пальто Бугимена. Он же немедленно возмутился, нависая, загораживая вид на люстру, которая распростерлась гигантским пауком по потолку.

— Думаешь, я уже безоружен? — проскрежетал он. — Я превращу твою жизнь в кошмар! Раз уж со всем миром не удалось, я выберу для себя одну цель, тебя, самую интересную.

Валерия все глядела в потолок, где мерцали синие отсветы — это по безлюдному ночному проспекту пронеслась скорая, а может, полиция или пожарные. Где-то случилась беда, большая беда, чем у нее. Эти беззвучные синие отблески ночных бедствий — она нередко созерцала их в беспробудной своей бессоннице, когда время увязало в патоке

электронных часов, со скрипом ковыляя до утра.

— Так ты тоже потерял свою глобальную цель? — оживилась девушка. — «Мечту».

Он нервно отступил, глаза его расшились, он неуверенно потирал руки, глядя на то, как все менее густо вьется черный песок.

— Э... Да... Были сложности, — замялся он, зло махнув рукой, открывая свой секрет: — Словом, я только из подземелья, где проклятые Хранители Снов заперли меня на несколько лет! Все из-за Луноликого... и остальных! Хотя ты не в курсе всего этого.

Валерия долго глядела на него. Так вот, в чем секрет: он — побежденное зло. И чтобы восстановить форму он пришел зачем-то к ней, думал, что найдет пищу для своих лошадей. Но среди ее отчаяния оставался только последний путь, если уж Король Кошмаров намеревался отравить ее жизнь. Хватит!

Становиться игрушкой еще и для какого-то Бугимена — выше ее сил, хватило и того, что она марионетка для родителей, автомат на работе, винтик человечества. Слишком мало тепла, вернее, полное его отсутствие. В чем же тогда смысл всего этого? Жизнь — ожидание. Если смысла нет и ждать нечего... Вывод начертался огненными буквами.

— Печально быть запертым, — отстраненно повела рукой Валерия. — Все рано или поздно терпят неудачи. Вопрос только: как вырваться из круга невезенья. Что ж... Выбирай... Я посмотрю...

Она ледяным изваянием встала с кровати, сбрасывая одеяло с плеч. Ее не заботило то, как она выглядит в поношенной пижаме. Она совершенно спокойно прошла через комнату, отводя морды призрачных лошадей, проходя сквозь них насквозь, отчего ее обдавало все новыми волнами холода. Но порой наступает порог, когда бояться уже невозможно.

С невыразимым упоением она открыла окно, точно бросая вызов всему этому миру, всему этому дыму монотонной суеты. Она не ведала, зачем живет, куда стремится. Все по привычке, все ради приличия — исхода нет. Вернее, есть — где-то там, внизу, на асфальте, через тринадцать этажей.

— Эй? Что ты делаешь? — донесся из-за спины внезапно обеспокоенный голос. — Зачем встала на подоконник? Ты не умеешь летать.

Он не понимал! Как забавно! Король Кошмаров не понимал, зачем люди становятся на подоконники. А ведь самому, наверное, только недавно хотелось выть от заточения. Как и ей. Только ее наказывали вечно без вины.

— Конечно... Было бы бессмысленно, если бы умела, — зло глянула на него Валерия, с явным злорадством превосходства: уж после смерти ему бы не удалось ее мучить, никому из них! Жаль, что люди только падают, жаль, что не умеют улететь сквозь облака прямо к луне, прочь от смрада.

— Значит, ты не выдержала все-таки мой страх. Я снова победил! Все люди устроены одинаково! — вновь торжествовал Король Кошмаров.

— Страх? Что такое страх? — оборачивалась с расширенными глазами Валерия. Она и правда больше не боялась, и черные тени за ее спиной все больше опадали, кажется, доводя до исступления побежденное зло.

— Ты ведь... хочешь выброситься наружу? — уточнил Бугимен, неопределенно рассматривая ее из мрака комнаты, точно огромный тощий кот-сфинкс.

— А тебя это тревожит? — безумно ухмылялась Валерия, ломая все барьеры. — Думаешь, я боюсь падения? Никаких эмоций... А если нет никаких чувств, нет бытия, нет любви, нет сожалений, сострадания, ничего нет... Совсем ничего! Пустота! — она

воскликнула в тишину улицы, но вскоре с ведьмовским спокойствием оборачивалась через плечо. — Остается только смерть. И она нестрашная, совершенно... Если нет и веры, то смерть не страшна, а жить нет смысла. Я потеряла веру... Просто так. Случайно. В суете Суета съедает и страх, и любовь.

Она более уверенно встала на подоконник, лишь слегка держась за раму. Король Кошмаров не шевелился, но был явно сбит с толку, похоже, никто раньше не пытался избавиться от него таким способом.

Искал бы себе несломленных, не перебитых лопатой червячков. Видимо, после того, как вырвался из заточения, все еще скрывался, выбора особого не подвернулось. Или ему самому захотелось чего-то нового. Не удалось захватить мир, так решил отомстить одной ей. Как это напоминало многих ее бывших знакомых, фальшивых друзей, которые затерялись в хороводе будней. Они так часто вымещали свое плохое настроение на ней. Как же, Валерия добрая, Валерия потерпит. Но вот истончилась ее доброта, растрескалась, опала листвой.

— Страх сковывает, — прозвучал глухо голос Бугимена, он неуверенно стоял где-то в темноте, но тут же придумал новый план. — А что если... я хочу разгадать тебя прежде, чем ты прыгнешь.

— Я собираюсь умереть, — решительно отозвалась Валерия, высказала все, что так долго томило, о чем ей запрещали думать.

Но тут она глянула на улицу, вниз, в этот колодец, и слишком живо представила свое расплющенное тело на асфальте, в луже крови с размозженной головой. Не иначе Король Кошмаров постарался, насылая такие видения, отчего горло перехватило тошнотой отвращения. Валерия только болезненно горько засмеялась:

— Что ты делаешь? Опять твоя магия страха сковывает мое тело, и оно — о, жизнелюбивое зомби — отказывается прыгать?

Она дрожала, всем телом, ноги теперь подкашивались, а пальцы неуверенно скользили по оконной раме. Теперь она боялась спускаться с подоконника, точно забравшаяся на дерево кошка. Голова предательски кружилась. Оказывается, она боялась высоты. Еще немного — и она упадет, глупо и нелепо, не по своей воле, а так... от плохой координации движений.

Она инстинктивно, не глядя протянула дрожащую руку во тьму комнаты, туда, где маячило побежденное зло, которое на этот раз помешало осуществить ее план. В тот миг кто-то с силой дернул ее за запястье, буквально опрокидывая во мрак квартиры. Она практически упала обратно на разобранную кровать. Сердце бешено колотилось, она сидела, сцепив в замок руки, но отвечала непреклонно:

— Так и быть. Вот я снова на диване. Так лучше?

Она теперь злилась, наверное, на себя, на то, что все-таки поддалась воле Короля Кошмаров.

Впрочем, так ли страх всегда плох?

В этот раз, казалось, он оказался разумнее нее. Бугимен стоял напротив нее, скрестив руки, загораживая собой проем окна, а затем его неведомая сила захлопнула его, точно дверцу западни.

— Тебе стало страшно? — интересовался он. Снова его подопытная крыска реагировала не так, как следует; ждал, значит, когда она признает его превосходство над родом людским, но она лишь описала то, что с ней произошло:

— Да... Тело снова отказалось прыгать.

— Еще рано. Я так решил, — осклабился Король Кошмаров.

— У каждого здесь свои игры. Кто кого, — отвернулась Валерия, имея в виду не только участников этой микротрагедии в рамках одной холодной комнаты; но заинтересовалась, ухмыльнувшись: — Может, заключим пари?

Король Кошмаров оживился, наклоняясь поближе, заискивающе кивая:

— Пожалуй, интересно!

К тому времени уже первые лучи рассвета несмело пробивались через дым и смрад сотен туч. Сколько же тянулась эта пытка! Время потеряло стрелки и цифры, циферблат стек картиной Дали. Вдалеке уже меркла луна, отражалось гребнем зеленоватое солнце. Тучи на какое-то время рассеялись.

— Идет. До встречи, упырь, — отозвалась Валерия, когда поняла, что с наступлением рассвета Бугимен намерен уйти. На прощание он зловеще бросил:

— До скорой встречи, ненормальная. Но помни — страх всегда побеждает.

Комната очистилась от черного песка, однако Валерия точно знала, что темная субстанция ее мыслей все еще вьется над головой, просто закрылось иное зрение для ее созерцания.

«Что ж... Значит, играем, ужас и страх!» — подумала она, сжимая кулаки. А ставка в таких играх, как водится, жизнь. Или же что-то большее?

2. Но чей же страх?

Следующий скандал произошел через сутки, вечером, во время просмотра телевизора. Или это просто продолжился предыдущий, что более вероятно. Но в этот раз попало самой Валерии, незаслуженно, как и в большинстве случаев. Хотя это с чьей стороны посмотреть.

Крутили матч по боксу, очень неплохой, интересный, но кровавый. Рассеченные брови и скулы камера показывала намеренно крупным планом, как будто ничего другого не нашлось.

— Переключи! — попросила мать или вкрадчиво приказала. Она обращалась к отцу, который предпочитал футболу бокс и, кажется, втайне (да и открыто) жалел, что у него нет сына. Вдвоем они бы наверняка тренировались, наверняка ездили бы на соревнования от «вредной мамочки, которая держит мальчика у юбки». Но у него получилась только дочь, которая и танцевать-то толком не научилась, к большому сожалению своей безупречной матери. «Не ребенок, а сплошное расстройство!» — вот их совместный вердикт, негласный, но очевидный. Не удалось осуществить перенесенные на нее ожидания, их нереализованные мечты, поэтому она тоже не имела права на свою.

— Переключи! — процедила сквозь зубы мать, сминая край домашнего платья. — Я по-хорошему прошу.

— А мне нравится, — ответил нейтрально отец. Наверное, так он издевался, ведь ему ничего не стоило включить какой-нибудь нейтральный фильм, где и приключения, и обман любовной линии. Впрочем, по жанрам они никогда не совпадали, кому-то нравились исключительно боевики, кому-то только мелодрамы. Одна Валерия смотрела все, что под руку подворачивалось, лишь бы играли неплохо. Впрочем, все это бытовые мелочи, но почему-то из них вспыхивало настоящее пламя, когда дело доходило до выбора. Снова подобие семьи делились на два лагеря. Из мелочей складывалась обычная жизнь сотен таких же людей. Ничтожные проблемы на первый взгляд, корень которых крылся куда глубже.

— У нас у всех есть компьютеры! Идите и смотрите, что вам нравится! — тут же недовольно всплеснула руками мать, указывая на две соседние с гостиной комнаты. Мол, отправляйтесь туда, оставьте ее в одиночестве.

Определенно, собратья тем вечером за просмотром какой-то белиберды было одной из самых глупых идей. Кто ее предложил — неизвестно. Валерия с надеждой на перемирие присоединилась, притулившись в уголке дивана, сминая бежевый мягкий флок нервно подрагивающими пальцами. Теперь она предпочла бы тихонько уйти к себе, перебирать дальше истории крипипасты из группы в социальной сети, писать случайные комментарии малознакомым людям.

Друзей у нее практически не было ни в реальности, ни в Интернете. Не то, что у матери. Порой она собирала целую компанию таких же манерных высокомерных подруг. Хотя не Валерии судить, она-то лишний раз и помаду на губы не наносила. Глупая, наверное, не хотела аж в двадцать четыре года найти себе парня. Время-то тикало, проходило. А что сказали бы все стрелки и циферблаты, если сердце молчало? И не помадой с тенями-тушью его возможно разбудить.

Казалось, у них здесь у каждого сквозили какие-то неполадки в сердце, не по здоровью физическому, а по психике. Валерия даже могла бы назвать их научными терминами, но опасалась. Как-то раз попыталась разложить по науке, рассказать про типы характера — так

поднялся скандал. С тех пор мать ей ставила в упрек каждый раз — «умная слишком стала», психолог в семье экономистов. С тех пор она помалкивала, лишь изредка вставляя неуверенные замечания по делу и не очень. Но ведь и на психолога пошла, казалось, чтобы разобраться, из-за чего именно в их доме такой разлад, что им так мешает и одновременно не позволяет разойтись. Каждая из сторон сумела бы прожить самостоятельно, но что-то примагничивало их друг к другу, заставляло мучить и мучиться. А их дочь — случайная жертва всего этого театра абсурда.

— Но мы же хотели собраться возле телевизора... — несмело пробормотала Валерия, ее тут же перебили.

— А зачем? Чтобы смотреть эту мерзость? — восклицала на экран мать, с показным отвращением отворачиваясь, когда боксерская перчатка влетала в челюсть, отправляя в нокаут оппонента будущего чемпиона. Может, и правда, бессмысленное зрелище, как и многое, что придумали люди, жестокое в этом беспощадном мире. С изобретением телевидения безжалостность приобрела формат зрелища, гиперреальности.

Валерия не рассказывала, что в тайне смотрит соревнования по боям без правил, она представляла себя в роли победителей, воображала, как бьет, вымещая свой гнев. Нет-нет, ни в коем случае не родителей, просто выплескивая весь накопившийся негатив. Но едва ли ее неумелое среднего сложения тело послушалось бы, у нее даже на костяшках никогда не обреталось мозолей. Во всей этой брэнной суете она не научилась ничему, что было бы сверх требований родителей. И так уже подкачала, когда поступила на психолога. Кажется, они до сих пор считали, что она осталась неучем. Наверное, должность школьного психолога и правда была ниже их ожиданий, и они безотчетно злились уже персонально на нее. Сломали бы еще сто раз ее проклятый мольберт, который как-то раз сами же подарили. Они терялись, что еще следует запретить, чтобы их дочь сделалась идеальной, хотя ее, в целом, все устраивало. Работа нормальная, как у всех, помогала забыться, хуже то, что ждало каждый вечер дома.

Неопределенность и зыбкость сводили с ума, когда родители бились без шлемов и лат, но ломались сотнями незримые острые копья.

— Бокс — не мерзость! — немедленно вспыхнул отец, которого слова матери традиционно провоцировали, точно перед цепным псом по тонкой жердочке забора бродила кошка. Может, матери так самой нравилось? Вечно чувствовать себя несчастной, хотя сама же создавала их беды.

Может, отец и правда требовал слишком часто уступать его интересам. Ведь это из-за него мама отказалась от карьерного роста, еще лет двадцать назад он убедил ее, что женщине не следует занимать высоких постов, он — экономист — сам обеспечит семью, а ей лучше возиться с ребенком. И с тех пор Валерия стала вечным заложником этой неискупимой жертвы. А мать несла на себе бремя нереализованных амбиций. В конце концов, они с отцом были однокурсниками, оба начитанные, умные. Говорят, в их юности все шло чудесно, общие интересы, общие конспекты на сессии. Может, как они закончились, так и не о чем стало говорить. Кто знает... Только Валерия с тоской рассматривала свадебные фотографии: это счастье на лицах никто бы не сумел подделать. Но что-то сломалось и треснуло уже навсегда. И они не желали признать это.

— Валерия! Скажи ему все, что думаешь по этому поводу, и мы включим что-нибудь нормальное, — обращалась за поддержкой к дочери мать.

Валерия неуютно съежилась, в руках появилась знакомая дрожь. И она невольно

вспомнила Короля Кошмаров. Реальность или вымысел? На самом ли деле она пыталась накануне покончить с собой? Да уж, если бы кто-то из коллег или знакомых увидел ее на подоконнике, то с работы она бы немедленно вылетела с такой скоростью, что оставила бы за собой след несущейся кометы. Но если все это только видения, намерения, угрозы — это все не реальные действия.

Она слишком отчетливо помнила холод подоконника и то, как кто-то слишком уверенно дернул ее назад. Может, она бродила во сне? Но тогда бы родители ей рассказали, а за такую выходку она бы поплатилась днями воспитательной беседы.

А ведь то существо считало, будто показывает какие-то новые оттенки ужаса, кошмаров. Но Валерия, кажется, уже познала все, на которые был способен властитель сумрачных видений. Люди делают хуже, причиняют настоящую боль телу, порой настолько невыносимую, что жертвы сходят с ума. Впрочем, сумасшествие и мрак снов — темный путь в никуда, болота без возможности выбраться. Неизвестно, что еще страшнее.

Ныне же чудилось, будто она тонет в бесконечной топи, мечется между двух огней. Ее снова вызывали на поединок, ей снова в борьбе двоих выдавали комплект доспехов. Но при чем она до турнира «алой и белой розы»? Или как там еще назывались все это причудливые красивые ордена благородных рыцарей. Хотя половину придумали вруны-менестрели, историки и писатели. Люди жестоки, и сочиняют образы сказочных злодеев, списывая их с себя. Иного не дано.

— А мне, в целом, нравится, — Валерия не выдержала и высказала первое, что в голову пришло. Дебильный повод ссориться, только сотрясать ткань мироздания очередным раздором.

Красивое и свежее лицо матери вытянулось, застыв непониманием на мгновение, точно пленку поставили на паузу, а затем искривилось всеми возможными оттенками возмущения. Валерия сжалась, втягивая голову в плечи. Ее никогда не били, разве только в детстве могли за непослушание надавать по рукам, но не сильно, даже синяков не оставалось никогда. Ее любили — так они всегда говорили, ее берегли — так они утверждали. Но отчего же слова хлестали плетью? Девушка инстинктивно закрылась сцепленными на груди руками — плотный замок для ментальных атак, чтоб не лезли сразу в душу.

— Нравится смотреть, как люди друг друга бьют? — взвилась мать, язвительно продолжая: — «Прекрасно!» Просто «восхитительно!» Ты теперь заодно с отцом? Хорошо! Вы меня оба довести решили!

— Молодец, доча! Будем смотреть бокс! — рассмеялся отец, точно получил баллы в свою пользу, даже хлопнул дочь по плечу, точно «своего парня», насмехаясь над супругой: — А ты иди свои мелодрамы качай!

— Валерия! Я от тебя не ожидала! — продолжала мать.

Веселье отца не радовало, как и возмущение матери. Он специально включил то, что ей не нравилось. Наверное, Валерии следовало промолчать, по меньшей мере. Или попытаться уговорить найти что-то нейтральное, что перетерпят все. Так бы хоть один вечер часа два посидели в тишине, уткнувшись в разноцветный экран. Так многие и живут — общим экраном, отделенным им же друг от друга. А оставить их наедине в темноте или в пустой комнате, заставить поговорить о чем-то, так и поняли бы, что чужие друг другу, как галактики на разных концах Вселенной.

— Да не будем мы уже ничего смотреть! Как вы меня достали! — воскликнула пронзительно Валерия, глотая едкие горькие слезы, которые жгли в горле, но не выступали

на глазах. Она вскочила с дивана, уносясь прочь, в свою комнату. Она ждала наступления ночи, ночью тихо, никто не трогает, никто не требует выбирать сторону в этой бесконечной войне. Ничтожной и малозначительной в сравнении с тем, что творилось в варварском изменчивом мире, но изранившей душу до состояния поношенной тряпицы, терзаемой семью ветрами. Где-то на краю света в деревне рыбаков-Хоронов, улов которых не морские создания, а человеческие существа. Где-то в иных мирах надломилось что-то для них, накренилось, и иссякла гармония.

Во всем виноваты характеры, воспитание, склонности, предпочтения, собственный выбор — вроде все рационально и просто объяснялось, только казалось, будто сердце выпотрошили наружу.

«Как вы меня достали...» — слышалось повторением зажеванной кассеты, пока девушка лежала ничком на разобранном диване. Утром она его уже не собирала, ее не интересовало, что думала по этому поводу мать. Ругалась, конечно. Но Валерия вскоре запретила входить в свою комнату без надобности, сказала, что она слишком взрослая и имеет право хотя бы на личное пространство. Просто ей надоело, когда скандалы переносились к ней, когда ее начинали делить и убеждать принять одну из сторон. Так у нее появился способ отгородиться от этого, а что делать дальше, она не ведала, не загадывала дальше следующего утра.

Пережить бы еще ночь... Ночь... Когда опять придут кошмары!

Она поняла, что теперь даже сна нет смысла ждать, потому что придет незваный гость, который наивно считал себя ее ужасом и страхом. Впрочем, да, наверное, ужас и страх — долго она бы не выдержала, бессонница доводит до истончения границ нормальности быстрее голода. Он бы добился своего рано или поздно, хотя... Не из-за него не удавалось сомкнуть глаз, а из-за того, что каждый вечер после работы она получала свою ненужную дозу адреналина.

Она ждала наступления ночи; начало и конец устанавливал сам Король Кошмаров. И чем гуще делались тени, тем отчетливее вставал образ открытого окна и подоконника — она на самом деле пыталась покончить с собой, и после очередной перепалки ничуть не жалела об этом решении. Ее жизнь не удалась, не состоялась. Так уж ей казалось. Она устала быть то переходящим призом, то оруженосцем одного из «рыцарей», то переговорщиком, который тщетно стремится установить мир. Лучше бы разошлись, но иногда две стороны слишком повязаны бременем взаимных обид.

Валерия неподвижно лежала с открытыми глазами, даже не моргала, не включала свет. Она ничего не делала. Проплывали нестройные ведения, лишь холод не наступал, его на какое-то время изгнал горячий чай, выпитый на ужин. Только голова снова раскалывалась от усталости, наполнялась разномастными оттенками боли. Особенно стучало в висках, мучили короткие импульсы, пробежавшие где-то под кожей, в сосудах. Наверное, это мысли болели, копошились мышами: «Вы победили Страх. Так что же, вечный праздник? Кому в этом мире легче от призрачных снов?.. Хотя от кошмаров люди порой становятся более жестокими. Но они готовы устроить кошмар и в реальности, а сны — лишь ее продолженье».

А потом все тело вдруг изогнулось дугой, как у одержимой, заметалось на месте, но замерло, лишь губы исказила ненормальная улыбка. Слезы иссякли, настала пора смеха отчаяния. Валерия негромко, но исступленно смеялась в пустоте одинокой комнаты. И только с улицы ей вторила далекая заунывная сирена.

Смешно! Нелепо! Как же смешно! Где-то гибли люди, рушились дома, случались

настоящие беды, болезни, а они переживали из-за такой тупой мелочи, как фильм на широкой плазме! Да пропади все пропадом, если такие проблемы возводятся в абсолют! Вроде и все есть, счастье только не заглядывало, точно искусанное солнце в серые города.

С улицы сквозь приоткрытую щель отчетливо тянуло дымом и бензином. «Свежий» воздух заполнял комнату зимней прохладой, свербел в легких, мешая передавать себя безумию всех мрачных клоунов. Вскоре его оттенил запах иного пепла, как будто древесного. Даже приятно в сравнении с выхлопами миллионов машин. Недавно вообще случился какой-то коллапс где-то на заводе, так двое суток окна вообще не открывали. Впрочем, все это тоже незначительно, зыбкий смог. Но через него не пробивались спасительные лучи солнца или луны. Лишь незваные гости приходили свободно.

— Ты смеешься? — донесся удивленный голос, вслед за которым в комнату вползли неизменные черные лошади-тени, тонконогие с гривой из чешуи и красными провалами пустых глаз.

— Это похоже на радость? — вместо приветствия с невыразимой горечью отозвалась Валерия. Она почти веселилась, что вновь к ней прибыли ночные кошмары. Пусть лучше они, чем те, кто доругивался в гостиной возле еще что-то бормотавшего телевизора. Кто вышел победителем боксерского поединка, узнавать не хотелось. Тут дома круглосуточно разворачивался ринг без перчаток и рефери, зато с подлыми приемами.

— Нет, — вкрадчиво отозвался Бугимен, вновь пристально рассматривая ее. Медные глаза поблескивали, точно два болотных огонька.

Черный песок поглощал все звуки, просачивался под кожу ощущением страха, но какого-то иного, далекого. Паршивое чувство для нормального человека, мешающее думать, вечная тревога и невозможность сомкнуть глаз. Но зато всецело ее страх — а не мучительное непонимание, что надлежит сказать, чтобы не спровоцировать отца или мать. А ее мнение никого не интересовало. Не такая важная фигура, чтобы иметь свое мнение. Обломанные крылья вились сделавшимися вновь осязаемыми песчинками над головой. Кому оперение и нимб, а кому черные кони и шипы без роз. Не заслужила ничем иного, видимо. Только серое скитание.

— Опять ночь и снова ты пришел. Послушай, я не высыпаюсь! — хохотнула иронично девушка, но вздохнула, признаваясь: — Но говорить с тем, кто тебя слушает — не важно, с какой целью — мне приятно.

— Приятно?.. — вновь удивлялся Король Кошмаров, недоверчиво щурясь, машинально перебирая по чешуе своего нематериального слуги, интересуясь испытующе: — Уже не прыгаешь?

Еще не хватало этого исследователя великого, обещавшего сломать. Да как еще? В чем бы это выразалось? Валерии и так чудилось, будто она разбитая на части кукла, которую все собирают по своему произволу, да все не в том порядке.

— Тело вчера испугалось боли, испугалось исчезновения, — сдержанно отзывалась она, вставая и без опасений приближаясь к Королю Кошмаров, почти вменяя ему в вину: — Никак ты постарался? А зачем? Чего молчишь?

Если бы это спровоцировало его гнев, вспышку ярости — что угодно — Валерия бы только обрадовалась. Если этот черный дух желал, в конце концов, убить ее, то это казалось лучшим исходом всего этого круга бессмысленной суеты. Но ему тоже требовалось «топливо» для своих приспешников. Побеждено зло, очевидно, растеряло бывшее могущество. Из-за этого он лишь недовольно скривился, оскалился, но Валерия скалилась теперь в ответ. Ее

питал гнев, она еще злилась на родителей, все же слыша, как в гостиной ругаются. Дело их, у нее теперь еще своя борьба шла. И она все больше убеждалась, что наяву, а не во сне.

— Я еще не разгадал тебя, нет, самоубийство пока не входит в мой план, — Бугимен высокомерно отвернулся, глядя куда-то в окно. Валерия мерила шагами комнату, как зверь в тесной клетке, протискивалась через сгущавшиеся тени призрачных лошадей. Боли они не причиняли, только окатывали новыми волнами страха, от которых дыхание перехватывало и сердце колело. Сердце так сердце. Все от чего умирают рано или поздно. Если жизнь пуста, если нет любви и дальнейших планов, то умереть от страха — не так уж зазорно.

— Когда уйдешь, я снова встану. Днем, — проговорила она угрожающе. Впрочем, намерение и обещание — это не действие. Отец и мать тоже слишком рьяно каждый раз твердили в порыве очередного разлада, что разведутся. Но вот опять затихали, как гром, что все дальше отстоит от всполоха молнии. Видимо, не в этот раз, снова и снова в этом круге липкой безнадежности созданных искусственно проблем. Чего им все не хватало? Что так мучило? Стоит человеку выбраться за рамки простого выживания, как ищет какие-то высшие смыслы, способы самовыражения. Валерия уже редко задумывалась о глобальном смысле всей-всей жизни, она просила оставить ее в покое, хоть забыть о ее существовании.

— Думаешь, я днем не властен над людьми? — обернулся Бугимен, скептически дернув худощавым плечом.

— Тебе обидно, что я, живя в постоянном стрессе, научилась воспринимать страх как что-то лишнее? — издевательски протянула Валерия, облакачиваясь спиной о шкаф. — Можешь уходить... Я уже живой труп. Когда-то я умерла и просто забыла об этом, — она, сама не зная почему, добавила негромко: — Скажи, а ты боишься смерти?

— С чего ты решила, что я живой? — внезапно подлетел к ней Король Кошмаров, нависая, рыча. Решил запугать своей великой персоной. Но девушка только рассматривала его устало, как картину. По венам и артериям ее и так разносился вязкой эссенцией ужас, ноги подкашивались, а от стресса в груди теснился невыразимый вой. Но с этим тоже привыкаешь жить, как с долго зреющим, да все непрорывающимся нарывом. Человек способен слишком ко многому привыкнуть, смириться слишком с огромными потерями или хронической болью.

— Не знаю. Обычно мертвые не боятся небытия, — отвечала девушка сдержанно. — А в тебе слишком много страха. Хотя бы эти кошмары, воплощенные в черных лошадей. Тесновато в комнате становится, не находишь?

В глазах Короля Кошмаров блеснула неуверенность, он обвел взглядом комнату, глядя на лошадей, казалось, вздрогнул. Но сохранил лицо беспощадного зла, констатируя:

— Это твой страх растет.

Но Валерия не верила ему, ведь лошадей она не опасалась никогда, лишь испытывая разочарование из-за еще одной неосуществленной мечты, поэтому бесстрашно протянула руку к одному из нечетких силуэтов, который осыпался хлопьями сажки и копоты, точно сотни сгоревших единорогов. Казалось, от него доносился запах паленого мяса, или это с улицы снова натянуло дыма.

— Думаешь? А не твой ли? — скривилась девушка, обращаясь к зверю: — О... Снова они. Хорошая лошадь, грива мягка, хоть и чешуя.

Она провела рукой по едва ощутимой гриве, но все-таки материальной, что удивило. Когда-то Валерия читала легенды про кровожадных Кельпи — речных хищных лошадей-чудищ, которые утаскивали за собой в омуты незадачливых странников. Кельпи паслись в

облике чудесной белой лошади, привлекая всех своей ослепительной красотой и обманчивой кротостью. Но стоило дотронуться до него или оседлать, как человек буквально прилипал, обреченный сделаться обедом мистического хищника.

При соприкосновении с черной гривой слуг Бугимена могло бы в теории случиться нечто подобное. Но Валерия не боялась, ведь дальше некуда на самом дне ужаса. Король Кошмаров сам подготовил ее к самым отчаянным шагам. Они все ее медленно изводили, а потом удивлялись, почему она реагирует не как все обычные люди. В этот раз ей владело какое-то злорадство, да еще пробуждался почти научный интерес. Они все-таки заключили пари, кто кого.

Хоть и темный дух, а характер у него присутствовал вполне человеческий, в котором проступали явные следы давней обиды, недавней травмы поражения и желание доказать себе, что не все потеряно за счет сокрушения кого-то менее сильного. Вот последним-то элементом Валерия и не желала становиться, хватало ей и других игр. Потому она бесстрашно гладила и гладила гриву и морду оказавшейся вполне спокойной черной лошади. Значит, не ее это страх наполнял комнату.

— Ты... Гладишь моих слуг? — онемел на миг Бугимен. Он сам боялся. Странно, но закономерно: наиболее злые умы, повергающие в ужас, обычно сами трусы. Слуги ли они были, эти мрачные создания, или порождения больного рассудка, которые навязчивой галлюцинацией следовали за ним по пятам?

— К ним я уже страшно привыкла, — уверенно блефовала для самой себя Валерия, но искреннее вспоминала, выуживая из памяти осколки странных видений, о которых не желала слышать мать: — Ты приходил ведь ко мне и в детстве? Мне все казалось, что какое-то черное существо повисло за шкафом, а по коридору бродит высокий человек в черном.

Она не лгала, она видела очень часто не то во сне, не то наяву силуэт, облаченный в темную мантию в окружении теней. Тогда он прибывал не персонально к ней, тогда, наверное, он отравлял сны многих других людей, теперь же как будто скрывался, изводя только ее.

Прибыли все ее детские страшилки, все видения, в которые она давно не верила. Она поступила на психолога еще для того, чтобы научиться понимать, откуда эти сны, в чем их смысл. Кошмары оказывались интересны для понимания своими деталями, Валерия даже радовалась, что их легко записать и разложить в рамках той или иной теории. Но ответа не находилось, пока он сам не явился. Почувствовал, как шакал падал, ее отрешенную безысходность. Но теперь все хотя бы вставало на свои места: черный силуэт так и оказался серокожим духом иррациональной тревоги. Или как уж он себя величал... Стоял перед ней, лишь немного отличаясь от людей, то с опаской поглядывая на черных лошадей, кружащих по комнате, точно цирковые скакуны, то внимательно изучая недобрым взглядом Валерию.

— Признаться, ты не лишен своего обаяния, — усмехнулась девушка, глянув вкрадчиво исподлобья, но тут же устыдилась, ведь она разговаривала с врагом, а он заинтересованно ухмыльнулся; так что Валерия немедленно перевела тему, равнодушно спрашивая: — Что ты можешь, кроме галлюцинаций страха?

— Что еще сковывает и разобщает людей? — властно развел руками Бугимен, кажется, напряженно игнорируя присутствие в комнате черных коней-призраков. Определенно — его древний страх.

— Алчность, тупость, нежелание слушать, — навскидку перечислила Валерия, мотнув головой, вслушиваясь в приглушенные звуки из гостиной, где уже кто-то додумался

выключить телевизор, этот глас катастроф. — Хотя ты прав. Алчность от страха. От страха ненависть. Зря ты так... Они и сами умеют бояться, сами искажать свои чувства. А кто-то их убивает.

— Кого «их»? — не понял собеседник. Он слушал, и это удивляло. Наверное, потому что оба намеревались разгадать друг друга, чтобы в конце концов, сломать.

— И чувства. И людей, — обреченно заключила Валерия со вздохом. А ведь она могла бы приносить реальную пользу, если бы пошла, например, в психологи при службе спасения, но тогда бы сердце изорвала чужими страшными бедами. Об этом никогда даже речи не шло, ведь ее долг — оставаться в этом доме на тринадцатом этаже, рядом с родителями. Их радость, их победа — не удалось соответствовать до конца. И с великими планами изменить мир пришлось покончить еще в зачатках. Она смирилась с тем, что ей не спасти никого. У нее просто завалился за стеклом книжного шкафа красный диплом психолога от приличного ВУЗа, а реальную пользу мало кто приносил из всего их выпуска.

— Ладно, — продолжила Валерия, поддавшись потоку мыслей. — Оставайся, сколько пожелаешь, я не против. Кстати, там еще чайник теплый на кухне... — Не к месту вспомнила о верном способе избавиться от озноба девушка. Она еще отдаленно ощущала, как горячий напиток согревал ее изнутри, на короткое время, казалось, изгонял этот хлад безвоздушного пространства неприветливой Вселенной.

— Ты за кого меня держишь?! — возмутился Король Кошмаров, потрясая кулаками. Прямо как мать перед телевизором только недавно. Самоуверенности много, а толку-то мало. Вот уж кто никогда не задумывался о том, чтобы как-то изменить мир к лучшему. Они оба. Но от сравнения сделалось противно.

— А я устала за день, — зло бросила Валерия, отгораживаясь от незваного гостя так же, как от недавнего «турнира» родителей. — Пожалуй, буду наслаждаться твоими кошмарами, плыть в их спокойном хороводе. Иллюзорные кошмары... Как мило. Они уводят от ужаса реальности.

Она демонстративно поплелась к дивану и с размаху упала на него, так и оставшись в домашнем желтом спортивном костюме.

— Вот так наглость! Она еще и в одеяло завернулась! — не нашел, что еще возразить Бугимен. Девушка же и правда укуталась в импровизированное «гнездо», но отнюдь не от веселья. Ей и одеяло-то казалось цепкими кольцами кобры, поэтому она приподняла голову:

— А что? Поговорить хочешь? Ладно, я только «за».

— Ты можешь вот так запросто обращаться ко мне? Ты хоть знаешь, что я могу с тобой сделать?! Ты хоть знаешь мою силу?

Его силуэт разбух и разросся, заполняя, как хвост черного павлина, песком всю комнату. На этот раз Король Кошмаров по-настоящему испугал, уже не на уровне видений, а скорее снова телесную внешнюю оболочку, которая сжалась в преддверии боли. Но нежить оказалась не столько пугающей, сколько воспитанной. Наверное. А, может, просто некие Хранители Снов лишили его истинной силы. Так или иначе, но ударить или сделать что-то подобное Бугимен не намеревался. И Валерия вновь успокоилась, располагаясь на беззвездном дне безразличия. Пытка души — на это она почти сознательно подписалась. Что еще надлежит творить темным духам? Терзать сознание человека.

— Ты думаешь, ты самое коварное существо на свете? Самое хитрое? — бросила она, в то время как собеседник с глухим рыком бродил по комнате, явно оскорбленный таким обращением. Его шлейф закручивался нестройными складками дымных линий.

— Может, и не самое... Но одно их самых, — упрямо пытался доказать он. — И я наслаждаюсь этим чувством своего превосходства по отвратительности, цинизму, жестокости.

Он вновь развел руки, вновь скалился, но стоило ему заметить что-то за окном, как он торопливо попятился вглубь комнаты. Движения его сделались дергаными и поспешными.

— Проклятый Песочник, — пробормотал Король Кошмаров. А сам уже ощутимо вздрогнул, приник к шкафу, сливаясь с тенями, которые сплетались его камуфляжем. Пару секунд грудная клетка его часто вздымалась, как будто заставили пробежать кросс. Он боялся!

За тонкой гранью стекла пролетали едва уловимые сияющие золотые нити, точно сотни прозрачных проводков, которые тянулись в дома. Девушка заворожено поглядела на них, на каком-то инстинктивном уровне вспоминая: это добрые сны. Она видела этот золотой песок лет до четырех-пяти, а дальше... только дурные сны, когда начала вникать в то, как живут родители. Вернее, тогда-то все и началось. Тревога и неуверенность наяву, сумрачные лабиринты вместо волшебной страны. И не Бугимен их отравил. Не он создавал кошмары, а кошмары создавали его.

— А... Ты наивен, — покачала головой Валерия, удивляясь, как ее раньше пугал такой дешевый цирк со всеми трюками.

— Кем ты себя возомнила?! — прошипел Бугимен, вновь нависая над своей избранной жертвой.

— Никем. Я — никто, — отозвалась заученной фразой Валерия, часто повторяя ее себе, когда хотелось найти хоть какое-то решение. — Цинизм... Он в тебе, конечно, есть. Ну и пусть будет. Я разучилась оценивать, я разучилась переживать. Но ты наивен. Знаешь ли ты границы людского цинизма? Их жестокости, их извращенности? Пожалуй, я рада, что не знаешь.

Золотые нити куда-то схлынули, и Бугимен выглядел теперь более спокойным, но говорил злобно, обращаясь точно не к ней:

— Чтобы мне не знать за столько веков? Скольких я повидал! Да что ты за существо такое? Ты же говоришь с Королем Кошмаров!

— Ты приятный собеседник, между прочим, — дрогнули уголки губ Валерии. «Приятный» — это странное слово, не для ее лексикона. Скорее собеседник, который слушает и отвечает, не требуя соглашаться с ним. Конечно, ведь на сторону врагов не стоит вставать, если они не приглашают.

— Ну, спасибо! И что? — хрипло бросил Бугимен.

— Утро... Считай это тайной, — безмятежно зевнула Валерия. — Пока что. Я скажу завтра.

Она ощущала странное умиротворение, точно разгадала сложную загадку. Возможно, в этом помогли нежданно появившиеся нити счастливых снов. Ее уже даже не занимала ссора родителей, как и тот факт, что время разговоров с Королем Кошмаров текло как-то неправильно медленно. Может быть, она все же засыпала на какое-то время, проваливалась в забытие без сновидений. Но стоило вынырнуть на другой слой, как возвращалось это существо.

— Так ты хочешь, чтобы я пришел? — поразился Король Кошмаров, застыв на месте, заключая: — Это безумие!

— Тебе решать, приходите или нет. Ты же решил меня мучить, — отозвалась Валерия,

странно полуулыбаясь. Игра, заключенное пари, казалось ей все более интересным. Оно отвлекало от созерцания бессмысленности собственной жизни. И того хватит, что хоть что-то уводило из этой пропасти, хоть кто-то. Этот ужас и страх.

3. Равновесие

По улице носились машины, медленно скапливаясь в немаленький затор между двух светофоров. Перекресток поймал район в тупик взаимного упрямства: никто не намеревался пропускать соседа по движению. Все копошились в дыму, переругивались в честь начала рабочего дня.

Валерия тихонько кляла последними словами каждого из водителей, пробираясь к метро, торопясь на работу. У отца тоже была машина, но дочь не желала зависеть от бензинового киселя медленно текущих автострад. Да и от отца... Последнее время она и вовсе подумывала о том, чтобы куда-то съехать, подсчитывала, сколько у нее выходит в месяц, хватит ли, чтобы снять квартиру или хотя бы комнату. Но мысли как-то вяло текли в этом направлении. Последнее время думать вообще удавалось с трудом.

От хронической усталости и недосыпа подташнивало, колотил лихорадочный озноб, а голова наливалась тяжестью, точно переспелый фрукт. Да, передержал себя на ветке, прикованный к ней цепями черенка, вот и устремлялся вниз, сгнивать среди травы и белесых червей, покрываться бурыми пятнами неизбежного исчезновения. И если упал, то либо сорван ветром, либо столь плох, что не нужен ни людям, ни птицам.

Лишь черви проделывают в нем ходы прозрачными призраками с черными бусинами глаз, прорывают туннели, как кроты в земле, выедают сладкую сердцевину. Казалось, она-то и истлела, ее-то и сожрали внутренние демоны, собственные страхи. Словно ее тоже преследовали черные лошади.

Валерия вновь вспомнила о Короле Кошмаров, о том, кто приходил с наступлением ночи. Чем она это заслужила? Но если бы он не приходил, то она бы по-прежнему мучилась от бессонницы в темноте смутных видений, бессильно думала снова и снова, что ей делать с этой жизнью, каковы ее предназначение и цель. Эти размышления прибывали долгими ночами, лишали сна, терзала конечность всего сущего и одновременно нежелание двигаться дальше. Раньше-то все просто казалось: учись, получай отметки. А ныне... каждый месяц приходили на карточку деньги, каждое утро она открывала глаза под вой будильника и плелась куда-то. Конца у этого уже не существовало, только повторение. Высшего смысла не находилось, не виделось во всем этом.

«Если у боли нет имени, то мы безымянные». — Мысли, случайные странники измученного сознания, путешествовали сквозь время в иные миры, пока тело занимало рабочее место. Школьный психолог — это не помощь людям, а скорее кипа документации и побочных обязанностей. Однако иногда приходили и те, кто наивно верил, будто их выслушают, найдут приют для одинокой души. И Валерия тогда принимала рассказы чужой скорби. Хранитель скорби, печали. А, как известно, к психологу от радости никто не пойдет, только когда уже больше совсем не к кому. Хоть работала в приличной школе, почти без неблагополучных семей среди учеников, а все же разное случалось. Знать бы им, что у самой нее вместо сердца разрастался куст дикой розы, почти без бутонов, зато с острыми шипами.

«Что же на этот раз? Дело о несчастной любви? Не ново... не ново. И так бессмысленно», — рассуждала сама с собой девушка, глядя на восьмиклассницу перед ней, это юное создание с круглыми широко открытыми глазами. Казалось бы, не так много лет их разделяло, но девочка еще верила в чудеса, еще считала сказки не до конца исчезнувшими.

Валерия же убедилась, что даже сказки жестоки, пусть все их персонажи обнаружались

рядом с ней. Поверить в их существование оказалось завидно легко, но они не несли никакой радости или искупления. А уж рассказы о вечной любви и вовсе нагоняли скуку, хотелось вырвать их с корнем из метущейся юной души, да не позволяла этика.

Валерии чудилось, словно она паук, который наматывает нити историй, чужих эмоций, обманывает их сладкой ложью. Она, точно оракул, мысленно предсказывала, что ее собеседница не добьется взаимности, разочаруется, быть может, научится ненавидеть. Хотя... кто их разберет. Кто-то так и глядит на все широко открытыми (закрытыми) глазами. Кто-то скитается во тьме, как она. Кому-то и вовсе нейдет захватить мир.

«Ночью снова придет страх», — напомнил строгий ход часов, зацепившихся короткой стрелкой за цифру три. Еще оставалось время до наступления темноты, еще не сгустились тени, еще не показалось полное надменности узкое остроскулое лицо с горящими глазами и острыми клыками.

Валерия прикрыла глаза, задумчиво закусив изнутри губы. Она обещала ему свой секрет. Фактически сама приглашала, лишь бы снова не потянуло на подоконник, лишь бы кто-то остановил там, на краю бездны. Днем-то она себя контролировала, днем-то ее держали рамки приличия, а вот под покровом тьмы в ней пробуждалась иная душа, темная, ночная, открытая хаосу далеких еще не созданных миров.

— Ну, я пойду, — улыбнулась на прощание девочка.

— Конечно, приходи, если будет еще что-то тревожить. Все проблемы можно решить, — говорила ей «добрая психолог», тепло улыбаясь. Девочка приоткрыла дверь кабинета, обернувшись и поблагодарив коротким кивком.

«Да... Что же ты свои не решаешь, лицемерка? Все хранишь чужую боль. Теперь еще неосуществленные планы по захвату мира какого-то упыря», — подумала Валерия, вскоре стоя перед зеркалом в углу, лишь отстраненно замечая, как осунулось ее лицо, какие глубокие тени залегли под глазами. Кожа по оттенку уже мало чем отличалась от серого покрыва Короля Кошмаров.

Валерия медленно расчесывала темные волосы в одиночестве возле зеркала, а за ней сгущались призраки. Они ползли из углов, точно ощупывали незнакомое помещение, формируя пучки дымных очертаний.

Девушка спиной ощутила холод, выпрямляясь, продолжая проводить гребнем по рассыпающимся волосам. Она уже догадывалась, кто придет; не оборачивалась, глядя на свое отражение. Но в зеркале уже показалось второе лицо, полупрозрачное.

По телу прошел электрически разряд первородного ужаса, но Валерия лишь решительнее сдвинула край расчески. Восприятие днем и ночью странным образом отличалось, оставалось лишь не терять самообладания. После общения с людьми не хватало той отрешенности, что позволяла забывать, кто перед ней. Да еще этот растворяющийся портрет в зеркале, слишком ясный при закатных лучах короткого зимнего дня.

— Я думала, ты приходишь в этот мир только ночью, — прошептала девушка.

— Нет, — мотнул головой Бугимен с самодовольной ухмылкой. — Это мой мир. И я прихожу, когда пожелаю.

— С поправкой на Песочника, — не преминула напомнить Валерия, разворачиваясь, с удовольствием видя хмурую тень, которая пробежала по лицу Короля Кошмаров. — Решил стать моим личным полтергейстом?

— Слишком грубое слово для меня, — поморщился Бугимен, пока из воздуха формировались его призрачные лошади. — Но, может, вернемся к делу? Ты обещала

рассказать какую-то тайну.

Валерия неподвижно стояла возле зеркала, заламывая тонкие короткие пальцы, лишь раздумывая, перенеслось ли ее помешательство из снов в реальность галлюцинациями или все происходило наяву. Пожалуй, отрицать последнее более не удавалось ни при каком раскладе.

— Тебе так нужна моя тайна?

— Разумеется, — заискивающе оскалился собеседник, уточняя: — Чтобы сломать тебя.

— Тогда дождись ночи. Днем у меня дела, — почти властно отозвалась Валерия. Но Король Кошмаров навис над ней, увеличился в размерах, приподнятый на облаке черного песка почти до потолка, голос его резонировал так, что стекла дрожали:

— Похоже, ты так и не поняла, что я устанавливаю время наших встреч! Ты в моей власти! Подчинена мне.

«Мне бы еще придумать, что он посчитает тайной, из того, что я не рассказала», — рассуждала Валерия, понимая, в какую опасную игру вовлечена. Сама призвала своим отчаянием, сама притянула магнитом, вероятно, позволила освободиться из плена темных казематов. Значит, ей и предстояло все это теперь расхлебывать.

Днем она слишком рационально осознавала, в какой опасности оказалась. Не то что тогда, на грани срыва, на грани самоубийства. К тому же сила незваного гостя определенно росла, он питался ее страхом. И чтобы не оказаться в его власти, оставался единственный выход: не бояться, преодолевать себя.

— Если будешь преследовать меня круглые сутки, то... это будет по меньшей мере неприлично, — пожалала плечами девушка, отвечая первое, что пришло в голову. Врать и манипулировать удавалось в этот раз исключительно плохо, словно сломалось что-то, не хватало подпитки энергией ночи.

В этот момент в кабинет постучали, ее зачем-то вызвали к завучу, она что-то снова перепутала в документах. Вот уж теперь предстоял другой страх, Королю Кошмаров, наверное, и не снилось. Все ничтожно в масштабе мировых проблем, но все вместе фантастически изматывало.

— Что ж! Значит, каждую ночь ты будешь наслаждаться моими кошмарами, — проговорил Король Кошмаров. Похоже, ни его, ни теней остальные не видели. Однако Валерия не сомневалась в относительной реальности его существования, ибо запах древесного пепла и ржавого металла не сумел бы подделать никто.

К счастью, ругали не так сильно, как обычно. Она уже практически привыкла, лишь нервно сжимала зубы и кивала с учтивостью японца. Только в голове что-то болезненно стучало где-то над левой бровью. Иногда кровь прорывалась, и тогда в глазах растекались красные прожилки, целые пятна, жгли, точно запорошило пылью.

Но на работе все равно легче, там заслуженно за какие-то мелкие провинности бранят. Хотя если бы захотели устроить «кровавую баню», то нашли бы и несуществующие. Зато дома вечная лотерея, где прав, где виноват. Обычно все не так.

«Все заканчивается, все проходит», — такую установку давала себе Валерия каждый раз на работе, лишь приходя домой разубеждалась в ней, потому что там ничего не заканчивалось. Возможно, она сумела бы уйти от родителей, но их ссоры все равно приходили бы к ней так или иначе.

Не бежать же в другой город. Порой это равносильно полету на Луну, непонятно даже, с чего начинать. Валерия не причисляла себя к импульсивным особам, которые готовы

броситься в неизвестность. Там слишком много опасностей... Если уж бросаться, то с кем-то. А у нее только личное привидение оказывалось неизменно рядом.

Он изматывал и выпивал. Он, наверное, ожидал, когда она бросится оземь, склонится перед ним, признает победу. Или растворится, отдавая себя на волю черного песка. Но Валерия вела игру со стороны своего собственного отчаяния и разочарованности в мире.

Когда пришла с работы, то не собиралась долго оставаться в своей комнате. Что-то давило... Этот несобранный диван, эти раскиданные листы. И правда: слишком много исписанной бумаги среди бледно-бежевых шкафов и ящиков. Она собрала ее всю и решительно вынесла на улицу, не разбирая толком, что там — физика, биология, литература. Кое-что еще со школы, но большая часть уже из университета.

На этот раз она устроила почти ритуальное аутодафе своим институтским конспектам. Все равно они не пригождались в жизни. А сколько времени ушло на их создание! Сколько книг пришлось перелопатить, чтобы перенести в тетрадь по требованию преподавателя множество очень мудрых истин от ученых мужей.

Теперь Валерия решила сжечь их, выйдя на пустырь теплотрассы, где соседи выгуливали собак. Зажигалки у нее не нашлось, так как она никогда не курила, даже не пробовала. По клубам-дискотекам не ходила, «идеальной» дочери такое не прощается, только один раз в институте осталась на Новый Год, но там ничего крепче энергетиков не подавали. Там еще парень бесился в костюме смерти, который у него остался с Хеллоуина. А потом другой предложил ей заняться кое-чем в любом укромном уголке, стоило только отойти от стайки сокурсниц, показаться потерянной и отстраненной. Вроде разговорились, но такая поспешность внушили только устойчивое отвращение. Такая уж ее судьба: любить тех, кто безответен и привлекать тех, кто безразличен ей. Похожие ситуации повторялись раза три, потом она просто научилась почти прятаться от людей. Какие уж тут дискотеки и зажигалки.

Так что она тайком взяла спички с кухни, складывая аккуратный костерок на снегу. Наверное, так она боролась со стрессом, в который раз вспоминая и анализируя, что, собственно, содержится столь пугающего в Короле Кошмаров. Ей нравилось разбирать по винтикам и мельчайшим деталям свой пронизывающий страх.

Вот его лицо — ничего необычного, просто серая кожа и клыки, но встречались образцы и покрупче, особенно, на готик-металл сцене. Вот его слуги, как оказалось, почти безобидные для нее. Вот черный песок... Да, все дело в нем. Он окутывал их обоих. Значит, терзал не Бугимен, а собственный страх, пугала собственная темная сущность. Пожалуй, они оба боялись чего-то в себе.

«Это испытание. Его надо преодолеть. И я знаю, что есть ключ. Это загадка», — успокаивала себя Валерия, глядя на медленно разгоравшийся костерок. Казалось, языки пламени, отсвечивающие в серых сумерках, вновь сложились в разрастающуюся тень с острыми очертаниями волос, точно гребень древней рептилии, дилофозавра.

Когда-то в детстве Валерия увлекалась немного палеонтологией, но вновь ее предупредили: «Ты что, собираешься копать в земле в поисках скелетов? Нет-нет, это не для тебя». От воспоминаний во рту появился неприятный привкус, притом то ли средства для мытья посуды, то ли вообще стирального порошка, точно ее отмывали и отбеливали, как тарелку или белье, на протяжении всей жизни, не оставляя ни одного пятнышка, никаких альтернативных путей. Теперь только эта роковая встреча с побежденным злом внесла свои коррективы. Да, пожалуй, на дилофозавра он был очень похож: волосы острые, как гребень;

зубы тоже острые, ноздри узкие и хищно приподнятые, глаза почти рептилии, хоть более выразительные. И лапы загребушие, не как у тираннозавра.

«Договорились же, что ночью... Нельзя оставить всем меня в покое?» — зло подумала Валерия, уже не деля людей и не совсем людей, духов каких-то. Она не задумывалась, кто ей являлся. Она даже не удивлялась, что видит уже не только Бугимена. Потому что он только собирался проявиться из лепестков медленно угасающего костерка конспектов, как его что-то спугнуло. Кто-то...

Валерия подняла глаза и увидела, как по проводам, висящим над улицей, между фонарей, бесцеремонно шествует полупрозрачный не очень высокий тонкий паренек в синей толстовке и с деревянным крючковатым жезлом в руке. Девушка задумчиво уставилась на это создание, явно не человека, хотя от обычных людей его отличали только снежно-белые волосы.

— Ты видишь меня? — весело восторженно мальчишка, которому на вид было лет восемнадцать. Безбородое свежее лицо оживилось задорной улыбкой.

— Вполне ясно, — ответила сухо Валерия, вспоминая Песочника: — Еще один забавный человечек.

— Джек Фрост к вашим услугам, — поклонился полупрозрачный пришелец, легкой пушинкой слетая с проводов. — Новый Хранитель. Озорства и Веселья.

— Фрост? Ты гололед устроил? — окинула взглядом улицу девушка. Вокруг плохо убраный снег смешивался с бурными комками грязи. Что ж, таков ее город, не знавший ярких красок, особенно зимой. А эта новая галлюцинация представлялась Хранителем Веселья. Вечный оксюморон ее мира.

Паренек замялся, заразительно улыбаясь, не скрываясь, лишь перебирая длинными пальцами по кривому жезлу-палке. Валерия отчего-то только раздраженно отвернулась:

— Веселья, значит. А то, что люди руки-ноги ломают, тебя не волнует. Хорошенькое у тебя веселье.

— Зато дети радуются. Снежные города строят, — беспечно развел руками новый знакомый. Впрочем, они все казались смутно знакомыми Валерии, точно она в детстве отчетливо их всех видела, слышала, даже разговаривала. Но под строгим и неусыпным надзором родителей научилась игнорировать, а вскоре и вовсе перестала замечать. Сначала они сделались полупрозрачными, а потом и вовсе исчезли, когда в них перестали верить.

— Радуются те, кому есть с чего радоваться. Вот этого порадуешь что ли. — Девушка кивнула в сторону подъезда, где с легким щелчком двери скрылась мамаша с ребенком и собакой.

Соседи с третьего этажа, про них Валерия успела узнать четко четыре вещи: жена всегда заплаканная, муж всегда побитый, оба нетрезвые, а ребенок поцарапанный и худющий, да еще собаки менялись так часто, словно их на закуску к выпивке пускали. Глядя на эту семейку, девушка видела только какой-то черный туман... Дети без будущего. Радость на дне бутылки. Какие уж тут помогут добрые сказки? Что они по-настоящему меняют?

«Кое-кто заслужил видеть кошмары», — подумала Валерия, задумываясь о таких «милых родителях». Конечно, свои собственные по сравнению с такими казались замечательными людьми. Сладкая блестящая обертка благополучной жизни. По сравнению с чужими проблемами свои всегда можно выставить ничтожными, найти силы двигаться куда-то дальше, победить всепоглощающий страх этой реальности.

— Я попробую! — решительно сжал кулаки паренек, взмахивая своим жезлом. Его

белые брови нахмурились, а круглое лицо подернулось не злобой, а скорее целеустремленностью. Похоже, он ответственно подходил к своему долгу. Он взлетел и устремился к окну дома.

«Что ты можешь? Дать минутную радость? Веселье на фоне катастрофы?» — вздохнула Валерия, но вскоре заметила в окне третьего этажа поцарапанное лицо тощего мальчишки. Он улыбался Джеку Фросту, который рисовал что-то морозными узорами на замызганном стекле.

Девушка невольно смахнула слезу, глядя на это секундное веселье. Она же хранила рассказы и информацию о многих таких семьях, о сотнях случаев. Но ничего не удавалось изменить. Кого-то невозможно отвернуть от неизбежного пути в бездну.

«Пусть они видят кошмары! Пусть мучаются! Те, кто обрекает своих детей на то, чтобы стать синюшными алкашами!» — зло погрозила пустоте Валерия, но оставалась неподвижна. Она лишь созерцала, как ветер разметал ее сожженное прошлое, множество умных мыслей, обрывки рассуждений о любви и боли, о расщеплении личности и депрессиях. И прочем, и прочем... Кое-что она уже забыла, многое вообще не пригодились. И никакая наука не подсказывала, как сделать этот мир лучше, как по-настоящему помочь людям.

Вновь накатывали озноб и слабость, хотелось разрыдаться, громко и безрассудно, прямо посреди улицы. Никакой Джек Фрост не сумел бы разбудить в ней радость. Обмануть минутным весельем возможно только детей, как сладким леденцом. Но сахарные конфеты быстро тают, а шутки забываются. От того лишь больнее принять весь ужас и серость реальности, медленно тянущейся жвачки, поймавшей всех пряжи.

В это время к ней снова подлетел Джек Фрост со участливыми словами:

— Ты вступила в очень-очень опасную игру. Песочник видел тебя. Тебя изводит Бугимен. Он...

— Я знаю, кто это. Это мое дело, — отчеканила Валерия, выпрямляясь, наблюдая, как ветер разносил пепел. Глаза ее недобро мерцали, хотя она этого не видела сама, просто отчетливо помнила, как порой пугала людей. Потом научилась «держаться лицом», прикидываться нормальной.

— Несколько лет назад мы победили его, загнали в подземелье, — объяснил Джек. — Теперь он, кажется, снова выбрался.

— Ну, так убили бы его, если так боитесь, — фыркнула девушка, представляя, как глупо она смотрится, разговаривая с пустотой. Впрочем, человек на пустыре в окружении вихря из сгоревших тетрадей и без того странное зрелище. Всегда существовал шанс сказать, будто это какой-нибудь арт-проект.

Фрост же выглядел озадаченным, лишь покрутил на пальцах созданную льдинку, отвечая:

— Мы никого не убиваем. Просто будь осторожна. Мы не можем вмешаться напрямую, если ты сама продолжишь подпитывать его своими негативными эмоциями. Оу, кажется, я научился говорить долгие речи.

— Спасибо, информативно. А теперь уходи.

— Ладно, — примирительно махнул рукой парень. — Кажется, придется приглядывать за тобой.

— Это повышенное внимание со стороны духов начинает меня беспокоить, — высокопарно отозвалась собеседница.

— Что поделывать. Такая работа.

«И правда, что поделывать, если мое отчаяние притянуло из недр заточения Бугимена?» — подумала Валерия, стоя на поднявшемся ветру, который сопровождал полет Джека Фроста.

Она вернулась в квартиру совершенно вымотанной, вновь ее сковывал озноб. Да такой, что хоть вешайся на ближайшем дубе. Вот снова дурные мысли, вот снова ее ночная душа пробуждала к темным порывам. Если бы этот наивный беловолосый мальчишка сумел как-то развеять их, если бы отринул своими шутками или морозными узорами. Но нет, ее останавливал только страх. Впрочем, он же в той или иной форме вел ее всю жизнь.

Страх получить плохие оценки в школе, страх недобрать баллов на экзаменах, страх оказаться в чем-то неидеальной. Однако жизнь доказала, что нереально стать лучшей во всем, невозможно доказать родителям, что она тоже способна на успехи и достижения. И она привыкла к вечной тревоге.

Дома она бездумно пялилась в недра холодильника, вытаскивая переперченные котлеты — мамина стряпня, естественно, качественная и безупречная. Валерия тоже умела готовить, но ее практически не допускали до этого, оттесняли и утверждали, что она только все портит. И все от нее что-то требовали.

— Достали! — наконец, закричала она в пустоте квартиры, намеренно взлохматив волосы, потрясая руками. Затем она на полную громкость врубила металл, пока родители не вернулись с работы. Но легче от этого не стало ни на каплю, только голова взорвалась новой болью. Выросла она и из такой глупой формы бунтарства. Она резко выключила грубые завывания, падая лбом на стол, незаметно для самой себя выключая компьютер.

Усталость свалила ее с ног прямо в одежде, в строгом офисном платье песочного цвета с бежевыми квадратными вставками. Ей нравились такие, ничего лишнего, ничего вызывающего. Теперь же она его беспощадно сминала, ворочаясь на неизменном диване.

Она пришла к выводу, что все-таки сколько-то часов спала, потому что ей успел присниться очень занятый кошмар: будто она обязана куда-то ехать, а на схеме метро нет нужной станции, она не слышала четко название, водила бессмысленно пальцем. А время исходило, она куда-то опаздывала.

Снилось, что она снова в университете, но почему-то живет в общежитии, хочет поехать домой, но опять не может найти, где же нужная станция. Затем кто-то преследовал ее, даже конвоировал куда-то, она вновь скрывалась между вагонов и переходов метро. Бежала-бежала-бежала! Вязла в переплетениях мраморных плит.

Потом сон перекинулся в иную форму: она плыла в море, ее несло течение, все дальше и дальше в открытый океан.

Проснувшись ближе к ночи, уже в крошечной темноте, она записала оба видения, придумав недостающие детали, получилось два рассказа для группы страшных историй. Каждый черпает вдохновение где-то, для нее подходящим полем оказались и дурные сны. Хотя она сознавала, что это ненормально, но менять уже ничего не хотелось, не сейчас.

«Хотя бы сегодня тишина», — вздохнула облегченно Валерия, когда заметила, что родители уже вернулись. И решили, что вечер пятницы — хорошее время, чтобы просто отдохнуть, а не ссориться. Отец читал свежую газету, отдавая дань умирающему типографскому делу. Мать что-то готовила, даже напевая. На кухне телевизор бормотал о политике и творящемся в мире. Снова кого-то убили, снова где-то страдали люди. Куда сильнее, чем весь их дом вместе взятый. А ее страхи и ее боль — разве только материал для групп крипипасты.

— Валерия, ты на что похожа? Кто же спит в платье? — смерила ее взглядом мать.

— Поглажу. Что-то замоталась на работе совсем, упала просто, — слегка хрипло отозвалась Валерия, приникая к бутылке с холодной водой. В горле пекло, точно прошлась по пустыне.

— Не такая уж тяжелая у тебя работа, чтобы вещи портить.

— Что ночью-то теперь делать будешь? — усмехнулся вполне благодушно отец, отчего мать зло поджала губы. Отец всегда поощрял дочь назло матери. И Валерии показалось, что она — вечная причина их последних ссор. Они делили ее, точно переходящий приз, завоевывали ее симпатии, хотя она не желала выбирать между ними. Как же она хотела любить их одинаково! Просто любить и просто счастливо жить в одном доме с ними. Или навещать их по разным домам, уж разошлись бы, создали новые семьи. Обоим ведь пятидесяти не исполнилось.

— Болтать, — почти честно отозвалась девушка, плетясь в душ. Не солгала, ночью все снова повторялось.

Лишь в квартире настала тишина, как тени в ее комнате обрели материальные очертания, вновь показался оскал дилафозавра. А аромат древесного пепла отличался от запаха сожженной бумаги. Валерия после неправильного дневного сна ощущала отрешенность и почти безразличие.

Страх пронизывал ее тонкими нитями, но почти не причинял боли, не как днем. Она замечала, как черный песок уплотняется, как красные глаза лошадей горят все ярче. Но теперь ее вела иная цель... Эта загадка. Казалось, так ей суждено лучше разобраться в самой себе, лишь бы пережить все это.

— Проклятый мальчишка Джек Фрост нас, кажется, отвлек днем. Но раз уж договорились ночью, то я прихожу ночью.

«По-моему, ты просто скрываешься от них», — отметила про себя Валерия, инстинктивно поправляя смятое платье, которое она не пожелала сменить.

— О, пришел все-таки. Опять не выплусь, — ответила она с напускной безмятежностью.

— Так что там за тайна? — скрещивая пальцы, продолжал пытливо Король Кошмаров, зависая под потолком.

— Да так, нестоящая, — отвернулась Валерия, понимая, что так ничего и не придумала, возможно, лишь обрекая себя на более долгую пытку, однако с остекленевшим взглядом она уставилась в стену, осознавая, что является ее настоящей сокровенной тайной, болью: — Просто... Тебе не страшно все говорить, ты не предашь, потому что враги не предают. Предают только друзья и родственники. — Она помолчала с минуту. — Им доверяешь сокровенные тайны, открываешь свои больные места, свежие рубцы. А потом в какой-то момент они без причины уходят, обвиняют тебя и, главное, уходят, давя на эти самые больные места, специально, потому что ты о них рассказал. Вот это больно. Они просто уходят, потому что что-то в них перевернулось. Они могут вернуться. Но ты уже ничего не будешь ощущать к ним. Чувства умерли от боли. Ничего не чувствовать — выход, чтобы не сойти с ума. Чувства умирают, потому что ты тщетно ищешь ответ: в чем виновен ты? Но ответа нет, ты виновен только в факте своего существования.

Валерия замолчала, наконец, высказав все, что ее так давно терзало, прокусывало сознание, точно жадный клещ-кровопийца. Однажды ее родители просто ушли, оставив ее в бездне одиночества. Однажды она проиграла в борьбе за их признание и гармонию. Уж

больно силы оказались неравны, а в играх человеческих чувств не количеством вооружения все мерится.

— Разве это тайна? — небрежно пожал плечами Бугимен, задумавшись: — Зачем мне вообще все эти разговоры...

— Ты пришел зачем-то... Искушать меня, испытывать? Чего ты добьешься, что получишь взамен? — негромко начала Валерия, но голос ее набирал силу. — Ты ведь сам панически боишься, себя, мира, людей. И поэтому хочешь власти и подчинения, чтобы заглушить этот страх, а теперь еще и боль неудачи.

От возмущения Король Кошмаров щелкнул зубами, точно и правда динозавр какой-то. Глаза его расшились так, что Валерия увидела в них отражение собственного лица. Или просто Бугимен слишком близко подлетел к ней, приказывая:

— Замолчи!

— Это и есть твоя власть надо мной? — усмехнулась Валерия, поняв, что нашла то самое «больное место», в свою очередь отзываясь: — Заставить молчать... Уходи, если не хочешь слушать.

— Нет, я останусь. Останусь до тех пор, пока ты не признаешь мое превосходство, — процедил сквозь зубы Бугимен, опускаясь на пол, скрываясь за темным облаком черного песка.

— «Ты превосходен», так я должна сказать? — сощурились глаза Валерии.

Темная субстанция постепенно целиком окутывала девушку, она даже не созерцала больше свою комнату. Все потонуло: и компьютер, и шкафы, и диван, и маячивший мутным пятном красный диплом. Она оказалась в настоящем коконе ужаса, видимо, Короля Кошмаров по-настоящему задела ее слова. Он желал компенсировать ложным могуществом свой проигрыш. Ничто так не сокрушает разум, как поражения, а он их терпел, кажется, уже не единожды в своей вечной борьбе с Хранителями Снов. Валерии сделалось даже как-то обидно, как слепо и недальновидно это древнее существо. А черный песок... Он просачивался в легкие, проникал под веки, но не терзал, настаивал предел измученности. Валерия раздвигала его, точно шторы, глядя на незваного гостя. Кто кого — медные глаза против сизых.

— Издеваешься? Думаешь, долго сможешь терпеть тот ужас, который охватывает тебя? — наступал Король Кошмаров.

— А что будет, когда не смогу терпеть ужас? Что-то изменится? — вопросительно приподняла брови девушка. — Ты ведь убиваешь веселье? — она опустила голову, негромко подытожив: — Но во мне нет веселья или надежды, больше не осталось, только серость, суета, алгоритмы. Поэтому я и вижу тебя, страх. Ведь ты никогда не увидишь то, во что не веришь. И чем меньше в тебя веры, тем меньше ты существуешь, ты исчезаешь, когда никто в тебя не верит, — она почти с сочувствием обратилась к нему. — Может, ты просто не хочешь исчезать?

Его оскорбляло и сбивало с толку такое нежданное милосердие. Он констатировал злобно и с великим пафосом:

— Исчезать не хочет никто. — Но кокон черного песка распадался, и на обычно самодовольном лице проступала непривычная грусть. — Ты права, сейчас людям нет дела до ночных кошмаров, до каких-то «иррациональных страхов», они поглощены ужасом реальности. И большего им не надо, — он опустил голову, с ностальгией старика упоенно вспоминая: — А раньше шаманы кружились в ритуальных танцах, пытаясь, наивные,

отпугнуть меня или подчинить, я властвовал их умами, я приходил по ночам, я сеял тревогу.

— И тебе нравилось такое существование? Не одиноко, когда тебя пытаются гнать?

Валерия примерно представляла ответ. Встреча с Джеком Фростом многое объяснила ей насчет природы ее полтергейста. И все же поражало, с каким упрямством они все боролись за свое существование. Кто-то добрыми делами, кто-то злыми. Теперь мучил вопрос: а перестали ли люди видеть кошмары в те годы, когда Короля заточили в подземелья? Кажется, нисколько. Людей пожирали их внутренние демоны, а внешние силы лишь питались верхушкой этого айсберга.

— Одиночество помноженное на преклонение перед тобой дрожащих тварей — власть, — воздел к потолку руки Бугимен.

— Но это все-таки одиночество, — вздохнула Валерия, задумываясь, не желала ли она сама власти. — Впрочем, оно не так уж печально. К одиночеству легко привыкнуть.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он все перемещался по ее комнате, кажется, вновь вознамерившись мучить ее до самого утра. На этот раз время текло не медленно и не быстро. Оно вязло среди черного песка, закручивавшего его своими темными циферблатами, неправильным количеством цифр. Казалось, рассвет никогда не наступит, никогда не преломит кровавую кромку горизонта израненное солнце. Может, там вовсе не кружение звезд и планет, а острое лезвие, которое царапает спелый золотой бок солнца, и каждое утро все видят сначала боль светила, а потом его несмелое восхождение из царства вечной борьбы с древним змеем. Его боевые раны... Странные сравнения и видения. Как будто древнеегипетские Ра и Апоп встретились в тесном пространстве закутка комнаты. Но, помилуйте, обретался ли в ней хоть лучик ушедшей зари? Ни единого, лишь средоточие чужой глубокой скорби. И история Короля Кошмаров не шокировала, вплетаясь в одну из многих.

— А что будет, когда ты сломаешь меня? Было бы куда дальше ломать птицу с оторванными крыльями... Что ты получишь, силу, власть? — обратилась к нему Валерия.

— Думаю, удовлетворение, — отвечал Бугимен, но усталость надламывала и его: — Надежду на то, что я еще на что-то способен, что я не потерял свою силу.

— Значит, тебе так же больно, — стряхнула с себя лишний черный песок Валерия, добровольно приближаясь, но на ее губах играла злая ухмылка. — Ха-ха, надежда у страха, у отчаяния. Какой оксюморон! Думаешь, невозможно жить без надежды? Ты все надеешься вернуть самоуверенность, коварность. Зачем?

«Зачем» — она задавала такой вопрос почти каждому, кому-то мысленно, кому-то открыто. И никто не отвечал, все терялись в бесконечном умножении этой ловушки, точно в отражениях темного зеркала, поставленного напротив другого такого же. Оно уводило куда-то в бесконечность разрозненных мыслей. В конце концов, все терялись. Да и сама Валерия всегда ощущала, словно падает в огромный бездонный колодец, где ждала не Страна Чудес, а что-то хуже, бесконечная бессмысленность. Сначала и Король Кошмаров удивился, точно впервые кто-то говорил с ним об этом.

— Чтобы получить власть, победить врагов, завладеть умами... — не совсем уверенно завел он свою старую шарманку, лишь распалая азарт и гнев Валерии:

— Зачем все эти иллюзорные тающие цели? Они так бессмысленны. В них нет смысла, они не принесут ни боли, ни радости.

— Но ведь ты не знаешь меня. Для меня это важные цели, — почти рычал Король Кошмаров, но сдерживал себя, точно пес на цепи. Похоже, угрожать силой ему не позволяла

самооценка, он считал, что способен сломить и одним своим авторитетом.

— Зря ты надеешься, — глухо прозвучал голос собеседницы. — Надежды нет...

Она сидела на диване, обхватив колени руками, поправляя складки бледного платья, затем устало вытянула ноги, посмотрела на замерзшие ступни с костлявыми ровными пальцами. Тело — о, эта внешняя оболочка — воспринималась чем-то отдельным по сравнению с душой, дополнением к разуму. Затем она поднялась, пересекая комнату, не замечая леденящие прикосновения уплотнявшихся черных лошадей. Кажется, с каждым днем она все больше уходила в мир призраков, все отчетливее видела их. Но на этот раз ее зацепило нечто иное.

Надежда. Надежда Короля Кошмаров.

Она плескалась золотыми свечением за завесой черного песка. Прямо там, где и живет душа — возле сердца, по центру. Валерия с интересом и одновременно скрытой завистью приближалась к этой находке, которая раньше была для нее незрима. Теперь же она отодвигала мутные завесы, точно мясистые листья в джунглях.

Король Кошмаров попятился, когда девушка вплотную приблизилась к нему и с ловкостью пантеры впиалась в черный песок, из которого он сам состоял.

— Что ты делаешь? Эй! Руки убери! Не смей трогать черный песок! — голос его взвился пронзительным восклицанием, испуганным, обиженным. — Нет!!! — он поспешно отлетел к окну, хватаясь за то место, где еще недавно было слабое сияние, хрипя: — Кх-х... Больно!

— Я пытаюсь вырвать твою надежду, — яростно проскрежетала Валерия. — Ты не имеешь на нее право так же, как и я. Надежда — не для тебя! — Глаза девушки ненормально горели, на лице застыла гримаса не то боли, не то торжества. Она почти разгадала загадку. Но еще больше ее охватывало ненормальное веселье: все на что-то надеялись, даже тот, кто эту надежду обычно убивает! Только она не замечала в себе ни единого светлого всполоха.

В тот миг Бугимен схватил ее за горло, оказавшись вполне материальным, сдавил стальной хваткой нежную кожу.

— Ну, хватит! Может, так ты поймешь, что говоришь с Королем Кошмаров? Ты не имеешь права!

В голове у Валерии все смешалось какой-то несуразицей, вся жизнь пронеслась, возопила вмиг диким хором и обрушилась в дальние глубины сознания. Пожалуй, и дорожить нечем. А если наутро родители обнаружат ее хладный труп в спальне? Да они убьют друг друга от самообвинений!

И только этот страх возвращал желание жить. Только он делал по-настоящему больно, когда перепуганный внезапной выходной Король Кошмаров намеревался задушить ее, выкачать свою долю ужаса, бросить тряпичной куклой. Бились они, точно два змея, а солнце утонуло в стране сумерек.

— Ты просто маньяк, хоть и нежить. А что, если убьешь? Не исчезнешь ли совсем? Кто тебя тогда будет видеть? — находила в себе небывалые силы отвечать Валерия, скалясь в ответ, обхватывая душащую руку. Она не растворялась черным песком, для нее, уходящей в мир духов, они все постепенно обретали плоть.

Он тянул нервно воздух, уже совершенно неотличимый от древних рептилий, но спустя где-то минуту бесконечного напряжения отпустил, отшвырнул, извиняющееся говоря:

— Не маньяк.

Он отошел к стене, устало прислоняясь к ней лбом, все еще хватаясь за то место, где плескалось слабое свечение надежды. Валерия упала на диван, вдруг ощущая себя виноватой.

В конце концов, кто ей давал право лишать кого-то надежды? Хоть в переносном, хоть в прямом смысле. Лишь ее зависть, что даже у такого темного существа где-то отдаленно существовало нечто, в чем он видел смысл своей жизни. А она только подсчитывала, сколько еще примерно лет коротать в этом безвоздушном пространстве, где у мечты лишь сломанные крылья осыпаются годами, точно вырванными перьями.

— Я — настоящий правитель этого мира. Я — Страх! — развернулся вновь Бугимен, раскидывая руки.

— Страх... Да, есть такое. В этом гнилом мире только все на нем и держится, — поморщилась Валерия, вспоминая последний выпуск новостей, но вновь буравила взглядом Короля Кошмаров. — Только за мой счет обретаешь свою материальность? Что же тогда не правишь?

В это время мимо окна вновь протянулись сотни золотых нитей, напоминая, что в ком-то еще теплится свет. Хотелось верить, что достигли они и мальчика с третьего этажа, может, хоть во снах ему даровали утешение и желание как-то изменить свою жизнь в будущем, стать лучше тех, кто его воспитывал. Лишь в ее окно никто уже давно не протягивал эту нить.

«Даже добрые сны меня не видят, обходят стороной. Выходит, не такие уж сильные эти Хранители. Меня не видят, наверное, потому что в меня не верят. Когда в тебя не верят, ты становишься невидимкой», — пронеслись осколки мыслей. Валерия хватала ртом воздух, а Король Кошмаров все еще злился, черный песок бугрился и нарастал, окутывал его то пиками, то волнами. Кажется, он подумывал о том, чтобы атаковать.

Валерия же ежилась то ли от ужаса, который следовал за ней неизменным параличом тела, не касаясь души, то ли от сквозняка из приоткрытого окна.

Внезапно одна из длинных нитей, как чувствительный щуп космонавтов-исследователей просочилась, перевешиваясь через раму. Король Кошмаров стоял к нему спиной, просчитался, ослепленный своим былым величием.

«Берегись...» — только успела подумать Валерия, но вслух отчего-то не произнесла. Наверное, злилась на него или же не хватило времени, чтобы полет мыслей сложился в слова. Она лишь разомкнула пересохшие губы в коротком вздохе ужаса, когда золотое сияние разрубило оковы черного песка в ее комнате и хлестнуло, словно кнутом, Короля Кошмаров.

Черные Лошади рассыпались. Он сам споткнулся, зашипев от боли, отлетел в дальний угол комнаты, выставив щит какой-то мощной магии, который тут же распался. Но сияние исчезло, отступило.

— Почему не правлю... Вот поэтому... — выдохнул он, кривясь от боли. — Проклятье... Нет!

Тогда Валерия вновь увидела, как он делается полупрозрачным, растворяется. Вот так же исчезала она, каждый день... Невидимка, неидеальная кукла-марионетка, зависящая от одобрения других. Если в человека не верить, то он исчезает или превращается в чудовище.

Валерия непроизвольно бросилась к окну, захлопнула его, грозя кулаком:

— Уходи! Убирайся! Все твои добрые сны — обман! Все обман!

Она видела зависшего в воздухе кругленького человечка, того, который приносил людям добрые сны. Но как же Валерия его ненавидела!

В каждом добром сне она видела их счастливую семью, без ссор и недопонимания. Без этой треклятой плазмы во всю стену. Они смеялись и говорили о каких-то пустяках, они не

цеплялись к мелочам, не устраивали ссоры из-за пустого. И ничто им не мешало радоваться.

Но каким же ужасом оборачивалась реальность, когда сон исчезал, когда вместо веселья и радости все угрюмо посматривали друг на друга за завтраком и плелись на работу, когда вечером не могли выбрать один фильм и от этого припоминали все обиды, всех родственников до седьмой воды на киселе, кто и кому испортил жизнь. А сны вновь показывали чудесную идеальную жизнь, не подсказывая, как ее построить, где в них тот червь, что отравляет сочные целебные плоды счастья. Поэтому однажды она прокляла добрые сны.

— Ты точно ненормальная... — выдохнул тем временем Король Кошмаров, держась за руку. Там от золотого песка разлезлась непроницаемая ткань, а на серой коже пузырился как будто химический ожог от плеча до запястья. Выглядело страшновато, пусть даже не красная, а черная кровь запеклась над обугленным мясом и пленкой.

Валерия едва подавила тошноту, когда пригляделась, лишь пробормотав по наитию:

— Полярная магия, значит.

Ей самой делалось невольно больно, руки покрывались пупырышками, она как будто чувствовала чужую боль. Вероятно, он заслужил, потому что поплатился как раз той рукой, которая душила ее. Похоже, Хранители уже вышли на его след, как и обещал Джек Фрост. Но просто смотрели, чем все это закончится. Они все-таки выполнили ее просьбу.

— Это только сейчас так стало, раньше... Раньше я его сумел поглотить в черном песке снов. Но он восстановился, — отвечал сдавленно Бугимен, все еще скрываясь в темноте дальнего от окна угла. Странно, вроде бы дух, а боль-то его терзала вполне человеческая.

— Правильно. Все, что сверх — опасно, сулит последствия. Ты сам виноват, — кратко кивнула Валерия, одновременно соображая, что ей делать. Может, оставить, как есть. Пусть мучается, пусть его терзает вечная боль. И душевная, и физическая. Впрочем, большим чудовищем его бы уже не сделали, а стать лучше — тоже монстрам не дано. Наверное. Что если и она какой-нибудь монстр, если в ней не осталось ни капли надежды? Только метроном дней, только воля серого города.

— Я хотел, чтобы меня видели, все, весь мир! — воскликнул Бугимен раненым зверем.

— И что же в итоге? — наступала Валерия, сознавая, что под прессом всего этого ужаса окончательно потеряла страх.

— Меня не видит никто, — он отрешенно уставился в потолок, лишь судорожно вздрагивая, когда проводил по ожогам, стремясь засыпать их черным песком. Но его не хватало, он весь иссяк, благодаря яркому сиянию. Побежденное зло обязано оставаться побежденным, иначе дрогнет мировой порядок. Жаль только, что мир раскачивали сами люди, и не стоило перекладывать ответственность на каких-то мрачных упырей.

— Ну... я-то вижу.

Валерия подошла вплотную, отчего Бугимен превратился в тень на стене и переместился в другой угол комнаты, но девушка последовала за ним.

— Да куда ты... — почти рассмеялась она. «Страх, сотканный из собственных страхов и недоверия», — поразила Валерия. Стоило только скинуть оковы его иллюзий, как Король Кошмаров оказался сам бессилен. На этот раз он не попытался сбежать, только рвано вдыхал и выдыхал, мотая головой, явно, чтобы не заскулить, что было бы ниже его достоинства.

Валерия еще раз внимательно глянула на ожог, который покрывался обугленной корочкой, от него исходил запах паленой плоти, не древесины, а того самого противного, что витает в ожоговых отделениях. Как минимум, не хотелось терпеть такое в своей комнате.

Валерия размышляла, что может и что должна сделать. Да ничего она не должна этому упырю!

Оставить его на заточение, пусть вечно терзается от световых ожогов. Но она еще не до конца разгадала его. Она нашла на короткое время свой смысл жизни, какое-то занятие, кроме слабого перебирания сумрачных дней календаря.

Бугимен все пытался засыпать рану, лишь шипя и заунывно вздыхая. Валерия поглядела на себя, осознавая, что сама состоит отчасти из черного песка, который вился над ее головой. Да вот же! Вот же ее дурные сны, только ее, созданные ею. Она поддела песок своих кошмаров на пальцы, засыпая рану. И та заросла, серая кожа вновь сделалась гладкой, вновь покрыла жилистые мышцы. Король Кошмаров с удивлением уставился на Валерию. Оба ощущали явную неловкость, точно нарушили протокол субординации или правила этикета.

— Ну вот, теперь у меня, кажется, не будет никаких снов, — заключила отстраненно девушка.

— В древности все боялись меня... — так же, как будто, не по теме разговора начал собеседник. — А потом я перестал для них существовать. Когда в тебя не верят, ты постепенно исчезаешь. Таков удел духов.

— Да и людей... — эхом отозвалась Валерия. — Значит, ты выбрал меня, чтобы не перестать существовать? Чтобы тебя не пожрали собственные кошмары. Да уж, глуповато быть съеденными лошадьми.

— Выбрал, — сознался Бугимен, отворачиваясь, лохматя жесткие волосы, заглаживая их назад.

— Вовремя. Я тоже почти не существовала, потому что в меня перестали верить, — подавила ненужные слезы Валерия, голосом матери упрекая себя в эгоизме. «Ты эгоистка, у тебя все есть. Смартфон, квартира, машина. Что тебе еще надо?» А лучше бы без смартфона и машины, без всех этих излишеств, наполненных пустотой отмирающих чувств, когда с Королем Кошмаров нашлось больше тем для разговоров.

— Но я не растворяюсь, я сгниваю, — почти с отвращением к себе заключила Валерия, скреживая руки. — Значит, мой страх делает тебя материальным. И ты думаешь, так ты обретешь достаточно силы, чтобы захватить мир?

— С тебя одной мало, — бросил Бугимен, придирчиво рассматривая восстановленную руку, сгибая и разгибая пальцы. Черный песок призвать обратно не удавалось. И судя по тому, как злой дух косился на окно, в любой миг Песочник мог отправить его обратно в заточение одним метким ударом.

— Печально это слышать. Но я не мнила о себе слишком многое, — усмехнулась Валерия. — И что случится, если ты захватишь мир? Все будут видеть кошмары?

— И поклоняться мне! Дрожать от ужаса! — воодушевился неуравновешенный собеседник.

Валерия низко опустила голову, точно ворон перед бурей. Перед глазами стояла рябь телевизора, сотен выпусков новостей, звучали заголовки о количестве жертв то в одной, то в другой точке мира, далеко и близко. То пьяный водитель сбивал пешеходов, то очередной властолюбец чужими руками развязывал перевороты и войны. И тогда счет уже шел на тысячи. Разве какие-то внешние силы заставляли людей озлобляться до крайности и идти друг против друга? Почему же тогда не настал мир во всем мире, пока Бугимен торчал в заточении? Что, кроме снов, защищали эти Хранители?

Валерия не находила ответа, зато на восклицание собеседника резко осадила:

— А потом устроят ядерную войну, потому что будут ее видеть в кошмарах каждый день. И однажды не выдержат, у кого-то рука опустится на ту самую кнопку. Зато ты останешься «самым умным человеком на куске шлака». Комедия...

Она вспоминала очень неплохую антиутопическую графическую новеллу «Хранители», где прозвучала эта фраза. Мир казался ей такой же ловушкой, как и там. А сказочные персонажи — не для ее истории.

Бугимен замолчал, как будто впервые задумался, что случится после его победы, хмурился, растирая виски.

— Человечество перешло на ту стадию, когда оно боится самоуничтожения, а не апокалипсиса от высших сил, — продолжала Валерия. — И оно способно само себе устроить апокалипсис. Ты мог властвовать умами во время чумы или во время неурожая. А теперь... — Она горько усмехнулась. — Люди боятся людей. Достаточно слегка подтолкнуть их страхи кошмарами — они уничтожат друг друга. Но кто же тогда будет поклоняться тебе? Не ты ли перестанешь существовать, когда не найдется больше никого, кто будет бояться?

— Ты подала неплохую идею. Они разрушат мир, а я буду править горсткой выживших, — ухмыльнулся Бугимен, точно зацепился за новую нить размышлений и коварных планов.

— «Да уж»! — всплеснула руками Валерия, почти смеясь: — Радиоактивными новыми варварами, которые обречены на вымирание. Что ж... Тебя хватит еще лет на сто-двести. Потом... вы все исчезнете, — она спокойно вздохнула. — Мне-то уже окажется все равно, в этом районе убежищ нет, метро неглубокое. Нас сметет быстро.

Она давно медитировала о конце всего сущего, о том, что все имеет свое завершение. А дальше — либо делается пеплом, либо покоится в земле. И нет возврата, не стоит оно того, чтобы мотать пленку еще тысячи жизней. Что за гранью — неведомо. Если еще большие страдания, то и вовсе не ясен смысл.

— Раз такая умная, что же не дала Песочнику меня уничтожить окончательно? — язвительно обратился Бугимен.

— Ты этого хотел? — не отставала девушка.

— Конечно, нет.

— Если мир отдать только Песочнику... — она жестоко бросила: — То мы станем стадом тупых идиотов, которые в реальности жрут свою планету, лишь стремясь в счастливые сны, как в «Матрице». О, сколько будет чудесных намерений! Сколько великих начинаний в сладких иллюзиях. Но ничего из этого не может считаться настоящими действиями. Нет уж, вы оба нужны миру, Страх и Радость, как день и ночь, как два полюса мотивации.

— Оба... Нет, это бред! — скривил мину отвращения Бугимен.

Однако в это время Песочник снова подлетел к окну, засветился, проникая беспрепятственно через стекло. Король Кошмаров произвольно отбросил от себя Валерию, точно испугавшись, что Хранитель Добрых Снов способен и ей причинить боль.

Черная магия пронеслась темной стрелой, ударяя в непроницаемый щит, растворяясь в искрящемся золотом песке.

Валерия поднялась с пола, потеряв ушибленную руку, и поняла, что в ее комнате разгорается самая настоящая битва, поединок, бессмысленный и бесконечный, как смена

дня и ночи. Девушка проворно вскочила и встала между ними, бессильно всхлипнув:

— Убивайте... Оба... если такие умные. Разрывайте надвое.

С одной стороны, глядя на Песочника, она видела счастливую семью, все, что так пленяло ее в добрых снах, все, что тянуло за ошметки реальности. Может, ее желание умереть таилось как раз в этих снах, казалось, что сладкая иллюзия ждет ее там, за гранью подоконника. Где-то там, в другой стране грез. Мама улыбалась, папа смеялся. Все то светлое, что она запомнила из детства, все, что украли годы. Или взросление и понимание истинной сути вещей.

Она оборачивалась на Короля Кошмаров и созерцала картину реальности, те негативные исходы, которые она сулила. И печальная картина требовала осмысления, необходимости действовать. Зато иллюзии манили и успокаивали, но стоило лишь вспомнить, что на самом деле — и сердце пронзала невыразимая боль. Страх отрезвлял.

— Уходи, — ласково обратилась она к Песочнику, он вопросительно склонил голову набок, удивленно округлив большие добрые глаза. — Иди к тем, кому ты нужнее. Не мучай меня.

Сердиться по-настоящему на этого забавного круглого человечка не получалось, он ведь честно и с самоотдачей делал свою работу. Кто же виноват, что люди порой оказываются хуже всех злых духов?

Показалось, что по мягкой выпуклой щеке Песочника скатилась золотая слеза, по ней, по душе, которая боялась добрых снов. Но он послушался и покинул комнату, улетев, озаряя собой сумерки. Светлячок во мраке человеческого равнодушия.

— Что ты делаешь? Ты же сознательно обрекаешь себя на кошмары! — Бугимен застыл в полном изумлении. Немая сцена посреди вьющегося темного песка, едва мерцавшего.

— А и пусть. Ты хотя бы не обманываешь, — улыбнулась Валерия, пошатываясь от усталости. — Мы боимся не кошмаров, а того, что они предвещают, негативные исходы событий или нашу неуверенность в чем-то. Добрые сны порой могут сделать куда больше...

— Песочник и Хранители на этот счет другого мнения, — недоверчиво нахмурился Бугимен.

— Да, пожалуй. Наверное, все это неправильно... — говорила Валерия, едва не теряя сознания от пережитого, но слова сами складывались в резкие фразы: — Все мы — короли на куске шлака. Пока не обрушивается что-то по-настоящему жуткое. Пусть добрые сны видят те, кто завтра уже не проснется. Им нужнее. А нам еще грызть эту жизнь, еще зубами впиваться в свое право на существование.

— Утро, — отстраненно констатировал Бугимен, не глядя на Валерию.

— Утро, — кивнула она. Ее пронизывал мелкий озноб, глаза слипались, но адреналин не позволил бы заснуть.

— Не думай, что все закончено! — с угрозой растворился Король Кошмаров, впрочем, уже почти не испугал.

Оставалось ждать наступления следующей ночи. Но Валерия сама выбрала такой путь, нелегкий и испещренный терниями, зато теперь она ощущала непередаваемую тягу к жизни.

4. План побега

Бледно-лиловое небо клубилось снежными вихрями. Зима завладела правами на бесконечность хандры, выставляла счет редким минутам радости. Вместе с ней приходили неверные мысли, на душе селились слякоть и беспокойная канитель дум. Круг сансары продолжал вращаться — дом, работа, скандалы, сон.

Накануне отец и мать переругались из-за комнатных фиалок. Отец решил, что цветочный горшок пуст, не заметив ростков, и выбросил. Или что-то в этом роде. Сущая мелочь, которая переросла в ураган. Валерия даже не вникала, она лишь погромче подкрутила музыку, не надеясь заснуть ночью под аккомпанемент выяснения отношений. А раньше-то она всегда вылетала из комнаты, вставала между ними: «Мама, папа, не ссоритесь. Это же ерунда! Все можно решить».

Да, все. Если есть любовь, то все можно решить, все простить, а если ее нет, то малейшее неверное движение влечет взаимные подколки, недоверие, распри. Раньше дочь вмешивалась, в итоге еще и виноватой оказывалась. На нее то мать обижалась, углядев пособничество мужу, то отец, который бормотал, будто женщины в его доме сговорились. И никто не слышал ее, списывая все печали на подростковую депрессию. «Это проходит с возрастом, не нуди», — отмахивался то один, то другой, а уж посмей она лет в двенадцать рассказать о черном человеке, который неизменно мерещился в коридоре в самый глухой час ночи, нагоняя ужас, так и вовсе подняли бы на смех или пригрозили повести к психиатру.

Для них лекари душ считались какими-то мифическими животными, которые только вредят, поэтому выбор Валерии крайне возмутил их, а все ее заслуги на этом поприще сводились к нулю. Так что, о них девушка тоже редко рассказывала, хватало последнее время отговорки, что она зарабатывает деньги, значит, не так уж бесполезна. Жизнь шла куда-то, по инерции — кому-то этого достаточно. Валерия почти смирилась, каждое утро с трудом отрывая чугунно-тяжелую голову от подушки, потирая затекшую шею. Серость — и в кошмарных снах, и в настоящем. И за чертой видений, и наяву представал бесконечный город, обделенный вниманием солнца, всюду стены, только стены.

«Все еще разбираем дело о первой любви? А... Нет, уже разочарование в ней», — думала Валерия, глядя с дежурным выражением лица на знакомую девочку-подростка, которая заходила к ней уже, наверное, пятый раз. Она мало рассказывала, почему не получается поговорить о своих чувствах дома. Маме она сказать боялась, будто первое волнение на безбрежном море чувств воспринималось преступно и предвзято.

— Я ему записку написала. А он перед всем классом ее прочитал и высмеял меня... — Девочка закрыла руками лицо, то размазывая выступившие слезы, то дергая за туго стянутый светло-русый хвостик. Обычная, курносая в сизой форменной жилетке, мешковатом свитере, черных брюках, принятых в школе, полноватая и с первыми прыщиками. Конечно, ее сердце принадлежало красавцу класса. Он периодически мелькал в коридорах, Валерия смутно представляла этот насквозь фальшивый образ из дешевых комиксов. Почему-то от его поступка не получилось даже удивиться, зато захлестнул гнев.

«Подлец!» — Невольно сжались под столом кулаки Валерии. Здесь бы не слушать излишняя глупого ребенка, а замазать хорошенько по зубам тому уроду, который уже с ранних лет не знал ничего о чести; вот прямо так, как показывают в боях без правил. Но кодекс поведения не позволял ни в каком случае, и сердце Валерии дрогнуло от сострадания и

бессильной ярости. Захотелось обнять собеседницу, подбодрить ее. Прежняя безучастность ко всем постепенно сменялась желанием борьбы, пожалуй, с момента заключения пари с Королем Кошмаров.

— Борись! Ни в коем случае не позволяй теперь одноклассникам насмеяться над тобой, — говорила решительно Валерия в числе прочего. — Отвечай, если начнут лезть. А его не замечай просто, пусть провоцирует. Главное, не забивайся в угол испуганной мышкой, не показывай им, что чувствуешь себя виноватой.

За время учебы и работы Валерия утвердилась в мысли, что школа — это одно из самых жестоких мест, плавильный котел, где человека бросают в искаженную малолетней глупостью модель всего общества, большого недружелюбного мира. Кто-то быстро учится плавать в этом мутном потоке, а кто-то тонет и уже после окончания не всегда всплывает, привыкнув к травле и невозможности изменить свое положение.

Валерия в школе научилась отбиваться, хотя не рассказывала родителям. Она всегда запоминала обидчиков, а потом находила случай поддеть, болезненно и метко. За это среди «королев класса» ее считали злокой, но не приставали, ведь она ничего никому не забывала, собирала по крупицам из обрывков разговоров их страхи и чаяния. Она помнила, как одна из «королев» бросила ей, будто с таким характером ей никогда не найти парня, за что получила при всем классе громкое едкое напоминание, как ее саму недавно кинул один поклонник.

Валерия как-то произвольно научилась защищаться и нападать, ведь иначе ей не удалось бы выжить дома, где она, правда, находилась в глухой обороне за свой «суверенитет». А вот ее несчастная собеседница в силу возраста и эмоциональности еще не догадывалась о жестокости мира, словно наивный младенец, лепеча:

— Но я... я все еще люблю его! Он изменится...

— Никого нельзя изменить, — отрезала беспощадно Валерия. — Он уже показал свой характер. Это не любовь и никогда ею не станет. Он ничего не знает о любви. Если бы хоть что-то знал, то не стал бы растаптывать твои чувства. Послушай, встретятся тебе другие, намного лучше. А этот... Он — бесчестный человек. Нормальные люди так не делают. Любят за поступки, а не за смазливую мордашку, — твердо и настойчиво убеждала Валерия. — И сказки о преображении чудовищ — это сказки.

— Какая подлость, — протянул насмешливо знакомый голос над ухом, заставив встрепенуться.

Рядом с ней на облачке черного песка лениво и вольготно расположился ухмылявшийся Бугимен. В целом, он не выходил за рамки приличия и не подглядывал за ней, когда не надлежало, однако считал своим долгом портить ей жизнь не только ночью, но еще и днем, возникая в самые неожиданные и неподходящие моменты. От его присутствия тут же скрутил страх, резанувший по сердцу и хлестнувший под коленями. Похоже, страх же ощущала и притихшая девочка, со стороны которой теперь доносились только всхлипы.

«Явился не запылится. Вспомнишь только о чудовищах...» — подумала с великой долей самоиронии Валерия, на миг незаметно закатывая глаза.

— Много же ты знаешь о любви, как я погляжу, — продолжал посмеиваться Король Кошмаров. Он издевался над неожиданными сюсюканьями жестокосердной девушки.

«Да, достаточно», — ответила мысленно Валерия, вспоминая весь свой небогатый опыт. Она ведь тоже однажды влюбилась, в тринадцать лет, раньше всех своих одноклассниц, но тоже безответно. Годы показали, что судьба уберегла ее от неверного выбора, но целый год она мучилась своими чувствами, словно чем-то преступным, неправильным. Слишком рано

что-то открылось в сердце, кристально-чистое чувство без подтекста страстей и низменных желаний, как у некоторых. Душа ее наполнялась, точно прозрачный сосуд, но то оказалась не живительная влага, а гибельный нектар мучений.

Родителям она так и не осмелилась сказать, они на тот момент опять решительно разводились, тогда их ссоры приобретали как раз наибольший размах. Она перешла в другую школу, и больше ничего не ведала об объекте своей мучительной любви. А потом заметила его как-то раз в переулке с другой девушкой, одетой в безвкусные зеленые бриджи.

Они прилюдно обжимались и вешали друг на друга слюни, точно животные, точно две дворняги. Валерию тогда окатило отрезвляющим отвращением, кристальный сосуд разбился, и из него по юной душе растекся яд. Если кто-то считает, что подростки неспособны испытывать сильные чувства и их ведут лишь гормоны, то он ничего не понимает в жизни. Порывы большей силы она никогда больше не испытывала, только в течение того года.

Потом поглядывала на одноклассника еще в девятом-десятом классе, они даже дружили, но дальше ничего не зашло. И ей надоело ждать любви к одиннадцатому классу. На выпускном балу она дала себе четкую установку: «Вот уж сегодня я точно не останусь одна!»

И она открыла в себе недюжинную способность к беспорядочным движениям под музыку, она задыхалась и почти умирала в гомоне дискотеки. В мелькании теней ей все чудился черный человек с серой кожей и жесткими, точно оперение стрелы, волосами.

«А ведь ты видел мой первый поцелуй, поганый», — подумала Валерия, вспоминая, как из толпы выпускников положила глаз на высокого брюнета. Тогда она танцевала, глядя только на него. Знакомство без слов, в беспорядке нелепых движений. В тот вечер ей владела досада и злость, она задалась целью найти кого-то, точно соревновалась с собой.

Когда они устали от мелькания прожекторов и грохота музыки, то вышли на трассу арендованного школой неплохого кафе, познакомились, узнали имена. Валерия четко помнила, что к концу вечера, то есть, уже под утро, оставила где-то возле столика туфли, как и многие девчонки, а кафель приятно холодил раскаленные гудящие ступни, когда она позволила полакомиться сорванным с ее губ поцелуем. И он не вошел в память как сказка или прикосновение волшебства. Она даже не закрывала глаза, ей все мерещился черный силуэт, рассыпавшийся черным песком. Впрочем, она бы все равно не испытала внутреннего пожара или взрыва шаровой молнии, как об этом пишут в любовных романах. Глупые книжонки очень ценила одна из бабушек, которая, разговорившись, частенько пересказывала их сюжеты, все больше убеждая внучку, что на этих страницах нет и слова о настоящих чувствах. Да и где есть?

В тот вечер Валерия на всю жизнь разделила любовь и отношения, а поцелуй считала просто совершившимся фактом, подозревая, что такая же равнодушно-апатичная оценка последовала бы и за ночью страсти, если бы она позволила такому случиться.

Она возвращалась в автобусе уже в пиджаке того парня, ткань согревала плечи, отгоняя прохладу раннего утра. И еще три года она морочила им обоим голову, перепробовав в окрестных кафешках все виды пиццы, пересмотрев на одном диванчике кинозала все мусорные новинки Голливуда. Ночами же она частенько примерялась к подоконнику, порой воя, точно оборотень, от бессмысленности всего происходящего с ней. И однажды решила, что достаточно этого эксперимента на поприще отношений без любви. Расстались они без скандалов и сцен, через интернет-переписку. Вот так просто и без обязательств.

С тех пор календарь наматывал ниточки отпущенного срока, дни сменялись, кадры часов латали прорехи истории, не предоставляя никаких глобальных планов. Да она и не

собиралась ничего строить, мысли о замужестве ей претили, стоило только вспомнить сцены между родителями. Где-то существовали иные поводы для печали, более важные, но она металась в своей ловушке для маленького зверька.

Может, поэтому боль девочки отозвалась в ней, всколыхнула что-то живое, сочувствующее. Но теперь рядом с ней парил Король Кошмаров, и дальнейшие уговоры под воздействием тени ужаса едва ли принесли бы целебный результат.

— Я не отвлекаю, не отвлекаю — усмехался он, картинно всплеснув руками. — Занятно слушать.

«Ну, точно полтергейст», — поморщилась Валерия, как будто передразнивая его. Девочка тем временем в достаточной мере успокоилась, лишь покачивалась, как в бреду, а потом ответила на звонок из дома охрипшим голосом, и спешно подхватила квадратную тяжелую сумку-портфель. Валерия закрыла за ней дверь, рассерженно прислоняясь к ней, с упреком восклицая:

— Ты же обещал! Приходить ночью!

Страх сочился по ее венам, но его перекрывало возмущение и растерянность: возможно, она именно в этот сеанс упустила возможность помочь ребенку. Возможно, удалось бы переубедить ее в глупом стремлении кого-то изменить или в намерении стать посмешищем класса. Хотя... Если человек не желает быть спасенным, то его никто не вытащит из болота.

— Ты веришь обещаниям Короля Кошмаров? — глумливо скривился Бугимен, перебирая длинными пальцами, перелетая через стол к окну и обратно.

— Я хотела бы считать, что ты — честное зло, — сдержанно процедила сквозь зубы собеседница, разочарованно отмахнувшись: — Хотя это бред по определению.

— Может, и не совсем бред, — сощурился мужчина, объясняя: — Ты изучаешь людей, я изучаю тебя, чтобы так же найти «болевы́е точки».

«Кто еще кого изучает», — подумала Валерия, замечая за собой странное стремление узнать лучше ее мучителя, это побежденное зло, которое в последнее время набиралось наглости заявляться в любое время.

— А если бы тебя увидели? — скорее подумала вслух, чем спросила, Валерия, кивнув куда-то в сторону двери, за нее.

— Разве не этого я добиваюсь? — рассмеялся Бугимен, почти деловым тоном добавляя: — Я, так сказать, проверяю, насколько восстановилась моя сила. Увидят ли они черную тень, ощутят ли страх.

— Ну-ну, прямо Эрос и Танатос, прости меня Фрейд, который в гробу вращается, — хохотнула Валерия.

— Забавные он кошмары видел, — тут же отметил Король Кошмаров, по всей видимости, вспоминая известного ученого. Что ж, это не удивляло, ведь счет возраста этого существа шел на сотни лет, если не тысячи. Но, кажется, он совершенно не помнил, где и когда появился на свет, обретался ли в ином качестве, кроме злого духа. Он вспоминал периодически непреходящую злобу на свет луны, и некого Луноликого, которого периодически между делом проклинал наряду с Песочником. И другими Хранителями Снов. Из обрывков фраз, обращенных скорее к себе, Валерия постепенно выуживала целостную картину запредельной части мира.

— Не сомневаюсь, — отозвалась она. — Все-таки, что тебе так на моем рабочем месте понравилось?

— М-м-м, например, в соседнем классе контрольная идет, пробный экзамен, —

показалось, что Бугимен даже принял, точно к аромату свежей выпечки. — Я вижу, какой оттуда исходит страх. А какие кошмары я наслал накануне!

— И правильно! — махнула кулаком Валерия. — Хоть кто-то готовиться стал, наверное.

Кружением волны захватывала неприязнь к школьникам, к этим жестоким детям, которые порой мучают своих сверстников. Мелькнула мысль, а не попросить ли наслать персональные кошмары тому подлецу, который при всем классе высмеял первое любовное послание романтической дурехи. Валерия отметила эту мысль как удачную, занесла в блокнотик возможных стратегий разговора, но сочла, что не стоит в этот раз. Еще рано.

— Опять строишь из себя непробиваемую. Я же чувствую твой страх, — развел руками Король Кошмаров, подлетая к ней, нависая. Его лицо оказалось непростительно близко, отчего Валерия невольно отшатнулась, ослабившись, но с неуверенной простотой отвечая вполне искренне:

— Да ведь... вечно так: не сдадут что-нибудь, от родителей попадет, а потом ко мне бегут жаловаться некоторые, — но вновь на нее накатывали горькая ирония и озлобленность: — Как же, все такие «непонятые» и «необычные». А мой страх останется со мной, спасибо, чужого не надо.

Король Кошмаров снова навис над ней, окутывал пологом своего песка, насмехался, упиваясь мнимой властью над ее телом и душой. Подчинена всецело и не помышляет о побеге — таков его вердикт, таков его замысел. Она, конечно, боялась. Как и положено, покрывалась холодной испариной, подкашивались ноги, колотилось сердце, стучало в висках, сдавливало желудок — вот и все признаки страха, паники и прочего, но со временем к ним можно и привыкнуть, отделить тело от состояния духа и продолжать здраво мыслить. Тело неизменно боялось, но Валерия постепенно училась контролировать его, бороться с этой вечной тревогой. Она концентрировала внимание... на самом Короле Кошмаров.

И он-то как раз сам по себе не слишком пугал. Мужчина как мужчина, разве только с серой кожей. Вся власть в его песке, в том негативе, который скрывался в ней самой, видимо, очень крепкой выдержки, раз она призвала самого Бугимена, раз ему удалось выбраться из недр подземелий, уцепившись за ее отчаяние. Но ей надо было двигаться дальше, завершать дела, работать, в конце концов. Так что Валерия решительно протянула руку, чтобы сдвинуть со своего пути нависавшего полтергейста или духа, или еще как ни назови. Но только кончики ее пальцев легонько и вежливо коснулись его груди, как Бугимен спешно отпрянул, отскочил на другой конец кабинета к окну. И завис там, скрещивая руки, точно закрываясь, напуская на себя вид мирового зла, глухо рыча. Видимо, он слишком отчетливо еще помнил, как она чуть не вырвала золотых бабочек... Сердце? Надежду? Их едва уловимое сияние заставляло терпеть каждый раз приступы страха.

Больше Король Кошмаров в тот день не появлялся, растворился, пройдя сквозь стену, ничего не говоря.

«Неужели боишься? Это загадка, и я должна ее разгадать, а ты... останови меня на краю, еще раз, еще сотни раз избавь от страха самой себя, — подумала Валерия. — Если ты страшная сказка, то я — серая реальность. Если ты крошечная ночь, то я — долгие сумерки. В этом мире возможно равновесие».

Небо наливалось сочным индиго морозной ночи. Валерия даже сочла, что эта ночь красива для очередного разговора с Королем Кошмаров. В страшных снах для нее содержалась своя эстетика экспрессионизма, который отвечал изорванным нервам. Так или иначе, но прошло уже около месяца, в течение которого она не помыслила ни разу об

избавлении посредством прыжка с тринадцатого этажа. Страх сдерживал ее цепкими нитями каждую ночь, не позволяя встать на путь самоуничтожения. Валерия подозревала, что она для чего-то понадобилась ему и временное отсутствие происшествий — лишь затишье перед бурей. Не составляло труда догадаться о коварстве вечного пришельца.

Но в любом случае безупречно подобранная палитра сумерек предвещала невероятно красивую ночь, успокоенную серебристыми огнями последствий метели, что милостиво скрыла уродство асфальта и всю грязь зимнего города. Впрочем, утром такое сочетание показалось слишком бледным: выбеленный желтый свет солнца слабо расцветивал тусклое голубое небо, точно закрашенное дешевым карандашом. Темнота же придавала оттенкам насыщенность, а сочетаниям контрастность. В ней таилось неуловимое, ее венчала тишина спящего мегаполиса, когда случайные прохожие и машины — лишь гости этого непознанного мира, где сложно судить о границах и времени. Впрочем, Валерию предупреждали, что ее игра делается все более опасной. Приходил все тот же забавный седой паренек — Джек Фрост.

Пару дней назад он вновь встретил ее на фонарном столбе возле подъезда. Он выглядел нахмуренным и обеспокоенным, начал без приветствий, слетев навстречу:

— Что же ты делаешь?

— А что? — вскинула брови Валерия.

— Ты его практически в наш мир приглашаешь! Снова! — сжал плотнее свой морозный посох парень. В прозрачных честных глазах отражалась печаль, отнюдь не детская, не стража озорства и веселья. Похоже, он в полной мере ощущал груз ответственности, который нес за этот мир. Валерия устыдилась того, что из-за ее странных сплетений восприятия, возможно, расплывается сама ткань мироздания. Но она вела свою борьбу, еще надеясь не проиграть, счет велся не на количество выученных приемов самообороны и не боевые единицы в армиях. Поединки в ином измерении реальности. И не только за себя...

— Вы ведь Хранители. Придумайте что-нибудь, — слегка цинично отозвалась хладнокровная девушка, одергивая сползавшую на глаза сизую шапку с узором из оленей. Она уже не представляла, как выглядит, говоря с невидимкой — странная девушка в синем пуховике и почти детской шапке с помпоном. Впрочем, зимой бабушки-соседки у подъезда не сидели, а когда одна из них вышла неспешно, вероятно, в магазин или поликлинику, то собеседники понимающе помолчали несколько минут, проводили ее взглядами. И тогда Джек Фрост всплеснул руками, слишком эмоционально для ледяного мальчишки:

— Знаешь, последняя битва с Бугименом доказала, что наша истинная сила в том, верят ли в нас люди. Пусть мы для них только сказка. Но и этого достаточно. Если верить кошмарам, то они станут сильнее!

— Но в любой сказке должно быть зло, разве не так? Без него нет морали, — склонила по-птичьему голову Валерия, хотя сама не до конца верила своим словам.

— В сказке — да. Но в реальности — нет. Ты же все понимаешь! — воскликнул парень, разгадав ее неприкрытую игру. — Я вижу по тебе. Да, я тоже когда-то был слишком гордым и самодовольным. Но сейчас так нельзя.

— Так выгащи из меня тьму! — шикнула неожиданно для обоих Валерия.

— Не могу... В этом-то и беда. Спасти можно только тех, кто хочет быть спасенным, — будто повторив ее мысли, опустил белую голову Джек, вертя в руках посох. Добрые вестники не уберегли бы ее от самой себя, озорство и веселье не подсказали бы, где искать верный путь. Страх, впрочем, тоже, но от минутного веселья едва ли кто-то делался счастливее по-

настоящему. Валерия скрестила руки, почти ласково прося:

— Тогда... Спасай, кого можешь спасти. А тех, кого не можешь — прости.

Джек поднял на нее полные печали добрые глаза, в них читалась сказочная вьюга, и поблескивали искры неутомимого веселья, но ныне отдаленно, точно сам он, даря радость другим, не слишком-то веселился последнее время. Может быть, каждый раз его сердце пронзала грусть, когда Хранитель понимал, что его крупницы радости тонут в океане скорби. Они лишь скрашивали временно жизнь, как мимолетный праздник, что промчится и вновь ввергает в пучину бесцветной реальности, которую надлежит жевать день за днем, как отсыревшее сено. Иного выбора нет, кто-то и в этом находил радостные события, кто-то просто был счастлив и умел любить. Но не она, потому отправляла к тем, кто нуждался в выходках неутомимого мальчишки с ледяным посохом. Она же оставалась хранителем чужих невеселых историй. Почти хранитель скорби.

— Только не позволяй Бугимену захватить тебя в свою власть! — предупреждал ее Джек, сжимая крючковатую палку, точно опытный воин верный меч. Похоже, не в одном сражении он столкнулся с Королем Кошмаров.

— Мной никто не имеет права управлять! — вскинула гордо голову Валерия.

Но как же она соврала... Ей управляли все, направляли, точно реку строители каналов и водохранилищ в эпоху индустриализации, она покорно поддавалась, коллекционируя разбившихся «икаров» — оплавленные остатки то одной, то другой мечты. И вот от нее остался только пепел, запах которого возвещал каждый раз о новом прибытии Бугимена.

— Все зависит от того, что в твоём сердце, — пытался подбодрить ее Джек.

— Сердце? Пусто там, пусто, — покачала головой Валерия. — Вот он и вцепился в эту пустоту, как клещ. И вряд ли тебе удастся чем-то заполнить этот вакуум.

— Подумай о других людях, — напутствовал Джек Фрост, точно заученными фразами, с неприязнью вспоминая: — Знаешь какой он, на самом деле, когда у него власть была? Он сродни катастрофе, стихийному бедствию! Я помню, как целый город едва не затопила волна кошмаров.

— Что если затопила бы? Люди видели бы дурные сны? Благополучный же был город, если в нем не было кошмаров. Интересно, что видят жители трущоб... Порочен наш мир, если с него так легко собрать столько кошмаров, — задумчиво отозвалась Валерия, но выпрямилась примерной ученицей. — Обещаю, это не повторится. Если дело во мне.

«Это загадка. Я не люблю загадки, но они заставляют мозг работать. Загадка парадокса и... двух душ», — отметила про себя Валерия.

— Мы будем следить за тобой. Я постараюсь тебя защитить, — обещал Джек, легко и невесомо отрываясь от земли. Валерия провожала его долгим тягучим взглядом, точно завидовала, как тоскует по полету птица с перебитым крылом.

Вечер уже сомкнул кобальтовый занавес, начиная закулисное представление ночи, однако его актеры неторопливо готовились, а на сцене расставляли последние декорации потаенного мира, так как зимой темнота далеко не всегда означает наступление ночи. Люди только возвращались с работы. С привычной тревогой на сердце Валерия вдавила кнопку лифта, надеясь, что родители еще не вернулись, но последнее время именно она задерживалась. Исчерканые белые двери разъехались в стороны, привычно отразилось свое лицо в треснутом зеркале, и палец лег на кнопку с номером тринадцать. Довольно новый дом, не больше тридцати лет, но лифты кто-то уже испоганил, и кнопку с ее этажом поджарили зажигалкой, закоптили несчастливое число. Всего их было двадцать. Но именно

тринадцатая мерцала красным глазом зажегшейся лампочки из черноты несмываемой сажи, точно медные светящиеся глаза Короля Кошмаров.

Валерия размышляла, к чему ее призывали Хранители, что так прямо пытался доказать Джек Фрост. Она и без него догадывалась, чем опасен пришелец. Но ведь кошмары он собрал не просто так. Может, призвал на благополучный городок всю боль людей в других частях света? Об этом не рассказали, об этом не ведали. Боли всем хватало, кому-то мало, кому-то много, а у кого-то нелепый фарс каждый вечер.

Валерия зашла домой, вновь заставляя семейную ссору, застывая в дверях, разматывая шарф. На этот раз мимо нее в отца полетела трубка от телефона, ударилась о стену и замерла с выпотрошенными батарейками. Как ни странно, мать кидалась предметами почти молча, только шипя какие-то упреки. Они вообще редко вопили на весь дом, отчего соседи считали их образцовой семьей, не то что алкашей с третьего этажа.

Интеллигентные, они даже на мат никогда не срывались. Но сколько же негатива витало в воздухе, он буквально концентрировался ядовитыми парами.

— Это из-за тебя я карьеру оставила! Сижу бухгалтером уже сколько лет! Ты-то у нас развиваешься! — сыпала однотипными упреками мать, уже охрипла.

— Так добивайся! Кто тебе сейчас мешает? Ребенок? Ребенку уже двадцать пятый идет! — громыхал отец, ударяя руками по столешнице, настойчиво выкидывая из холодильника ужин, перенося его в микроволновку. Он никогда не отказывался от еды после работы, мать же в последнее время исхудала, все грызла себя. Как бы хотелось ее защитить... но от кого? Всех их оградить бы от самих себя.

«Вот и забирай их кошмары, вот и лепи свою армию. Ну, Джек, где же ты со своим весельем?» — скептически обзревала крайне обыденную картину Валерия, прислонясь к косяку. И сколько еще таких же с виду благополучных квартир могли бы послужить материалом для армии кошмаров? Огромное число людей, что бросают резкие слова, миллионы тех, кто не дорожит друг другом. Хватит, чтобы затопить целый мир. Куда уж верить в сказочных существ.

Валерия, негромко выругавшись, удалилась в ванную, внезапно обнаружив, что у нее на плече прорвался небольшой нарыв, запачкав кровью синюю офисную кофточку. Она намеренно давила уже вышедший гной, причиняя себе боль, чтобы заглушить разъедающую досаду от увиденного дома. Снова они сорвались, не лучше каких-нибудь алкоголиков, только не на выпивку, а на выяснение, кто прав, а кто правее.

Когда она вышла, прилепив пластырь, мать сидела в прострации на диване, едва слышно скуля. Кажется, не нашлось бы более грустного человека. Валерия, будто прозрев, прониклась к ней невыразимым сочувствием, поняв, что у нее больше нет сил запереться в комнате, фактически игнорировать существование самых родных людей. Такие скандалы — это как болезнь, а от больных ведь не отворачиваются. Поэтому Валерия опустилась на колени подле дивана, растирая замерзшие руки матери, точно прося у нее благословения.

— Чего тебе? — встрепенулась женщина, всхлипнув. — Ужин в холодильнике.

Отец тем временем в родительской спальне что-то уже выяснял по «скайпу» с одним из коллег, кажется, у него на работе тоже не все гладко шло. Он срывался и на жене, упрекал ее в том, что он их содержит, хотя вскоре вспоминал, что это старая песня, что они и сами уже зарабатывают.

— Да не нужен мне ужин, — едва не заплакала Валерия, прикикая лбом к коленям матери. — Мне на тебя смотреть больно. Мам, давай уйдем от него. А? Ну если тебе так

будет лучше.

В тот миг Валерия ощущала себя снова маленькой девочкой, которая ищет защиты у мамы на руках, точно там не достанут ни кошмары, ни беспощадных хлад всех внешних жестоких миров.

— Куда уйдем? Квартира-то наша общая, — вздохнула мать, покачиваясь из стороны в сторону.

— К бабушке, — наивно сказала первое, что пришло в голову, Валерия. Для нее ответ был очевиден. К бабушке другой, не той, которая обожала любовные романы, а волевой матери мамы, прошлой спортсменке с наградами за лыжные соревнования. Хотя обе бабушки были очень добрыми и между собой неплохо ладили, поэтому от них старательно скрывались все семейные ссоры. Но все-таки кое-что просачивалось. В последнее время даже их все-таки поссорили друг с другом. И Валерия металась уже не между двух огней, а между четырех. Повод-то оказался совершенно пустяковый, как и всегда. Да и к войнам, как показывает история, поводы всегда крайне нелепые и случайные, хотя обычно кем-то подобранные, подброшенные. Зато всегда стелется за ним ворох причин, подводных камней.

— Нет, — вдруг отстранилась мать, аристократически выпрямляясь: — Если я разведусь, то докажу ей, что вообще ничего не стою, даже не могу сохранить брак.

— Да что за бред ты несешь? — нахмурилась Валерия, вставая, испытывая накатывавшее отчуждение. — Что тут уже сохранять? Вы же ненавидите друг друга!

— Мне лучше знать, — с привычной обезоруживающей строгостью отрезала мать, точно она являлась непреложным законом и хранителем всех прописных истин.

Валерия отошла, потерянно окидывая взглядом синие цветы на дорогих обоях гостиной, как те выброшенные фиалки. И казалось, что в воздухе повисли облачка вулканического пепла от бесконечных «извержений» «везувиев».

Да у них тут все пропиталось черным песком!

То ли Валерия от хронической бессонницы уже видела то, что не следовало простому смертному, то ли окончательно сходила с ума, но ее охватила паника от того, как плотно на предметах отпечатался этот дух разложения, этот накопленный негатив. Буквально во всем! К примеру, тот самый знаменитый телевизор — да вокруг него целый смерч черных частиц вился, потому что когда его выбирали они успели перессориться раз сто. Сошлись в итоге на наиболее приемлемом варианте. Или вот теперь разбирая трубка телефона, которая сиротливо съезжилась у разделочного стола в кухне, точно тушка курицы. Каждая вещь напоминала не о совместно нажитом имуществе, а о совместно «наруганном». Хотя вот вроде почти три недели изображали счастливую семью, даже съездили вместе в музей, посмотрели задумчиво импрессионистов, стараясь не навязывать друг другу восприятие полотен.

— Ну что тебе лучше знать? Ты на себя посмотри! Ты же сгораешь! — всплеснула руками Валерия.

— Так, иди в свою комнату. Хочешь, чтобы отец тебя услышал? — зло прошипела мать, властно кивнув на спальню, откуда доносились звуки разговора. В больших закрытых наушниках с микрофоном отец вряд ли услышал бы хоть слово, они хорошо изолировали звуки.

— В свою комнату... в свою комнату... я это слышу лет с пяти, — пробормотала Валерия, и, не выдержав, взорвалась: — Ну, раз не хочешь слушать, тогда позволь уже мне снять квартиру. И разбирайтесь сами.

— Будто ты одна проживешь без нас, — напряглась мать, точно испуганная орлица, сверкнув глубокими пронизательными глазами. О да, ей бы управлять, править кем-то, но на работе не получилось уже выбиться в начальники, а дома не позволял отец. Так они и бились, два короля без подданных.

— По деньгам проживу, я считала, — решила довести игру до конца Валерия, глухо продолжая: — А без ваших скандалов тоже проживу как-нибудь. Может, без меня вы определитесь, что вам надо.

— Валерия, ты никуда не съедешь, ты поняла? — поднялась с места мать, но дочь уже не слушала ее, закрывая дверь своей комнаты. Отправили ее туда? Отправили! Вот она и послушалась, только высунувшись:

— Надоело мне быть заложником! Надоело!

Она захлопнула дверь, съезжая по ее обратной стороне на пол, вздрагивая от измученности. Она терпела все, что творилось с ней в последнее время: терпела работу, даже всю эту мистическую кутерьму пережила бы. Но то, что случалось каждый раз дома медленно убивало ее.

План побега на съемную квартиру все отчетливее формировался, оставалось лишь узнать детали, преодолеть свою детскую беспомощность. Но над ней распростерло темные крылья гнетущее чувство безысходности, даже не страха, а именно невозможности выбраться. В исступлении она дернула ворот испачканной кофточки, спуская рукав, срывая пластырь. И вновь напала на несчастный нарыв, сдавливая кожу, ковыряя его зазубренным ногтем, лишь бы заглушить звучащие в голове упреки матери.

Вспоминалось буквально все... «Иди в свою комнату», — так ее отправляли после нотаций, когда она приносила редкие плохие оценки в школе, так ее удаляли из поля своего внимания, когда она отказалась сознательно идти на экономиста. «Иди в свою комнату», — эта фраза означала, что мать будто отрезает ее от себя, возводит стену. Кто из них еще придумал это постылое пространство «ее комнаты»? Валерия и сама терялась в догадках. Ее обожгло сильнее каленого железа неоправданное ожидание. Ее отшвырнули, когда она просила понимания и любви, прощала и просила прощения за все. Теперь в сердце вновь оставалась только пустота.

Потому она ничуть не удивилась, когда на ее плечо легла ледяная, но совершенно осязаемая рука, послышался знакомый голос, на этот раз насмешка в нем звучала как-то иначе, без издевки, спокойно как констатация факта:

— Смерть от сепсиса куда более мучительна, чем смерть во сне.

Валерия только тогда заметила, что по плечу у нее уже струится новая кровь, стряхнула с себя эту жажду причинения самой себе боли, приклеила обратно пластырь. Голос Бугимена ее отрезвил, напомнил о страхе заражения. Вот такая нелепость уж точно не входила в ее планы.

— Почему люди такие дураки? — прошептала девушка, сглотнув ком в горле, глядя снизу вверх на пришельца. Что там говорил Джек Фрост? Просил его гнать? Или бороться с страхом в своем сердце? Да она боялась каждый раз возвращаться домой! Тягучий кошмар, не ужас, не страх смерти, а именно дурной сон реальности.

— Такова их природа, поэтому ими и должен кто-то управлять. Иначе они разрушат себя от выдуманных бед, — развел руками Король Кошмаров.

— Да это был риторический вопрос, — отвернулась Валерия. Уж ее матерью точно никто не сумел бы управлять, что не понимал отец.

— А я ответил, — улыбнулся Бугимен, и она с надеждой спросила совета, наверное, зря, совершенно зря:

— Может, съехать от них?

— Это снова риторический, полагаю?

— Да мне бы самой понять, — съежилась девушка.

— Иногда бегство — это лучшая тактика, — заискивающе, но невероятно убедительно кивнул вдруг Король Кошмаров.

Больше в ту ночь он не приходил, только поправил воротник ее окровавленной одежды, да мимолетно провел тыльной стороной ладони вдоль щеки, словно в предвкушении осуществления какого-то плана. От прикосновения сковал холод, но Валерия была слишком измучена, чтобы оценивать коварство. Ей всецело завладело желание сбежать. Бугимен же прошел сквозь стену, уводя за собой шлейф из кошмаров, крайне загадочно ухмыляясь.

«Нет, Джек, я в этом доме не смогу победить. Здесь никакой радости нет, пока они не разберутся. И я еще имею глупость верить, будто они разберутся», — зло рассуждала Валерия, уже окидывая комнату взглядом в поисках нужных вещей, подсчитывая, сколько у нее сбережений, сколько наличных. С того дня в течение месяца она составляла список необходимого, тайно, ничего не говоря матери, которая вообще объявила им с отцом бойкот молчания после опять-таки какой-то пустяковой ссоры, провокатором в которой был снова отец.

— А она съехать решила! Как же! Очень удобно! А обо мне ты подумала? — восклицала мать тогда, ставя в упрек, беспощадно насмехаясь. Она не верила, что дочь способна на такую дерзость. Почти идеальная марионетка вынашивала свои темные планы — непростительно.

— Лучше бы подумала, как мужа себе найти, — почему-то в тот день поддакивал отец, как будто не понимал, что, в целом, замужество и другая квартира — события взаимосвязанные.

«Такого, как ты? И жить, как вы? Нет уж, нет уж!» — Буквально все протестовало в Валерии. В этом отношении она ставила на себе жирный крест, так как понятия не имела, как вообще уживаются нормальные семьи, что скрашивает их дни, о чем они говорят. Их же редкие тихие вечера напоминали прогулки по минному полю — главное не задевать двусмысленных тем или воспоминаний.

После бойкота мать наоборот долго рассказывала дочери, как познакомилась с отцом в институте, как они поженились, почти изливала душу, но Валерия так и не поняла, когда система дала такой жестокий сбой, чего им не хватало и что мешало разойтись, ведь вряд ли только квартира.

Нет ничего загадочнее таких семей. К тому же, они никогда не расскажут правду о своем не-счастье, если вообще до конца понимают причины.

В тот вечер Валерия слушала и слушала, но когда вновь попыталась предложить им развестись, то ей преподнесли старую песню: «иди в свою комнату» и «мне лучше знать».

Тогда-то она приняла окончательное решение, непредусмотрительно забыв, что мысль эту подкинул ей Король Кошмаров...

5. НОВЫЙ ВИТОК

Если человек хочет что-то изменить, то рано или поздно он находит способ. Важнее осознать необходимость. Это все-таки произошло: она съехала на съемную квартиру. Однако незаметно не удалось, да она и не стремилась, едва ли надеясь, что реально избежать ужасной обиды и осуждения в адрес своей взбунтовавшейся персоны.

Перед уходом она выслушала такие «приятные» слова, что всю дорогу трясло, как в самой тяжелой лихорадке. Она не удивилась, что забыла некоторые малозначительные вещи, погрузив на такси два баула одежды и прочего, ноутбук и зачем-то тот самый сломанный мольберт.

Дрожь прошивала руки, превращая пальцы в крючки, точно у сказочной ведьмы. Только котла все не находилось.

«Как ты смела! Ты же не серьезно? Ты никуда не пойдешь!» — еще гудели в голове сбивчивые звуки. Отец перегораживал дверь, но она закричала, как вопиющий в пустыне:

— Хватит! Хватит!

— Девушка, что с вами? — обернулся таксист, тогда Валерия шлепнула себя по губам, осознавая, что повторила вполголоса свои восклицания вслух.

— Все в порядке. Я просто задремала, — ответила она, уставившись на сумрачные огни. Город укрыл субботний вечер — лучший день для переезда, хотя вещие сны обычно под пятницу снятся, но здесь все происходило в реальности. Она не верила, что решилась, и одновременно чувствовала себя ужасно виноватой, вспоминая отрешенное одиночество матери, ее осунувшееся лицо. Она казалась себе преступницей, которая оставляет мать наедине с этой бедой. Хотя какие уж беды... Все так жили, кто-то и намного хуже. Но разве не это разъединяло мир? Разве не это делало его злее, подлее, равнодушнее? Если и не убивало, то уродовало души, лишь внешне делая сильнее.

Валерия задремала за короткое время дороги, сжимая прямоугольник ноутбука. Она надеялась хоть во сне с кем-то поговорить, но даже там она узрела тишину, ужасную, давящую, бесконечно ледяную. На этот раз не город: она парила в тумане над безбрежным темным лесом. Она терялась, не ощущая ни тела, ни направления. Не обреталось там ни ветра, ни четких линий предметов, только туман и пепел, точно в обители заблудших душ. И собственный голос тонул, она просила хоть какого-то движения, даже если кошмаров, но ничего не менялось, вязло в белесой дымке, точно в холодном молоке.

Лишь скрип тормозов вернул к настоящему, в котором тоже все тонуло в поднявшейся пурге. Валерия потерянно озиралась, не до конца уверенная, что сон покинул ее, казалось, она перетаскивала образы из снов в этот мир. Или наоборот, что логичнее. Но растрепанные чувства с трудом воспринимали законы навязанной рациональности.

Валерия выругалась, когда обнаружила, что в новом ее жилище лифт не работает, а ведь на вид вполне приличная девятиэтажка с кучей подъездов, длиной в целую улицу. Таксист свою помощь не предложил, да это и сделало бы чем-то обязанной. Девушка расплатилась и, теряясь в наспех собранных растопыренных пакетах и сумках, поплелась по лестнице наверх. Пятый этаж, конечно, не тринадцатый, но после подъема со всеми вещами руки нестерпимо разболелись, зато от тяжелой работы ушел озноб от пережитого.

«Плохой из меня шпион, плохой, не смогла по-тихому уйти», — с самоиронией твердила она, переставляя ноги по ступенькам. Все в ее жизни выглядело крайне нелепо,

оборванно. Когда она подходила к квартире, то выронила ключи. Потянулась за ними, да уронила мольберт, отчего он закрипел и сломался окончательно. Валерия снова выругалась шепотом, злясь на всю эту повседневность. Слезы иссякли, она боролась, плыла против течения. Но неумолимо тонула, точно туман из далекого сумрачного леса снов сопровождал ее. Мольберт отправился вскоре в мусоропровод, поломанный на отдельные детали. Хватит этой сентиментальности, хватит вспоминать каждую загубленную возможность самовыражения, тащить за собой память о сломанных мечтах. Взросление — это умение существовать и вовсе без мечты.

Она сбежала. Наверное, безответственно и жестоко. Она не сомневалась, что родители без нее продолжили ругаться, обвинять друг друга, что вырастили такого черствого монстра. Когда она скрывалась за дверью отчего дома, они дошли до того, что это она — причина их всех ссор. Просто высказали в запальчивости то, что от общей вежливости аккуратно таили от нее все эти годы. Но она постепенно сама понимала. Она — ошибка матери, причина их брака, загубленная карьера, растоптанные притязания отличницы на самовыражение. Ведь отец учился хуже матери в свое время, а потом начал изображать, будто умнее, опытнее. И это клеймо незаметно проступало под кожей дочери, разъедало ее душу. Это вечное сознание неправильности собственного появления на свет, будто она помеха, которая обязана как-то своей жизнью искупать этот промах. Хотя Валерия прекрасно понимала, что это бред, что это просто их общие подсознательные монстры не могут найти себе покоя. Однако это ничего не меняло.

Девушка окинула усталым взглядом запыленную чужую квартирку, которая явно нуждалась в ремонте. Померкшие обои стелились хрестоматийными цветочками, из деревянного окна в двойном раме тянуло сквозь щели холодом. Мебель осталась от прошлых хозяев частично старая, частично новая. То ли кто-то просто съехал, то ли кто-то здесь умер, Валерии не рассказали подробности, но ее не интересовало; сдавали вроде приличные люди, цену высоко не заломили. Хотя кто знает, какие страшные тайны скрывались за шорами их благополучия, как и у всех.

— Что ж, добро пожаловать в пристанище моего одиночества, — приветствовала она себя с театральной напыщенностью. — Отныне я живу здесь.

Но ответом ей предстала только тишина. Даже духи молчали, может, она надоела и им. Выпили ее, восстановили силу и отринули, забыли. Это к лучшему, наверное. Валерия сбежала в совершенно взрослую жизнь. Взрослая жизнь не предполагает ни добрых снов, ни кошмаров. Нормальные люди не видят цветные сны.

«А если его все-таки убили? А если он убил Джека Фроста? И... теперь мир и вовсе обречен. Что ж... Если увижу в окне волну кошмаров, тогда попытаюсь думать о чем-нибудь хорошем. Ха-ха», — рассудила Валерия, но сердце болезненно сжалось, и она поймала себя на мысли, что в этом вечном противостоянии не желает абсолютной победы ни одной из сторон.

Еще более тоскливо сделалось, когда она заметила за окном золотые нити счастливых снов. Они пронизали проспекты и дворы, озаряя невидимым светом темную ненастную ночь. «А если они его убили? Или снова загнали в подполье? Хотя... Он, наверное, заслужил», — думала она, глядя в темной комнате на подоконник, а руки холодели, и под сердцем вила ледяное гнездо надоедливой птицы тревоги. Она снова боялась себя. В висках стучало, она потерла их, но голова раскалилась, точно котел над костром. Перед глазами все поплыло от пережитого стресса. Слишком много потрясений, слишком много

неопределенности.

— Ну, хватит! — крикнула себе Валерия, уже не опасаясь, что ее кто-то одернет. Она торопливо развязала баулы, раскидала вещи первой необходимости, оценила, что диван в единственной комнате хоть и старый, но не слишком продавленный, пружины не торчали. Лихорадочная суетливость перемежалась с сильной усталостью. Валерия массировала спину, с непривычки придавленную сумками и подъемом. Периодически хваталась то за голову, то за сердце, которое неприятно кололо уже как пару лет, началось после выпускных экзаменов. Ничего серьезного, просто стресс. Никаких поводов для печали! Здоровье нормальное, руки-ноги на месте. Крыша над головой, работа — все есть. И все же... никакого смысла она в этом не видела, лишь укоряя себя, что она к тому же еще и не имеет права на свою депрессию. Во всем неправильная и неидеальная, ошибка, что еще сказать. Все делает не так, все исполняет неверно, то положит вещь не на то место (хотя никакой разницы-то нет), то что-то не то купит. То принесет больного котенка с улицы. Она помнила, как слезно просила оставить лет в шестнадцать, но грянул такой ураган, что... заставили оставить там же, где нашла, в подъезде у подвала, наверное, обрекая на смерть. Призрак до сих преследовал, порой она встречала его там же, в незнакомо-знакомом городе из кошмаров. Может, там и живут все призраки, все ее чувство вины и неприязнь, что противным свалывшимся комком заменяла душу, словно там спрессовалась разбухшая под дождем подшивка прошлогодних газет, где на первой полосе скандировали: «Валерия, иди в свою комнату!» От этих слов казалось, что ее ударил под дых, вывернули.

Валерия только рассмеялась, неприязненно глянув на свое отражение в мутном зеркале, будто на чужого человека. Неправильно так оценивать себя, во всех всегда находится позитив — так убеждали все тренинги, но заставить себя чувствовать никак не удавалось. Она испытывала только безотчетную тревогу, глядя то на распростершуюся легкую паутинку сияющих нитей, то на подоконник.

«Неужели если он не придет, то я... я не хочу!» — Паника металась нестройными снами, заарканивал туман, преследовало ощущение бесконечного падения. Валерия задыхалась от неподвижности, но решительно вскочила с места, открывая ноутбук, врубая первый попавшийся трек и подкручивая громкость на максимум.

— «Вечно молодой, вечно пьяный!» — мимо нот вопила она, включив музыку и откупорив бутылку припасенного еще накануне красного вина. Песни сменялись, а она наливала себе в бокал вино, хотя никогда не напивалась раньше, пробовала только на праздники, теперь же закусывала сухим печеньем. И то ли пела, то ли выла про вечную молодость, кружась по квартире, размахивая руками, пиная наполовину распакованные сумки. И тогда она услышала знакомый голос:

— Что за дебош?

Он появился среди ночи, когда вино было выпито до половины, а слишком старая и знакомая песня «Смысловых Галлюцинаций» заслушана до отвращения. Он пришел вместе с четырьмя лошадьми кошмаров и черным песком, как обычно. И новое жилище заполнилось ароматом пепла и ржавчины.

— У меня новоселье, — улыбнулась Валерия, которая делалась совершенно невосприимчивой к страху. Она скорее радовалась, что эту долгую ночь на новом месте ей коротать все-таки не одной. Затуманенное сознание слабо доносило сигналы тела о привычных признаках приступа ужаса. Всего лишь приступ, как болезнь, как озноб при поднимающейся температуре — неизбежно, но вполне переносимо, особенно, если

сконцентрироваться только на прищельце.

— Ты думала, я не найду тебя на новой квартире? — сощурился он.

— Да о тебе вообще речи не шло. Я уже давно догадалась, что тебе не лень доставать меня везде. Ты же мне и подсказал идею! — вспомнила Валерия, опустошая еще один бокал вина, питая отвращение к себе за столь непотребное поведение. Но вряд ли бы кто-то узнал, что их школьный психолог или идеальная дочь впервые в жизни позволила себе что-то лишнее. Нет-нет, никаких ярких цветов в одежде, никакой слишком дорогой техники, никаких гостей и прогулок после десяти вечера — все это запретный плод, который мешает. А чему уже, собственно? Рамки расползались, как бумажное оригами под ливнем.

— Теперь ты окажешься в тотальной изоляции, один на один с ужасом, — довольно усмехнулся Король Кошмаров. Похоже, у него обретался свой недобрый план, но Валерия терялась в догадках, а способы борьбы Хранители Снов подсказали недейственные в ее случае. Да и... не хотела она бороться, чтобы вновь замирать в одиночестве и глядеть через подоконник.

— А вот и проверим! — бросила ему воодушевленно Валерия, заголосив, почти танцуя на месте, лишь бы заглушить огонь в душе, а он все прорывался: — «Вечно молодой...» Они не хотели отпускать меня, — девушка рассмеялась, вызвав вопросительное выражение на лице Короля Кошмаров, затем объяснила: — Пришлось сказать бабушке, что у меня есть парень, которого я не хочу показывать пока родителям, потому что они ссорятся и произведут не лучшее впечатление. Короче, она мне помогла с документами и прочим. Потом пришлось и родителям сказать... ох, какой скандал-то был. Но я сбежала! Все!

Она и правда не одна занималась обустройством на новом месте, без поддержки хотя бы кого-то из родных ничего не получилось бы. Обе бабушки, как ни странно, ничего не имели против того, что у взрослой внучки есть какой-то парень. И их не удивило, что показывать его она не хочет из-за ссор родителей. Вот только жгло сознание обмана. Хотя... пожалуй, лишь частичного.

— Парень? — казалось, опешил Бугимен, продолжив озадаченно, хоть и с долей насмешки: — Хм... Что-то я его не видел. Кто?

— Джек Фрост, ядрена-макарона! — громче прежнего рассмеялась Валерия, смахивая неопределенные слезы. — Какой парень, Ваше Кошмарное Величество? Я же соврала! Зато теперь я свободна! Хотя бы на какое-то время!

Однако Короля Кошмаров раздражало ее гибельное веселье. Он, прошелестев через темную комнату, привычно навис над ней, становясь день ото дня все более материальным, уже совершенно непрозрачный. Он угрожающе обещал, подлетая к ней, снова окутывая черным песком:

— Ты не свободна, теперь никто не поможет тебе. Скоро ты будешь целиком в моей власти.

Похоже, ему все еще чудилось, будто за ее демаршем стоит какая-то надежда или желание сбежать. Неужели еще не догадывался, что его ждали? Вот здесь, прямо в этой изломанном пространстве чужой квартирке. Лишь бы не притягивал к себе безумием сквозящий неровный квадрат окна со сбитым бетонным подоконником.

— Вот это мы еще посмотрим, — выпрямилась с азартом Валерия, неуверенно потянувшись к следующей рюмке, уже понимая, что рискует «перебрать», однако Бугимен выхватил бутылку из ее рук, покрутил, читая этикетку, пренебрежительно бросив:

— Фи, дешевка. Даже не винтажный год. Не понимаешь ты в настоящем вине.

— Сойдет. Ну, мое здоровье! — отсалютовала она, замечая, что мир вокруг кружится, наваливается полуобморочная усталость, помноженная на крайне вредный в таком состоянии алкоголь. Она упала на диван, глядя, как комната вращается вокруг, как на аттракционе, и вместе с ней то тут, то там маячил Король Кошмаров, который попробовал вино, брезгливо поморщился и оставил пустую бутылку на полу. Трек сменился и заиграл медленный и тягучий «Я твой ужас и страх» группы «Ария». И с таким аккомпанементом в замкнутом пространстве комнаты парил Король Кошмаров, почти в такт музыке взмахивая вихрями черного песка.

Валерия наблюдала за ним, вовсе не ощущая какую-то власть над собой, зато мысли об оставленном доме давили, проникали в сознание щупальцами. Она представляла, что мать плачет там совершенно одна, но одновременно обвиняет дочь. Образ преследовал, сковывая настоящим ужасом, потому что от собственных мыслей не сбежать. Сначала Валерия напевала, монотонно покачиваясь, в такт песне, а затем внезапно залилась слезами, съезживаясь на краю дивана.

— Они меня ненавидят... Нет! Хуже! Они меня просто не замечают! Вот никак! Я для них — пустое место, игрушка, марионетка, — девушка бессильно заскулила, кусая обветренные губы. Кожа треснула, по подбородку стекла тонкая струйка крови. Но Валерия только плотнее подтянула колени к груди, отворачиваясь к стене. В тот миг ее ничто не волновало, хоть бы даже ей грозился кто-то всадить нож в спину, хоть бы там рушился целый мир. Она считала несколько лет, что побег в другой дом — это способ решения проблемы. Но она любила родителей, и это чувство приковало ее цепями, не позволяя провалиться в равнодушие будней. Она металась в незримой клетке.

Король Кошмаров, паря где-то в комнате, недовольно фыркнул, бормоча себе под нос:

— Не терплю нетрезвых. Им море по колено и никакой восприимчивости к страху. Хотя... Кошмары особенно заковыристы, если они еще в состоянии видеть сны.

Валерия обратила к нему опухавшие глаза, давясь кашлем, говоря, заходясь периодически новыми рыданиями:

— Вот каково тебе быть невидимкой? А? Нравилось? Не нравилось! Вот и решил мир захватить. Вот и мне не нравилось! Вот она я, смотрите! Не ждали? Да? Не ждали, что я тоже личность, а не собственность? — она вновь отворачивалась к стене, не ведая, куда деваться от самообвинения, но она уже сожгла мосты. — Бред... все эгоистический бред... У других проблемы похуже, глобальнее... — она вновь поглядела на Короля Кошмаров, все плакала. — А мы два проклятых эгоиста на куске шлака. Только из таких тираны и получаются, от чужого равнодушия, от чьей-то черствости.

Дальше — как провалилась...

Проснувшись она от ужасного сумбура в голове, сон был очень чуткий и беспокойный, даже не кошмары, которые открывали перед ней свою страну в минуты забвения, а именно бессмысленная смена картинок на фоне отчетливо подкатывавшей к горлу тошноты. Она проснулась от того, что пересохшие губы нестерпимо горели, отодвинула край пледа, которым накануне, кажется, не укрывалась.

Первым, что она увидела, было крайне скептическое выражение лица Короля Кошмаров, который в лучах рассвета загоразживал своим черным песком окно.

— С утра пораньше... — бессмысленно пробормотала девушка.

— Могла бы придумать что-то и поумнее в качестве протеста, — осуждающе махнул он рукой. Кажется, он никуда и не уходил. То ли он насылал все эти тревожные видения, то ли

просто чего-то ждал. Может быть, теперь он намеревался преследовать ее круглые сутки, не просто же так обогащался силой ее недобрых тревожных видений, все решительнее возвращался после своего заточения, так что Валерия почувствовала себя виноватой перед Хранителями.

— Хотя бы ты нотаций не читай... Чай не вампир, за порчу крови не боишься, — отмахнулась раздраженно она, испытывая едва сдерживаемую потребность обругать весь свет, но потушила ее напускным спокойствием, холодным решительным выводом из всего ее поведения накануне: — Я ведь... к смерти стремлюсь. Так или иначе... медленно убиваю себя. То бессонницей, то работой. Если страшно через подоконник, то другие способы есть, медленные. Каждый день, по капле. Мы все исчезаем.

— Исчезать неприятно, — заметно вздрогнул Король Кошмаров, непроизвольно сжимая кулаки. — Когда... — Он стиснул зубы. — Люди проходят сквозь тебя, как сквозь воздух. Когда тебя гложет зависть, почему какого-то Северянина они видят, а тебя... нет. В древности я налетал ночами, гасил свечи и костры. Их страх темноты.

Валерия рассеяно только запела Iron Maiden, болезненно шевеля спекшимися губами:

— Fear of the dark, fear of the dark. I have a constant fear that something's always near...

— Знакомый мотив. — В медных глазах отразилось непривычное оживление.

— Да? — протянула Валерия, снова улыбаясь: — А не ты их на песни вдохновлял, случаем?

— Вот на эту — я, — он кивнул и самодовольно улыбнулся, прищутив глаза, как сытый кот. Тогда Валерия заметила к своему удивлению, что клыков у него все же нет — зубы как зубы — вероятно, раньше померещилось от испуга. Пожалуй, в тот миг он выглядел польщенным и в какой-то мере счастливым. Все же след кошмарных снов и страшных сказок оставался отчетливым пластом в любой культуре, и порой в них намеренно сбегали от беспощадной реальности. Ведь что, как ни кошмарная сказка, концерты групп под стать Iron Maiden? Реальность куда хуже.

— Так и знала, — просияла девушка, нервно рассмеявшись. Неожиданное открытие ее почти беспричинно развеселило, а, может, совершенно непривычная ухмылка на лице собеседника, не злобная, а именно польщенная.

Но он скоро одернул себя, пока Валерия с охами и бессмысленными междометиями разминала совершенно затекшую шею, растирала руки и ноги, сначала вроде собираясь на работу, затем вспоминая, что на дворе воскресенье. Она совершенно терялась во времени. А излом чувств, что случился накануне, представал чем-то излишним и уж очень несдержанным. Ныне все прошло, жизнь не обрывалась, заставляя тянуть ляжку дальше.

Чтобы отвлечься, Валерия распаковала оставшиеся вещи, бережно составила список всего, что она забыла, затем впервые совершенно самостоятельно попыталась приготовить себе обед. «Ага, высушить мясо, чтобы не брызгалось. Щас попробуем», — то думала, то говорила сама с собой девушка, периодически сверяясь с ноутбуком. Вскоре у нее и правда получилось водрузить на сковороду средней величины кусок говядины, обжарить с двух сторон. Голод при любом настроении неизбежно преследовал ее, такова уж человеческая природа. И от нее порой делалось то смешно, то грустно.

— Мясо с кровью... — вдруг послышался голос, и снова посреди бела дня из-за стены появился Бугимен, уже без свиты, а так, сам по себе, лишь с неизменным ореолом черного песка. И потянул свою загребушую лапу прямо к сковороде, ловко поддев еще не совсем прожаренное мясо, ничуть не обжигаясь о кипящее масло, и одним махом, точно аллигатор,

сжевывать его.

— Эй! Это же мое! Оно недешевое, между прочим, — обиженной девчонкой возмутилась Валерия, никак не ожидая таких фокусов.

— Зачем тебе? Ты же не хочешь жить? Разве нет? — пожал плечами Король Кошмаров, облизнувшись.

— Вот это наглость! — всплеснула руками Валерия, поражаясь, что полтергейст уже настолько освоился в мире людей. Пришлось готовить новый кусок. «Ну ладно, призраки от моей стряпни недохнут, значит, и мне сойдет», — почти польщено заключила девушка.

Так и начался новый виток ее жизни. Она довольно скоро освоилась на новом месте, и даже извечная тревога постепенно отступала. Валерия впервые ощутила, что она хозяйка своей судьбы. Теперь она возвращалась в квартиру, не опасаясь встретить никого страшнее извечного гостя.

А ему, кажется, все больше не нравилось, что изломанная измученная душа непокорной жертвы приходит постепенно в равновесие. Возможно, он боялся снова сделаться невидимым, возможно, злился, что не успевает в какие-то свои сроки скопить достаточно мощи для нового удара по Хранителям Снов. Валерию уже мало что интересовало, она еще больше уставала, осознавая, что ей не всегда и не на все хватает денег.

Правда, через три недели после «побега» случился новый поворот: мать через бабушку разузнала ее адрес и... сбежала от отца к дочери. Валерия поразились, когда вечером встретила возле двери маму, рассчитывала, что ей вновь придется выслушивать аргументы в пользу ее вопиющей неправоты. Но нет.

Затем пришлось вечером и целую ночь выслушивать о том, что творилось дома. В целом, ничего нового, только без третьей стороны. В ту ночь даже Король Кошмаров не успел помешать своим присутствием, только пару раз мелькнул где-то и убрался восвояси. Да Валерия и сама бы исчезла, куда угодно. Особенно, когда под утро под окнами на все лады загудел клаксон автомобиля, а потом надсадно зазвонили в дверь — это вернулся отец. С огромным букетом, приглаженный, но усталый от бессонницы, он жутко извинялся перед матерью. Валерия хотела сначала выставить его, прогнать после всего услышанного бесконечной ночью, но мать снова заладила:

— Мне лучше знать!

Она ушла, сознательно покинула Валерию. Теперь уже родители, кажется, смирились с тем, что дочь справляется и без них, только подкидывали иногда деньги или, например, купили пылесос. Они отныне без нее продолжали свою бесконечную игру.

Это повторялось несколько раз, несколько раз скандалов, побегов матери, извинений, потом один раз пришел отец. И тоже просидел до утра, изливая душу. Обычно их ссоры происходили в выходные, с пятницы на субботу или вечером на воскресенье, но пару раз и в будни случались их побеги друг от друга. Кажется, они быстро просекли, что дочь примет, так или иначе, их обоих. Вернее, по очереди. Теперь они чересчур многим с ней делились, изливали душу. И Валерия потеряла за два месяца счет ночам в конце недели, когда просиживала то с одним, то с другим родителем до самого утра на кухне над кружкой остывшего крепкого чая, подперев отяжелевшую голову рукой.

С матерью они попеременно обсуждали, как жесток мир и как несправедливы мужчины, а отец... он просто как будто приходил посмотреть с дочерью боксерские поединки. Она же посадила его и на соревнования боев без правил. Он редко говорил о

матери, когда приходил переночевать к дочери. Но его тоже мучила сложившаяся ситуация.

Валерия, наблюдая метания обеих сторон, жалела и отца, и мать одинаково, не зная, как им помочь. Что-то изменилось, теперь они, кажется, поняли, что их дочь — это не ошибка, не причина их ссор. Неужели искали проблемы в себе? Впрочем, маловероятно, раз за все это время так и не дошли до сколько-нибудь разумного решения.

— Пятница... И никого? — заинтересованно вздохнул Король Кошмаров, поглядывая недоверчиво по сторонам, точно ожидая наткнуться на кого-то в темном углу.

— Представь себе, — поежилась Валерия. — Либо кто-то из них придет завтра, либо я не знаю, что сдвинулось в мировом порядке. Плотный же у меня график теперь: они в выходные, а ты в будни. Какой же у меня упрямый мозг, что его выносят все выносят, да никак не вынесут.

Валерия замолчала, подпирая руками голову, отхлебывая сделавшийся привычным слишком крепкий черный чай, неизменно остывший.

— Маразм крепчал. Теперь я на выселках работаю их личным психоаналитиком, — продолжила она, хотя обычно она всех подряд слушала, одобрительно кивала или просила уточнить, а о своих чувствах по-прежнему никому не рассказывала. Да и что у нее? Вот съехала на квартиру, вот жила. Никаких проблем, внешне ни единой, не считая мелких изматывающих недоразумений на работе, так что и интересоваться нечем.

— Кажется, они уже догадались, что у тебя нет парня, — рассмеялся Бугимен, паря напротив. Последнее время он выглядел уже совершенно не как дух, разве только через стены все так же беспрепятственно проходил. Видимо, крепло ее отчаяние, но при очередной случайной встрече Джек Фрост подбодрил, сказав, что не будь в ней надежды, то она бы не видела столь отчетливо и Хранителей Снов.

— Прямо так нет? Вот ты мог бы пару раз проявиться. Может, хоть перестали бы приходить, — съязвила она, осекшись. — Впрочем, не будь ты к ночи помянут.

Она отрешенно прислонилась боком к стене, гадая, какая у нее надежда. Вот разве только нестройный план, любопытство, которое губит кошек — узнать тайну Короля Кошмаров. Она каждую ночь видела золотистый песок снов, и оттого все загадочнее выглядели для нее поблескивающие бабочки надежды посреди черной бездны. Если это его план по затоплению мира кошмарами, то вряд ли он содержал такой чистый цвет. Что же тогда еще? Но он не признавался, лишь опасливо и в какой-то мере стыдливо прятал их, когда тянулись бесконечные ночи, которые постепенно превращались в пустую болтовню.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Странная у меня жизнь получится, в старости вспоминать буду, как развлекалась в молодости: говорила с Королем Кошмаров», — насмехалась над собой Валерия, не представляя, сколько еще лет наматывать свой земной срок на веретено судьбы. Впрочем, она не раздумывала, что еще изобретет будущее, которое разверзлось, точно безбрежное море звезд, своими линиями, вариантами, недомолвками. И в нем терялись людские планы, мечты. То, что казалось когда-то невозможно ценным, с течением времени порой теряло всякое значение.

Валерия встала и нарезала имбирь, в последнее время проникшись горьковатым ароматом, который смешивался с неизменном оттиском пепла.

— Завтра будет новый день, — вздохнула она не то с радостью, не то с печалью. Вскоре она засыпала, удивляясь, насколько привычными и спокойными сделались ее кошмары. Она старательно запоминала их, записывала в небольшие рассказы, собирала комментарии от

читателей.

Бугимена, похоже, это все больше злило, его план давал катастрофический сбой. Он ожидал, что она сойдет с ума в изоляции, но она раз за разом преодолевала его ловушки, неожиданно открыв и для самой себя: она сильная. А, может, уже не злило...

И новые дни действительно принесли немного неожиданностей, например, на небольшом школьном празднике по случаю восьмого марта молодой учитель географии недвусмысленно подарил ей три розочки с коробкой конфет, предложив проводить от школы до дома.

Валерия объяснила, что, в целом, ей добираться довольно далеко на метро, тогда он улыбнулся и предложил как-нибудь встретиться и поболтать не в рабочее время. Девушка на мгновение опешила, удивляясь, что может кому-то нравиться, сердце ее замерло, но она отдавала себе отчет: не от любви, а с непривычки. Не научилась она кокетничать и слушать комплименты. Если уж думала что-то, то рубила с плеча, когда считала необходимым, а когда замечала опасность, то терпеливо молчала.

Здесь же предлагалось что-то другое, что-то, напоминавшее те три скучных года, скрашивающих волнение на бесконечных сессиях. Валерия представила, что вновь придется бродить по кафе, а потом жарить ему мясо. Да и более того — жить с кем-то под одной крышей, ссориться, а потом оформлять развод, делить имущество, тратить и без того расшатанные нервы.

Девушка поморщилась этой отвратительнейшей привычке просчитывать все по негативному сценарию. Она заставила себя улыбнуться и принять приглашение, рассматривая круглое лицо парня лет двадцати семи-восьми. Со светло-русыми волосами, белесыми ресницами и такими же едва заметными бровями, он чем-то походил на Джека Фроста, разве только чуть старше и чуть толще. Хотелось думать, что это мышцы. Одевался он в мешковатые серые пиджаки, так что удостовериться не получалось.

— Да, конечно, — сладким голосом пропела она, поразившись своему умению маскировать истинные чувства.

— «Да, конечно», — тут же передразнил ее возникший откуда-то полтергейст, Валерия бросила на него строгий взгляд, но своевольное грозное создание и не думало исчезать. Он никуда не делся, когда молодые сотрудники школы покинули здание вдвоем, пытаясь наладить диалог, следовал за ними тенью до самого метро, а потом караулил Валерию и в метро с какой-то фанатичной настойчивостью, мстительно сверкая глазами исподлобья. От его дурного настроения в вагоне замерцали лампочки.

— Ух, нечистая сила! — пробормотала одна из многочисленных старушек. Кто-то предпочел перейти в другой вагон.

Валерия только устало зажмурилась, чтобы не глядеть на эту световую какофонию, оставшись наедине с гомоном колес. Стоило ей открыть дверь, как Бугимен злорадно навис над ней:

— И что это за хмырь?

— Тебя бесит, что он похож на Джека Фроста что ли? — с победной улыбкой обернулась Валерия, подыскивая для роз подходящую вазу, соображая, что именно этого предмета в ее новом жилище совершенно не хватает. Ведь цветы ей раньше никто не дарил, разве только по одной хилой розочке тот поклонник с выпускного бала. Впоследствии оказалось, что он пошел на инженера, но покатился куда-то не в ту сторону, попробовав

наркотики. Такие сведения донесли разрозненные знакомые. И Валерия с облегчением сочла, что судьба уберегла ее от еще одного недоброго рока.

— Нет! — отвернулся собеседник, будто его вовсе не волновал этот вопрос.

— Хмырь как хмырь. Может, скоро будет жить тут, — провоцировала девушка.

— Что? — прошипел Бугимен. — Ты разве забыла? У нас договор! Ты думаешь, так избавиться от меня? Наивный человечиска!

От его восклицания треснула и погасла лампочка, что напугало бы любого, но Валерия не отступалась от своей опасной игры, ей нравилось питаться этим возмущением, точно не он, а она пришли из мира непонятных духов.

— Может, я решила наладить личную жизнь. И надоело мне ночи напролет болтать только с тобой, — откровенно издевалась Валерия, совершенно неприлично поддевая: — Толку-то от тебя?

— Ничего, радуйся-радуйся, пока можешь. Скоро все поглотят кошмары, — только рассмеялся Бугимен, загадочно исчезая. Явно отправился готовить свой злодейский план, а Валерия почти смеялась над ним, поражаясь доверчивости столь долговечного создания. Разве не следовало догадаться, как часто лгут люди, особенно, женщины? Похоже, он и правда принял все за чистую монету.

«Будто я радуюсь», — подумала она, вспоминая учителя географии. И ничего не отозвалось в груди, ничего не дрогнуло, не потеплело. Еще одно постылое знакомство, еще одна бесконечная игра без возможности по-настоящему ожить, отдать кому-то свое настоящее тепло, рассказать искреннее обо всем, что терзало. Здесь же изволь нацепить парадную маску, изображай теперь неизвестно сколько благодущие и кротость, как на рабочем месте. Валерия невольно представила себя обнаженной перед этим парнем, и ее едва не стошнило.

«Смерть от сепсиса куда более болезненна, чем смерть во сне», — вспоминала она странное замечание Бугимена. Она дотрагивалась до своего плеча, где уже давным-давно зажил нарыв, лишь для того, чтобы вспомнить лед от прикосновения ладони.

— У меня... сепсис души, — тихо прошептала она. И просила, чтобы в ту ночь вновь пришел страх, но, кажется, он затаил обиду или же готовил очень злую шутку, примерный сценарий которой Валерия разгадала по его выражению лица, точно у какого-нибудь Локи перед розыгрышем обитателей Асгарда.

И в этой крошечной темноте она вновь тонула, не имея сил заснуть, нарезая и заваривая имбирь, стесав кожу на пальцах острым ножом, который на днях наточил заботливо отец. Вернее, он просто не знал, чем себя отвлечь от очередной ссоры с мамой, потому делал вид, будто пришел помочь дочке.

Валерия слизывала свою кровь, подходя к окну, снова прикасаясь, как к запретному плоду, к подоконнику. И три розы, плывущие в темноте, ныне казались тремя мечами, с которыми придется сражаться против жизни, против отвращения, недоверия и неприятия.

«Нет, я сильнее этого», — сжала она зубы, отходя от подоконника. Ей бы радоваться, что хоть кому-то понравилась с таким дурным характером, хотя на людях-то скрывала его мастерски, как повзрослела.

На следующий день она вновь улыбалась после работы, однако все в ней буквально бунтовало, но парень оказался такой ласковый и обходительный, что любая резкость выглядела бы крайне бесстыдно грубо в ее случае. Ей впервые кто-то заинтересовался, а не она нашла кого-то от всепоглощающего отчаяния. Она старательно уговаривала себя, что

любит его, хотя ничего не чувствовала. Вроде бы так положено, вроде бы можно себя уговорить и жить, как все.

В этот раз они пошли до кафе, как и договорились. Вскоре Валерия тянула задумчиво через соломинку переслащенный латте, односложно отвечая на несмешные шутки и цитаты из каких-то популярных сериалов. Парень слушал малознакомых ей исполнителей и плохо разбирался в чем-то, кроме своего предмета. Ему нравились походы, еще немного искусство фотографии. В целом, все.

Валерия не представляла, о чем говорить; о себе она даже не ведала, что рассказать. Она как будто не существовала, не запоминала свою жизнь. Внутреннее все паниковало, и она умоляла себя не думать о крае подоконника в качестве вернейшего решения всех жизненных дилемм. А он возникал навязчивой идеей. Латте застревало в горле, казалось, она меньшую оторопь чувствовала в присутствии Короля Кошмаров. Да что там говорить... Она уже привыкла к тому существу, которое не просило, в целом, ничего.

Здесь же все выстраивалось так правильно и чинно, с такими намеками на далеко идущие планы, что вскоре Валерия от каждого слова вздрагивала, представляя, как через пару лет начнет сама кидать телефоны, целясь в голову будущему мужу. А как иначе? Хотя в ее случае по-другому: она на подоконник будет каждый раз вскакивать, усиливая творящийся вокруг бедлам. Дурная она, неправильная, наверное. Вот и не желала других мучить, отгораживалась от них.

Новый ухажер вызвался все-таки проводить ее до дома, однако стоило им выйти из кафе, как в обезлюдившем переулке сгустилась мгла. Фонари, беспорядочно замигав, погасли.

— Что за?.. — пугливо озирался парень, Валерия же не двинулась с места, уже подозревая, что вокруг них происходит. Впрочем, изменить что-то — не в ее силах. Ее же «рыцарь» испуганно вопрошал у сделавшейся непроницаемой темноты:

— Кто здесь?

Он совершенно растерялся, неуверенно двигаясь вперед, точно забыв о спутнице, однако попятился, когда навстречу ему вышли четыре лошади с горящими глазами. Мрак сгущался, напиткиваясь новыми красками, пенился, точно края латте, и переливался. Привычный страх сковывал Валерию, она спокойно принимала его, как нечто неизбежное. Он не мешал жить, он не сравнивался с той паникой, которую она пережила накануне перед заведомо провальным свиданием.

— Это розыгрыш такой, да? — дрожал всем телом парень. Губы его побелели, на лбу выступила испарина.

Наиболее плотный сгусток черного тумана смерчем приблизился к нему, и из него показался Король Кошмаров, который совершенно несерьезно шикнул:

— Бу!

— Чудовище! — размахивая руками, полетел прочь молодой учитель, забыв о своей спутнице. Спотыкаясь и скользя на колдобинах, он вылетел на освещенный проспект, скрываясь в неизвестном направлении. Валерия дала себе слово на следующий день узнать, все ли с ним в порядке. Но от происшествия ее разбирал горький смех. Вот и все, вот и пришло ее решение: в критической ситуации о ней забыли напрочь, как в самом плохом дешевом фильме ужасов.

— Так я и думала, — вскинула брови девушка, глядя на Короля Кошмаров, который беззвучно упоенно смеялся, теребя коней за гриву. — Ну и что это было? Ревность?

— Ревность? О чем ты? Смешно! — отмахнулся Бугимен, сверкнув глазами в сторону девушки. — Нет, он бы помешал мне...

— Изводить меня, — окончила фразу Валерия, скреживая с претензией руки.

— Да, именно так.

— Ему теперь психологи будут доказывать, что ты примерещился. Или он сам себя убедит, — ухмылялась она с не меньшей насмешкой, рассеяно поглаживая чешуйчатую гриву одного из коней. Как оказалось, ее кошмар представлял не в виде лошади, и не в образе монстра. Город, бесконечный серый город... Ее кошмар — лабиринт этой жизни.

— А ты жестокая, если смеешься над ним, — сощурился Бугимен оценивающе.

— Да нет, так всем будет лучше, — отвернулась порывисто Валерия. — Мне просто воспитание не позволяет вовремя сказать это «бу». Так, может, с другой будет счастлив.

Улыбка исчезла с лица Короля Кошмаров, скорее появилось легкое непонимание. Похоже, он надеялся так вымотать ее, ввергнуть в еще большую бездну отчаяния, но своей выходкой только успокоил в какой-то мере.

Внезапно тьма рассеялась, вернее, загорелись фонари, черные лошади захрапели и взвились на дыбы.

— Ты напал на человека, Бугимен! Это уже переходит все границы!

Знакомый голос донесся сверху, с фонарного столба, между которых любил прогуливаться Хранитель Веселья, оставляя иней на проводах.

— Джек Фрост! Давно не виделись, дрянной мальчишка! — осклабился Король Кошмаров, повелительно раскидывая руки, но явно готовясь атаковать, концентрируя вокруг ладоней черный песок. Джек тоже сразу же схватился за посох, вызывая льдисто-белое свечение. Первое заклинание прорезало воздух яркой вспышкой, столкнувшись с бурей черного песка и стрел.

Валерия с опаской попятилась, прижав ладони ко рту, чтобы не закричать. Перед ней разворачивался самый настоящий поединок магов. Она по счастью не сталкивалась в своей жизни ни с криминальными разборками, ни с иными опасностями подобного рода. Помнила только из курса ОБЖ, что нельзя лезть под пули и смотреть за происходящим, будто из засады. Лучше всего лечь лицом вниз, чтобы показать свою непричастность к сторонам конфликта. Однако вряд ли это был тот случай. Оба прекрасно знали, кто она.

Ледяная стрела прочертила ночь, резанув вдоль предплечья Короля Кошмаров, потекла черная кровь, терявшаяся в материи одеяния. Зато магия тьмы не заставила себя ждать, ударив Джека в грудь, опрокинув и закружив столь неистовым вихрем, что маг едва не улетел прочь, уцепившись крючковой палкой за фонарный столб, но отважно и сосредоточенно кинулся вновь в гущу сражения.

«Не сражайтесь... Я не хочу, чтобы вы оба страдали. Не сражайтесь, чтоб вас всех!» — с гневным испугом умоляла Валерия, неспособная желать удачи ни одной из сторон, как и дома, пусть здесь номинально существовало четкое разделение света и тьмы.

Она отпрянула, скрываясь за одной из черных лошадей, однако воплощенный кошмар ринулся в атаку, оставляя ее совершенно незащищенной. Вернее, Джек Фрост как раз прилетел ее защищать, как и обещал. Но он не догадывался о том, какая игра шла за кулисами, какую сложную схему взаимных обид и недомолвок они уже успели выстроить с Королем Кошмаров. Хотя, конечно, учитель географии не заслужил, так что Бугимена совершенно справедливо осуждали. Впрочем, тот парень просто по несчастливой ошибке «удостоился» несчастливой встречи с таким существом, как Валерия, с ней, с ошибкой. Или как еще себя

назвать?

Ледяной посох и призрачный меч тьмы скрестились в стремительном выпаде, Бугимен озлобленно декламировал:

— Зря ты не стал моим союзником, зря! Холод и тьма — истинные правители этого мира.

Магия сверкала и рассыпала многочисленные искры, оба оказались невероятно сильны. В переулке по странному волшебству не прибывало людей, впрочем, они бы едва увидели развернувшуюся картину. А вид открывался уже более чем пугающий: то там, то здесь возвышались шипастые пирамидки, напоминавшие дикобразов, сотканые из взаимно уничтожающихся зарядов магии, с каждым разом их размах возрастал.

Валерия лавировала и скрывалась между ними, однако ледяные стрелы едва не задели ее пару раз по неосторожности. Бугимен же наступал на Джека со всей возможной яростью, точно испытывал себя. И самодовольство, написанное на лице, подсказывало, что мощь его не только восстановилась, но и неумолимо возрастала.

Он отбросил Джека, ударив подло в грудь, лицо парня исказилось, когда он летел кубарем, едва не выронив верный посох. Валерия в милосердном порыве бросилась в сторону, куда упал Хранитель, но он уже уверенно поднимался, не позволяя себе проиграть, но с непривычным укором бросил ей громко:

— Его сила растет. Валерия, это из-за тебя!

— Но я же ничего не делаю, — растерянно отозвалась она.

— Ты подпитываешь его своим отчаянием! — успел объяснить Джек, сдерживая одновременно новую атаку широким щитом.

— Нет! Рано или поздно я снова захвачу этот мир. Вы еще не поняли, что без меня нет смысла и в вас, стражах! — рокотал голос Бугимена.

— Добро без зла прекрасно справляется. Я не холод! Я веселье! — дико улыбаясь, переходил в наступление негибемый Джек Фрост, отбрасывая сначала щитом вихрь черного песка, затем перекидывая поудобнее посох, вмораживая ноги Бугимена в асфальт и прицельно атакуя. Но не так-то все просто оказалось: Король Кошмаров немедленно схватился за гриву своего слуги, взлетая вверх, осыпая улицу градом черных сталактитов, подобных острым копьям. Валерия только отпрянула, не ведая наверняка, насколько опасно для нее оружие духов. Но вот так нелепо рисковать своей жизнью ничуть не хотелось.

«Кому из них мне желать удачи? Впрочем, пожелания ничего не изменят», — безотчетно тревожилась она за обоих. Видимо, неверно, неправильно.

— Беги! — воскликнул ей в тот миг Джек Фрост, заслоня щитом от очередной атаки.

— Правильно, не мешайся! — неожиданно вторил ему Король Кошмаров. А дальше Валерия и сама не помнила, как ее подхватил один из черных коней, унося все дальше от поля боя, точно волной отлива, что утягивает в океан от берега.

После она сама ринулась без разбору через череду однотипных улиц, вздрагивая в панике. Слишком силен оказался шок первой битвы, пусть она играла в ней роль лишь почти бессловесного свидетеля. Но все-таки она добралась до дома, где захлопнула дверь, закрыла все замки и проверила все окна. Все ей чудилось, будто кто-то за ней гонится. Или еще что-то... Смутные видения из всех возможных дурных снов.

Но стоило немного успокоиться, как ее схватила в цепкие лапы бесконечная тревога за исход поединка.

6. Без пяти двенадцать

Она металась от своей неправильности из комнаты в кухню и обратно, желая, чтобы хоть ее ненормальные родители притащились поболтать ни о чем, хоть бабушки, да хоть кто-нибудь, лишь бы не думать, что случилось с Джеком Фростом и Королем Кошмаров. С обоими! Пусть чужими, но, в конце концов, они тоже стали частью завихрений ее жизни. Она винила себя в начале этой бессмысленной борьбы, хотя понимала, что на самом деле Бугимен и сам планировал напасть рано или поздно.

Ночь в окладе окна перечертила деревянной перекладной старой рамы взгляд сквозь себя. «А ведь у меня нет шпор», — заметила только теперь Валерия, пока стеклянный сумрак заполнял всю комнату, перетекая через щелочку форточки. И вместе с ним клубилась и растворялась болотным туманом то ли надежда, то ли отчаяние, как метающийся среди топей бледный огонек, что так напоминал глаза Короля Кошмаров. Или наоборот. Не каждый разберет головоломку теней, игры без ставок и гонки к победе.

Из кривого изгиба кухонного крана распухла капля, вбирающая в себя искажением пространство всей кухни и хозяйку, которая устало села подле ноутбука. Она будто ждала, притом мучительно, да так, что сводило ноги и зубы.

Да, она ждала исхода поединка, а в душе все струны сплетались колтуном, иссякала музыка. Рояли ложились на крыло, уносясь прочь в дальние страны, все на юг, как будто север — слишком сложно. Ведь так наверх, все выше, точно стрелой разверстый небосвод делить границей свето-тьмы. Она же уходила не с музыкой, так с выстрелом. Так надо, длилась не-игра, но ночь томила ожиданием. Валерия схватилась за перо, вернее, шариковую ручку. И часами напролет писала разрывавшие голову рифмы. Стихи она сочиняла редко, ведь родители над ними смеялись, ведь у мамы в юности был изданный маленький сборник, а она-то кто, писака в сети... Но не для изданий и побед теперь пересекала бумагу убористым почерком с наклоном в неверную сторону. Она коротала часы, опасаясь, что даже утром никто не придет.

И больше никогда. А если уничтожили друг друга, то что осталось миру?

В ночи легко стелились ослепительные нити снов, точно Оле-Лукойе покинул пожелтевшие листы знакомых историй. Что ж... Может, именно его увидел как-то Андресен, может, всех их когда-то видели, но забывали об их реальности. И они все постепенно иссякали.

«Ты просто неправильная! Ты не имеешь права ни на свою депрессию, ни на свои слезы! Ты делаешь себе только хуже, живи уже, как все!» — отчитывал голос матери, засевшие в голове, пока Валерия то всхлипывала тихо, то мотала головой. И забывала, что в тишине квартиры никого нет рядом. Сбежать легко, вот километров много, на всех хватит дорог, а мысли примагнитят все обратно.

— Легко возносить достойных... Разбери, что с недостойными не так... — пробормотала Валерия, опускаясь на руки, плывя в кисее полусна. И чудилось ей снова, что она студентка, но почему-то филфака, сразу двух факультетов, да еще работа и прочее, будто еще не дома, а где-то в отъезде, в незнакомой стране, где все говорят по-английски. Там, в средоточии суеты, ей кто-то твердил, будто на носу сессия, будто в некий грядущий вторник экзамен, сразу двух факультетов. Слова уносились непониманием смыслов, она бродила между этажей, не то гостиницы, не то высотного здания чужого университета, при этом

искала себе место, чтобы заснуть. Но все двери захлопывались, все номера объявляли занятыми. И она, согнувшись и уронив голову на стол, съеживалась в неприветливом отельном ресторане, пробуждаясь у себя на кухне.

«Если бы не моя глупая выходка с учителем географии», — осуждала она себя. Валерия вскочила, едва заслышав шаги, впитав их кожей, покрывшейся прикосновениями мороза.

— Думала, сбежать? — послышался привычный мягкий, но шипящий голос.

— Нет. Я просто... испугалась, — губы ее дрожали в улыбке. — Что попаду под магию, — она соврала, а потом призналась: — И... за вас обоих.

— Да неужели? — не верил отчего-то Бугимен, но девушка пресекла его пренебрежение:

— К тому же это твои лошади вынесли меня за пределы сражения. Кто победил?

Он тонул в тумане, мгла расправляла безбрежные крылья, укрывая его пологом, точно он вновь скрывался бледной тенью, как бесчисленные годы исступления до этого.

— Пока никто. Но это временно, — вкрадчиво отвечал он. — Уже скоро...

Из мрака маячили два болотных огня, слегка белели зубы, но само лицо и тело стелились силуэтом, не позволяя поймать в фокус отчетливых очертаний, а ведь совсем недавно предстал столь материально, что даже мясо украл со сковороды, как будто жадный кот.

— Я обречена умереть, чтобы ты восстановил свою силу? — констатировала Валерия отрешенно. Лишь бы перестать внутренне ликовать, что он вернулся. Во-первых, о духах «живой» не говорят, во-вторых, он вроде бы мучил... а в-третьих... Почему надо было себе что-то запрещать? Голос матери в голове утих, его такого уже и не существовало.

— Смерть — это слишком просто, — отозвался Бугимен сдержанно.

Время вздрагивало и наливалось каплей у крана, что все никак не решалась разбиться о дно раковины. Валерия же таила больше почти сумасшедшей решительности. Она уже вобрала всю перспективу мира, она не боялась судьбы. Лишь бы узнать, почему он снова скрывался от нее, что прятал, зачем вновь играл в недомолвки. Что-то происходило, нависало траурной лентой, песочной глыбой над карьером. Капля сорвалась вниз, Валерия склонила голову, отчего-то сжимая кулаки:

— Видимо, я скоро узнаю твой истинный план.

— О да. Но ты же понимаешь, что выбора у тебя просто нет, — прошипел Король Кошмаров, окутывая ее черным песком. Но она отодвигала его привычным движением, ей хватало и своего. Он все так же вился над головой, вокруг пальцев, он тек в ее венах, не достигая лишь сердцевины. Но там не обнаруживалось золотых трепетных бабочек, никаких странно-светлых мыслей. Иль их не видит разочарованный «носитель»? Иль о них не подозревают, пока не вырвут с корнем беспощадные ветра?

— А если я и правда перестану бояться? Так советовал Джек Фрост, — предостерегла Валерия, забывая о странном ожидании, что продлилось наедине со стихами до первых лучей рассвета. — Говорил, что так тебя можно победить.

Битва длилась всю ночь, Валерия чувствовала, как к запаху пепла примешались другие — кровь и лед. Хотя у льда не бывает аромата, скорее она помнила тот свежий оттиск морозного ветра, что следовал за Хранителем Веселья.

— Так ли сумеешь не бояться? — насмеялся Король Кошмаров, отворачиваясь от нее, глядя куда-то в окно. Валерия попыталась приблизиться, но он отшатнулся.

— Я просто не хочу, — прошептала она приглушенно. — Если не страх, то что мне

останется? Пустота? Я шагну вниз за подоконник. Так что... Будь, что будет, — она мастерски лгала, будто не заботится о людях. — О судьбах мира пусть волнуются Хранители, у них это лучше получается, — однако если и скрывала правду, то всегда лишь наполовину, потому что продолжила совершенно искренне: — Я в этом мире вижу только невыразимую скорбь, так что Джек Фрост не остановит меня своим ребяческим весельем.

Она все-таки подошла к Королю Кошмаров. Его вычерченный профиль с плавным переходом ото лба к тонкому крючковатому носу вырисовывался чернильной кляксой на фоне бледнеющей ваты облаков, срывающих неторопливым кружением снега. Таким же медлительным и тягучим, как разговор в сумрачном пространстве квартиры.

— Какой фатализм, — посвящал в свои недобрые замыслы извечный пришелец, облик самой тьмы: — Но будет очень неплохо, если с твоей помощью я захвачу этот мир. Он заслужил того, чтобы узреть во всем величии своего истинного правителя.

«Я рискну. Это нужно нам всем. Если они Хранители Снов, значит, на снах все и замкнуто. Я не боюсь. У меня тоже есть свой план», — незаметно сжимала кулаки Валерия. Чужую боль она привычно принимала, как свою, но по немоу наученью незнакомых запредельных сил в ту ночь, будто переломившись, принимала и страх, и планы по захвату мира, отчего-то веря, будто в ее силах изменить. А нет... Так будет очередной жертвой, пусть даже бесполезной, найдутся другие, способные победить силой. Но иная здесь шла борьба, но иные неслись потери.

— И кем же ты будешь править, когда люди уничтожат друг друга? Призрачными лошадьми, которые насылают друг на друга кошмары? — с упреком проговорила Валерия, все еще силясь рассмотреть лицо Бугимена, а он скрывался нечеткостью линий, как в недавнем беспорядочном сне.

— Я найду способ подчинить этот мир вместе с людьми, с этой паразитической формой жизни, — проскрежетал он сквозь зубы, неподвижно вписавшись контрастной картиной напротив окна.

— Ну вот, теперь еще и паразиткой меня обозвал, — усмехнулась привычным тоном Валерия, не подавая виду, как легко ей давался этот рассвет, этот привычный диалог... Не то, что целая ночь наедине со стихами и каплей из-под крана, которая все не решалась отразить свободной завершенностью кухню, совершив последний полет. Да не вниз, не чтоб разбиться, а чтобы отразить.

— Нет, нет, я не то имел в виду, — вдруг смутился Бугимен, махнув рукой, невесело, но внимательно рассматривая ее, отчего его глаза ярче замерцали; с вековой усталостью он проговорил почти нараспев: — Разве ты сама не видишь, что они творят? — он схватил воздух, точно сжал в пятерне целую планету. — Ими необходимо править, даже если в конце разрушить.

— Ими бы не править. Их бы направлять... А для этого необходимо равновесие, — размеренно отвечала Валерия, вторя его голосу, все же приближаясь.

— Но для достижения равновесия неизбежны жертвы, — сталью прозвенел его резкий ответ.

— Спорный факт, — качнула головой собеседница. — Но если бы достичь равновесия через жертву... что ж. Я готова, — непоколебимо с бесстрашной обреченностью проговорила она, но точно отогнала тень, вставшую за ней, распутившую серые крылья; встрепенулась, одергивая себя. — Только вряд ли мы об одном и том же равновесии. Ты прав в одном: нам не нужен мир счастливых идиотов. На каждого распределено кар и наград по

заслугам. Но и король выжженной радиоактивной пустыни вряд ли такой уж король. Твоя победа — твое поражение, замкнутость в безумии и на самом себе.

Он слушал ее, кажется, вновь задумавшись над ее словами. И тогда маскировка спала, или Валерия прозрела: запах крови ей не мерещился. Хоть и черная, но все ж с рубиновым отливом, она покрывала его тело, сочилась из незарубцевавшихся ран вдоль груди, на руках, на лице. Даже волосы спеклись от нее. Девушка ужаснулась, потому что раньше только в кино видела столько крови, но там-то так, бутафорская. Хотелось верить, что Джек Фрост пострадал меньше. В любом случае, ему помогли бы верные друзья.

— Умеешь ты красиво говорить. Впрочем, мы оба останемся при своем, — отвернулся Бугимен, замечая, как пристально его рассматривают и — невозможно! — с состраданием, снова. Милосердие не укладывалось в его строгую концепцию, но Валерия не отходила, поддевая свой черный песок, как тогда, как в прошлый раз. Раз уж ей не довелось вкусить радости золотого, то и в черном обреталась своя странная польза. Она делилась своим горем все это время, но теперь легко и безошибочно принимала чужое. Лишь холод окутывал ее усталостью, точно она отдавала свою жизненную силу. Но лучше так, чем бесконечные часы в неопределенности ожидания, где даже сны — искаженная маска реальности.

Бугимен обернулся, вновь замечая, как заживают его раны. Валерия улыбалась ему; провела, не касаясь, ладонью вдоль распоротой ледяной стрелой щеки. Он поймал ее пальцы, прижимая на миг к своим губам.

Все молча, воцарилась почти первозданная тишина. Если бы не холод ужаса, то кровь от сердца разгоняла бы тепло, но, видимо, не для них. Король Кошмаров глянул почти с испугом, точно снова нарушил какой-то неписанный закон, точно кто-то наблюдал за его действиями, оценивал, его внутренний монстр гордыни.

Он отстранился, лишь потирая образовавшиеся корки ран, сутулясь и попеременно скалясь, будто злился на себя, а на нее глядел неоднозначно, будто сам терялся в домыслах и планах. Валерия бы приняла любой, она ждала его, но никогда бы не оправдала зло. Она лишь не судила.

— Так всегда и бывает, — будто ответила после значительной паузы Валерия. — Значит, с моей помощью? А есть вариант, что я тоже кое-что попрошу у тебя?

Бугимен оживился, как всякое зло, которое по природе своей любит сделки, обычно нечестные. Он усмехнулся:

— Исчезнуть? Нет, так не годится. Я не исчезну.

— Нет, не исчезай, — то ли констатировала факт, то ли просила Валерия, но сделалась вновь спокойной и внешне равнодушной: — Ты можешь наслать кошмары одному человеку? И насылать их, пока он не взвоят.

Ее тонкие темные брови решительно сдвинулись к переносице, почти мстительно, хотя черный песок практически иссяк. Да черный ли? Какой-то иной ее цвет окутывал, будто сотканный из лунного света и потемок бездны — серый сумрак.

— О! С большой охотой! — воодушевился Король Кошмаров. — Кому? Уж не тому ли хмырю?

— Учитель географии нормальный малый, оставим его в покое, оба, — мягко прекратила нападки Валерия. — Другому хмырю, вот он действительно хмырь, хотя на вид красавчик. Но внутри — гнилушка. Жаль, что у тебя так же...

Король Кошмаров неожиданно словно виновато отвел взгляд, задумчиво протягивая руку, едва заметно перебирая непослушный встрепанный локон Валерии, отзываясь:

— Может, и не так.

— Может... — ответила она, проводя по его руке, но на этот раз призывая отпустить.

Колтуны мыслей их обоих почти осязаемо взмахивали крыльями, но музыка вернулась в их края вечной зимы. Лишь нельзя глядеть внутрь рояля, иначе иссякнут струнные виденья, нельзя слишком скоро вскрывать громкостью звук, нельзя говорить не в свое время верных слов, иначе сделаются неверными.

— Так что там за тип? — буднично с деловой жилкой азарта поинтересовался Бугимен, стряхивая тягучую неловкость.

Валерия довольно кивнула, а ведь Король Кошмаров и не догадывался, что у нее существовал свой план, свое видение равновесия. Однако небольшую и приятную для него просьбу выполнил с огромной охотой.

Вскоре он догадался, что его цель — это тот самый подлец из школы, который прилюдно зачитал любовное письмо глупой девочки. Вряд ли Король Кошмаров испытывал хоть каплю сочувствия, однако Валерия добила своего: незримое наказание обрушилось на «красавчика класса» ордами бесконечных кошмаров. И девушка надеялась, что Джек Фрост или другие Хранители не заметят. Порой и дети заслуживают того, чтобы видеть кошмары, в чем-то они не менее жестоки, чем взрослые, а подростки иногда так и более беспощадны.

«Да, вы храните сон детей. Но разные есть дети. Есть, которые лет в семь-десять травят животных. Бросают с мостов котят, чтобы просто так посмотреть, выплывет или нет. Есть, которые мучают младших сверстников. Они тоже все заслужили добрые сны? Ответишь, Оле Лукойе?» — мысленно обращалась она к Песочнику. Она хранила множество историй, порой и веселых, пустяшных, но в память ей врезались все больше ужасающие.

Еще в первый год работы к ней приходил заплаканный мальчик из младших классов, который рассказывал, как летом на даче местные хулиганы утопили его щенка, бросили в бурную реку и призывали его прыгнуть следом, то ли хотели так испытать, то ли намеревались тоже утопить. А он трусил, испугался нырять в омут, где в водовороте уходил под воду беспомощно скулящий самый верный друг.

Валерию еще долго трясло от того рассказа, она просила самых жестоких наказаний тем, кто посмел такое совершить. Тогда ей плохо удалось успокоить парнишку. Теперь же заплаканная девочка с разбитым сердцем чудилась ей тем самым тонущим щенком, беспомощным безвинно осужденным созданием. Может, она поступила глупо, но, судя по всему, ей не удалось обратить происшествие в шутку. Да и легко ли любовь превратить в розыгрыш?

Валерия все пыталась доказать ей, что не надо отчаиваться, а сама едва не выла от бессилия. И так каждый раз, и так с каждой услышанной историей. Порой она призывала себя сделаться циничным наблюдателем, но все эти рассказы резали свежие раны собственной души. И вот у нее появился реальный шанс хотя бы призрачно восстановить справедливость. Пусть для того она заключила сделку с Королем Кошмаров. Он согласился помочь! Впрочем, он не слишком утруждался.

— О да, давно я так не веселился! — потирал он руки, возвращаясь к ней. Он улыбался, а она поулыбалась в ответ. Она научилась жить с вечным чувством тревоги, к тому же ее успокаивало, что она беспричинная, стоило вспомнить самого Короля Кошмаров. И даже теплело на душе. Они вступили в сговор на короткий срок, а дальше... Валерия предчувствовала маячившую темноту, точно обрела дар предвидения. Она клубилась

туманом в недалеком будущем. Впрочем, кто его вообще ведаёт наверняка? Жизнь приносит слишком много странных сплетений, порой не разобрать, чья где нить.

Неожиданностью стало для Валерии заявление матери, которая пришла по обыкновению на излете недели:

— Я все-таки разведусь. Знаешь, на работе... Впрочем, ладно.

— Что «ладно»? У тебя появился поклонник? — заинтересовалась Валерия, накрывая на стол уже сделавшийся привычным чай с острым имбирем. Мать покраснела, словно девчонка:

— Ну да. И еще меня повысили. А твой отец... Он от этого только разозлился. Я всю жизнь прожила с тираном! Все, решено.

— Мама! Это лучшее решение, которое ты могла принять, — дочь с невыразимой любовью обняла мать, и казалось, словно они почти ровесницы, молодые и полные сил. Они еще долго говорили, и казалось, что намерения, наконец, превратились в действия.

Правильно или нет? Пусть судят другие, такая уж жизнь. У Валерии на душе сделалось легко и спокойно, точно разбилась каменная плита гробницы, что закрывала вид на бескрайнее небо, точно птице не только открыли клетку, но и вернули подрезанные крылья.

— Какие у тебя интересные советы, — между тем нарисовался из воздуха Бугимен, вскоре после того, как мать ушла (оказалось, к бабушке на квартиру). Король Кошмаров посмеивался скептически: — А как же семейные ценности и все такое?

— Ты тут что ли за семейные ценности? — отмахнулась Валерия, убирая чашки. Из крана полились сотни капель, которые в общем потоке ничего не успевали охватить полетом совершенной сферы. Они слишком торопились, возможно, спешила с выводами да решениями и ее мать, но все-таки что-то неоспоримо сдвинулось. Если бы только не черный туман, что заслонял взор в будущее.

— Нет, но вроде как «силам добра» положено их защищать, — протянул Король Кошмаров, задумчиво грызя подобранный со стола резаный имбирь.

Он по-прежнему не отпускал Валерию, но она, как обычно, не прогоняла. И так длились и длились ее дни, в которые она уже не помышляла о том, чтобы встать на подоконник, уже не от сковывающего ужаса. Что-то сдвинулось в ее душе, что-то заставило сделаться сильнее и уравновешеннее, будто она только теперь научилась по-настоящему жить.

— Во-первых, я не силы добра, а, во-вторых... — она застыла на миг. — Иногда, чтобы достичь равновесия, необходимо что-то разделить, отпустить, начать с начала. Это как «гордиев узел» — не развязать, приходится рубить. Всем станет лучше. Я уверена.

Девушка долго глядела на чашки и на свои руки, пребывая в задумчивости. Что-то сдвинулось в ее микромире, что-то искало выход, добравшись до критической массы, может, весь тот пепел Везувиев, что накопился за время ссор родителей. Может, настаивал момент совершения зловещего замысла Короля Кошмаров.

О той ночи, когда он вернулся израненный после поединка, они предпочитали больше не вспоминать. Больше не целовал он ее руки, не трогал волосы... И иногда этого катастрофически не хватало, потому что казалось, что больше никто ее не понимает лучше, весь этот мир двух темных хаотических душ. Она читала в его глазах те же недомолвки и скрытое желание...

«Поцелуй меня», — иногда немо просила она, глядя на него, но неизменно одергивала себя, корила за этот странный порыв. Странно, но мысль об этом не вызывала привычного отвращения или скуки. Валерия с иронией поняла, что все остальные мужчины для нее

просто не существуют уже долгое время. Только за какие, спрашивается, заслуги ей попался именно такой экземпляр? Впрочем, ничто в жизни не делается без цели, это открылось ей, словно вытравилось под кожей огненными буквами, в ту ночь бесконечного ожидания.

А он в свою очередь то ли делал вид, что не замечает изменений на ее лице, то ли сознательно запрещал себе. Все ради плана... Какого, в конце концов? Валерия ждала, готовая принять любой, и сердце ее предрекало новый виток борьбы. Что ж... ей не привыкать. Жизнь — это борьба, зачастую с самим собой.

Наставал последний этап их недолгого, но продуктивного сотрудничества. Дальше — уже его игра и ее противостояние. Однако же результат его работы неискоренимо обрадовал: спустя месяц к ней в кабинет психолога появился совершенно бледный, с мешками под глазами «красавчик класса». Выглядел он подавленно, неразборчиво поздоровался и начал рассказывать, что ему снятся каждую ночь кошмары, да все какие-то глупые, будто он читает и читает то злополучное письмо, а оно то обращается в монстра, то его одергивают учителя, то директор к себе ведет, то еще что-то. Все он не помнил, но Валерия отметила, что Бугимен проявил исключительную изобретательность на любимом поприще.

— Расскажи, когда они начались, — уже почти с сочувствием спрашивала у мальчишки Валерия, едва скрывая победную улыбку. Хотя бы месть совершилась, но оставалось иное — спасение и прощенье. Она цеплялась за последние нити, надеясь спасти сразу двоих, показать, что возможен иной путь.

— Да вот... было кое-что недавно, — смущенно признался мальчишка, стыдливо закрываясь школьной сумкой, и повторил со своей позиции всю историю с влюбленной одноклассницей.

— Я думал, что это смешно, — оправдывался он. — Мы травили ее, ну... ну, она такая дура, — нестройно продолжал он, вскоре бессильно всхлипнув: — А потом... я начал каждую ночь видеть кошмары! Разные! Да такие... Родители не верят.

Он совершенно съезжился, едва ли напоминая грозного предводителя школьной ватаги, которая изводила пакостями и издевками наивную девочку. Валерия, пользуясь паузой, на полную вступила в игру, размеренно, но твердо говоря:

— Тебе не кажется, что это так выражается твое чувство вины? Извинись перед ней. Перестань травить. Может, это твоя совесть проснулась?

— Думаете?

Мальчишка оживился и легко пошел на контакт. Он проговорили еще часа полтора, парнишка ушел в раздумьях.

— Полагаю, он постепенно должен перестать видеть кошмары? — донесся голос незримо присутствующего Бугимена.

— Ключевое слово — «постепенно», — склонив целеустремленно голову, отозвалась Валерия. — Он все еще не извинился.

— Все же ты жестока, — одобрительно кивнул Король Кошмаров.

— Иногда приходится не только резать, но и ждать, когда нарыв на душе назреет, — отозвалась Валерия, выпрямляясь. — Кошмары будят подсознание. Если он видит тот эпизод, значит, в нем еще есть совесть.

— Интересный метод, — отметил Бугимен.

И так прошло еще две недели весьма странного сотрудничества, в течение которых Валерии дома приходилось успокаивать теперь своего отца, убеждать, что мама ушла не без причин, что так им всем будет лучше. А он клялся, будто всегда любил только ее, что ни разу

не изменял. Но он сердился, когда дочь посмела предположить, что мама тоже имеет право на свою жизнь, на карьерный рост. Отец же уходил, утверждая, что дочь ничего не понимает, потом посреди недели снова приходил, как в бреду и тумане, поражался, что привычные извинения с букетами не возымели эффекта, даже плакал.

Разговоры их неизменно сопровождали фоном соревнования по боксу или боям без правил, так получалось лучше отвлекаться от всего. У Валерии голова кругом от всего этого шла, но она чувствовала, что гордиевы узлы приближаются к своей вольной или невольной развязке.

Теперь ее хотя бы ни в чем не обвиняли. Она не ошибка! Она — человек, который имеет право на свое мнение, имеет право на свой выбор. На свою жизнь, в конце концов. Хотя взросление — это не только свобода, но и огромная ответственность, лабиринт выборов, среди которых важно отличить верный от тупикового.

— Упрямый, — фыркнул Король Кошмаров, когда отец в очередной раз ушел, не понимая, почему дочь не призывает сохранить их шаткий брак.

— Вот эти разговоры прошу не подслушивать. Это семейное дело! — возмутилась девушка.

— Семейное-семейное... Сколько я таких видел, — махнул рукой Король Кошмаров, точно древний старик.

А на следующий день к Валерии на работе пришла уже знакомая девочка, на этот раз не заплаканная. То ли по наитию, то ли по школьным слухам, но она прибыла благодарить именно психолога, рассказав, что обидчики большее ее не достают, а объект ее неудачной любви даже извинился. Конечно, они не остались друзьями, да и разбитое сердце не пластырем склеивается. Но хотя бы каждый поход в школу больше не напоминал сдерживание неравной атаки в узких окопах. Девочка уходила и улыбалась, Валерия улыбалась ей в ответ, впервые чувствуя вкус победы. Нет, вручение аттестата и диплома — это все ради одной себя. Здесь же она сражалась незримо во имя другого человека. И победила. Ни с чем несравнимое ощущение легкости бытия.

— Пришло время, — кивнула она Королю Кошмаров, присутствие которого почему-то не рассеивало ликования. Валерия испытывала по отношению к нему чувство благодарности: их план сработал именно так, как она задумала.

— Помни о цене. Я ничего не делаю просто так, — усмехнулся он, но девушка только кивнула.

— Я знала, на что иду. Так надо.

На следующий день к ней снова пришел «красавчик класса» и теперь выглядел выспавшимся, отдохнувшим, но крайне удивленным. Он видел нормальные сны, впервые за долгое время. Валерия сочла, что отныне он усвоил урок, кошмары четко связались в его сознании с фактом травли.

«Что ж, если бы так удалось спасти кого-то еще, я согласна терпеть страх. Это новое чувство его с лихвой компенсирует», — задумалась впервые девушка, прислушиваясь к своему сердцу, а оно почти пело.

Когда мальчишка ушел, Валерия просияла, обращаясь к Королю Кошмаров:

— Спасибо.

Она до последнего опасалась, что Бугимен обманет ее, продолжит насыпать кошмары без надобности, из беспощадной забавы. Но он сдержал обещание.

— Я свою долю получил, — скромно напомнил он, точно не желая признавать, что

сделал что-то полезное и, в целом, незлое.

— Ну, как видишь, закон равновесия сработал, — кивнула Валерия. — Кое-кому полезно видеть кошмары. Пока в этом мире есть зло, кошмары могут стать чьим-то неплохим наказанием. Кстати, я на выставку иду.

— Приглашаешь что ли? — улыбался ей собеседник. И глаза его сверкали уже не как болотные огни... Хотя порой самые глубокие трясины подстерегают в двух шагах от спасения.

— Как хочешь. Ты же полтергейст, — рассмеялась Валерия, как бы парадоксально ни выглядело такое поведение в присутствии воплощенного ужаса. Или он себя слишком переоценивал? Страх испытывали и без него, без его черного песка.

«Вот и все, больше я им не нужна, — думала Валерия, добираясь в метро к музею. — Вряд ли они заглянут просто так поболтать, если все будет хорошо. И снова мне ждать историй чужой скорби. Я — Хранитель Скорби».

— Джек! Джек Фрост! — обрадовалась Валерия, помахав фонарному столбу, не заботясь о том, что на нее смотрят прохожие. Она уже придумала, как незаметно и во весь голос болтать с духами: наушники с микрофоном в ухо, телефон в руку — вот и совершенно обычный представитель общества, ничего странного.

— Привет! Ты как? Все в порядке? — совершенно по-дружески поинтересовался парень. Валерия отметила, что шрамов или следов ран на нем уже давно нет, стало быть, тот поединок прошел для обоих бессмертных существ без особых потерь.

— Я заметил, что в последнее время кошмары преследуют не только тебя, но и людей, с которыми ты общаешься, — нахмурился Джек, будто предупредительно выставляя посох, указывая им на девушку.

— Джек, мы победили! Мы заставили извиниться одного забияку. Понимаешь? — непривычно воодушевленно объяснила Валерия, на что Хранитель Веселья онемел, поперхнувшись:

— С... Королем Кошмаром победили? — и воскликнул возмущенно: — Так это был твой план? Твой?

— Да, — развела руками девушка, безмятежно улыбаясь. Она подозревала, что за ними наблюдают Хранители Снов, и не боялась держать перед одним из них ответ.

— Но ведь это... Неправильно! — исказилось лицо парня, он хлопал глазами, точно разбуженный совенок.

— Вероятно, — пожала плечами Валерия, но объясняла серьезно: — Джек, я не испытывала ужаса последнее время, тем не менее Король Кошмаров для меня не исчезает. Как и вы все. Мне кажется, здесь не все так просто.

— Я спрошу у Северянина или Песочника, — пообещал Джек озадаченно. — Но все равно остерегайся его! Он неизбежно обманет рано или поздно!

Джек Фрост поспешил в неизвестном направлении, уносясь в вихре колючего зимнего ветра. А Валерии не требовалось объяснений от других Хранителей. Дальним уголком сознания она и сама все прекрасно понимала, только ответ не прорывался за завесу для полного осмысления. Но каждой мысли свое время, каждому свершению свой час, иначе все намерения и уговоры так и не обретут очертания действий.

Валерия, как и планировала, направилась к музею. Ее встретил заснеженный сад, где летом полыхали алые розы; в окружении елей степенно плыло само здание музея, встречая массивными колоннами в древнегреческом стиле. Валерия всегда при взгляде на развалины

античных храмов ощущала отдаленную ностальгию или дежа-вю, будто однажды, давным-давно, она уже видела все это, в первозданной красоте, новое, не изъеденное разрушениями и пожарами. Но то лишь отголоски чувств, лишь отзвуки грозы, словно случилось извержение вулкана в дальней части света.

— Вот умора! Этот Джек — шут гороховый! — Бугимен появился возле кассы, когда Валерия брала билеты, по ошибке чуть не спросила два, потом вспомнила, что духи за вход не платят. — Как ты его обескуражила! Ха-ха! Вечно бы смотрел! Игра на два фронта, а, Валерия? — проговорил Король Кошмаров, впервые медленно смакуя ее имя.

— Нет, Кошмарное Величество, только за себя, не более, — повернулась к нему Валерия украдкой.

«А, может, и за тебя, если ты еще не понял!» — воскликнула мысленно она, но столь смелые высказывания лишь помешали бы. Она вела игру намного более серьезную, чем представляли себе все Хранители, возможно, непосильную для человека. Но она обретала веру в себя.

— Выставка, значит? — протянул Бугимен, пока девушка поднималась по длинной мраморной лестнице в главный выставочный зал.

— Пока привезли прерафаэлитов, можно и посмотреть, — отозвалась она.

— Девушка, на выставке телефоном не пользуются, — напомнила ей строгая полная смотрительница в темно-синей форме. Вот тоже «хранитель», только искусства. Каждый что-то хранил или кого-то...

— И как ощущения, когда страх окутывает? — интересовался Бугимен, пока Валерия молча рассматривала вычурные картины, медленно перемещаясь от одной к другой.

— Атмосферно.

Она прибыла после работы уже под закрытие, так что экскурсий не водили, да и народ постепенно расходился. Она намеревалась выйти последней, остаться посреди огромного зала наедине с Королем Кошмаров среди странных чудесных образов полотен. Прерафаэлитам ведь нравились готические сказки, старинные легенды, аллегии и иносказания.

— О, знакомые люди, Джон Эверетт Миллес, — оживился Бугимен, указывая на картину, с видом ценителя комментируя: — Помнится, я ему такие кошмары насылал. А он их потом зарисовывал. Безумный. «Офелия»? Неудивительно. Ему же каждую ночь снилось, что он тонет, глядя на небо.

Валерия усмехалась, переходя к другой картине, украдкой спрашивая:

— А этому что снилось?

— Хм... — прищурился Король Кошмаров, однако, видимо, никого не вспомнил, глядя на безмятежный пейзаж и влюбленных, какого-то рыцаря и даму. — Ему, видимо, Песочник что-то нашептывал.

На следующем полотне девушка в мрачно-зеленом платье глядела со скал на тонущий в бушующем море корабль. От образа девушки, от ее прижатой к груди руки и разметавшихся от ветра темных волос, делалось грустно и тревожно, точно Валерия вновь вспоминала что-то, узнавала.

— А ему? — кивнула она на картину.

— Он тоже тонул, — как решая слишком простой ребус, отозвался собеседник. — В детстве в реке, а потом я усиливал это видение в его снах.

— Ха-х, пожалуй, самая необычная выставка на моей памяти. С такими

комментариями, — улыбнулась Валерия, и на душе вновь потеплело, несмотря на холодные прикосновения Короля Кошмаров.

Он... обнял ее за талию, вдыхая аромат волос, точно девушка с картины тоже показалась ему знакомой. Валерия замерла, словно во сне наяву, словно они сделались одной из сотен картин прерафаэлитов. Ее сердце больше не билось, оно замерло, и лишь слышалось кружение золотых бабочек, которые заменяли сердце Королю Кошмаров. Она слышала его дыхание, ощущала на своей коже возле ушной раковины, на шее...

Этот холод, смешанный с пожаром! Показалось, что целый мир совершенно обезлюдел.

— Поцелуй меня, — наконец, набралась смелости прошептать она.

Показалось, что все заполнила бешеная пульсация, точно сама ткань мироздания рвалась и перестраивалась, сотни золотых нитей... Но Король Кошмаров на миг растворился, подлетел к ней и пропел многозначительно строчку из песни:

— «Поцелуй мой как лед на губах. Я твой ужас и страх».

Он подошел к ней вплотную, невыразимо нежно проведя указательным пальцем вдоль ее губ. И больше ничего не говорил какое-то время. А затем отвернулся, уставившись на одну из картин, где прекрасная девушка плыла в лодке.

— Сначала я собирался напитаться твоим отчаянием и ужасом, восстановить свою силу после заточения, выпить тебя, точно паук, но теперь... — мужчина запнулся, но признался: — После того случая... У меня иные планы, — он обернулся и посмотрел прямо в глаза Валерии, точно ища в ней ответ, одновременно предупреждая или предвещая свои намерения: — Но мой поцелуй — это твоя смерть. Еще не время. Хотя эти часы остановились на без пяти двенадцать.

— Прямо как «Часы Судного дня», звучит зловеще, — растерялась Валерия, обрушиваясь на себя обвинениями. И правда? Чего она ожидала от такого существа? Он же не человек, он же злой дух, а против своей природы еще никто не выдерживал конкуренции. Да и она — вечная неидеальная ошибка, пусть даже мать больше так не считала. В любом случае, выставила себя полнейшей дурой, да еще и какой-то озабоченной. Но... Она чувствовала! К-н-и-г-о-л-ю-б. нет По-человечески, ярко, захватывающе. И от этой мысли она вновь хотела смеяться. Однако болью раскололось сердце, точно прошла трещина вдоль гигантского ледника.

Валерия стремглав покинула выставку, а Король Кошмаров не последовал за ней, он витал призраком среди картин, сливаясь с их загадочными образами. Девушка же неслась прочь, не замечая ни перехода, ни дороги, она даже не отметила, как какая-то машина едва успела вдавить педаль тормоза. Высунулся водитель, клеймил ее последними словами за неосторожность.

А Валерия не слышала, она неслась прочь и... смеялась, едва не плача, едва не заламывая руки, но признаваясь себе, что она живая, он такой же, как все, человек, не самый злой, не самый безумный. Она имела право даже любить. Да все как-то неправильно, да все как-то не с теми... или не в то время. Но где же все античные храмы? Где статуи?

Все засыпал пепел.

И он же переполнял душу, когда Валерия в иступлении раскачивалась из стороны в сторону на диване, грызя обжигающий небо имбирь. Ей казалось, что она все разрушила или же... что ее обманули. Или же... нет, она совершенно запуталась во всех этих противоречивых чувствах и собственных словах, суждениях. Ей надоело считать себя неправильной на фоне всех законодателей правил, хотя они сами блуждали в потемках, едва

из них выбираясь.

Для нее в тот вечер оставалось только дрящущее настоящее. Гордиев узел натянулся до предела, точно сделавшись петлей виселицы. И Валерия сознавала, что неизбежно требуется меч. В этой борьбе только она могла победить, только она способна была докопаться до истины. Хранители Снов, может, и вытащили бы ее, загнали бы снова Короля Кошмаров на дно бездны, но она бы тогда ощущала себя остаток жизни предательницей, но она бы уже никогда не забыла... его.

Пепел и ржавчина — вот аромат ее покоя, вот то, что повергало в неискупимо черные глубины, но одновременно несло надежду, даже если он не подозревал об этом. Валерия иным зрением уловила, как черная завеса грядущего вплотную приблизилась к ней, требуя какого-то решения, предвещая нелегкое испытание. Но она словно готовилась к этому всю жизнь, балансируя на грани миров.

— Ты пришел... — выдохнула она. Ждала чего-то? Боялась? Ничуть. Осталось только настоящее в этой зыбкой минуте, расколотой вечностью. Она — летящая капля, обретающая свою совершенную форму, отражающая целый мир. Уже ничего не страшно.

— Да, без пяти двенадцать, как я и говорил, — отозвался он, нервно бродя по комнате, как в чад. И только теперь Валерия заметила, что его больше не сопровождают четыре коня. Его покинул его собственный страх? Или только на время?

Король Кошмаров приблизился к ее столу, поднял оторванный блокнотный листок и произвольно прочитал нараспев, думая, очевидно, о своем:

Раз к Оле-Лукойе пришел старший брат...

О вечном покое не так говорят?

Он сказки слагает из боли. А грез

Хватает Лукойе, мешок да обоз.

Для добрых сказаний есть ночи покой,

Но смерть неотрывно срывает рукой

Все теплые сказки, чудес благодать,

У смерти сказанья ее не отнять.

Валерия продолжила с легким вздохом, уже наизусть:

И с братом суровым Лукойе живет,

Два полюса правды, иных все высот.

Увидеть их страшно, пускай не враги,

Но сказочник добрый ведет все торги

С иным летописцем на черном коне.

Конечностью мира придет он во сне,

Расскажет всем сказку поступкам ценой,

Брат Оле-Лукойе — смертельный покой.

— Что это? — удивился отстраненно Король Кошмаров.

— Мои стихи... — в тон ему ответила Валерия, не двигаясь с места.

— Уж не обо мне ли? — усмехнулся Бугимен, но как-то иначе, без вечной издевки.

— Может, и о тебе. От твоих кошмаров я и начала как-то писать ужастики. Спасибо за вдохновение, у всех оно разное, в конце концов. Я решила, что Песочник вполне похож на Оле-Лукойе, ну, а ты... — она вздохнула.

— Я не смерть, — вдруг решительно отрезал он, уточняя: — И мы не братья. Немного другая специфика.

— Не смерть, значит. Что придумаешь сегодня? Игра уже не так остра. Я начинаю привыкать к страху, — делала вид, будто ничего не произошло, Валерия, раскидывая руки по спинке дивана, словно ее ничто не волновало. Она была облачена в темно-голубое офисное платье, на губах она чувствовала вкус имбиря и смывшейся алой помады. Лучше уж помада, чем кровь.

Король Кошмаров смотрел на нее... Сначала с явным восхищением, даже с желанием, точно запоминая каждую ее черту, а потом внезапно с ненавистью. Он осклабился, вызывая целую бурю черного песка, вновь возникли недобро храпящие кони.

— К нему невозможно привыкнуть, — прорычал Бугимен. — Кошмары убьют все твои надежды.

Кошмары проходили насквозь через нее, а она только мрачно глядела исподлобья, сцепив руки в замок. Она не до конца осознавала смысл его игры, но ответ теплился где-то совсем близко, его загадка.

«Его часы на без пяти двенадцать. Мои — тоже. Пора! Если все узлы разрубаются в эти дни, то наш с ним тоже обязан найти свое логическое разрешение. Неужели же ценой моей жизни? Что ж... Я не боюсь», — твердый и решительный голос, свой собственный, а не чужой. Порой податливые и легко направляемые реки ломают самые прочные плотины. Она — капля, что в полете обращается в модель Вселенной, ведь каждый — целый безбрежный мир, космос и хаос, страх и отвага.

— Слишком ты много говоришь о надежде. Слишком много у тебя планов. У тебя есть даже мечта. Поганая, правда, — выдавила из себя с огромным трудом циничную улыбку Валерия.

Только бы не вспоминать об их коротком помешательстве на выставке, только бы не забывать, что Король Кошмаров вроде бы собирался захватить мир и просто испытывал ее. Но не верилось словам Джека Фроста, что ее намерены обмануть. Она в своей жизни видела слишком много лжи, чтобы доверять просто так.

— А ты слишком легко говоришь о жертве, — навис над ней Король Кошмаров. — Что ж... Пора приводить мой план в исполнение!

Во взгляде его сквозила невыразимая боль, как будто и он сам не радовался своей хитроумной выдумке или же опасался, что все провалится.

— Спи! — Он повел возле лица Валерии ладонью, отчего девушка медленно завалилась набок, замечая, как мир совершает вокруг нее стремительные обороты. Капля отразила мир и разбилась на сотни алмазных брызг, исчезая во тьме. Но она не боялась, погружаясь за завесу тьмы, она ничего не боялась. «Ты сильная, ты преодолеешь!» — последним напутствием донесся голос матери. Хотелось бы верить, что на грани сна и яви они и правда встретились среди ночных видений. И голос сделался путеводной звездой.

«Это не игра, я боюсь ради нас всех! Я не ошибка, я не обязана быть идеальной. Мама, папа как же я люблю вас!» — безмолвно воскликнула она, окончательно проваливаясь в иные миры.

— Теперь ты в моей власти, — только доносился зловеющий голос Короля Кошмаров. — Если в реальном мире я утратил силу, то в мире снов я полноправный властелин. Ты здесь одна, поэтому никто тебя уже не разбудит! Ты сама пришла в мою ловушку, ты сама попросила. Вот и полночь!

7. Полночь вечности

В том городе сером плакали львы, их рев разносился над далеким водопадом, их слезы срывались горькою влагой. В том городе ноги вязли в брусчатке, асфальте и пыли. Знакомые улицы представляли незнакомо, переплетаясь вне логики, как собранные из конструктора. Валерия шла в гости — так начинался ее тяжелый кошмар — но терялась во дворах, не находя знакомого адреса, петляя среди пустырей и бойлерных. А потом вспоминала, что дома того нет, а хозяева умерли. У сна просчитывались острые грани, в которых проступала реальность. Она все шла и шла в исступлении, петляя среди задворков и бойлерных, перебираясь через дома с шаткими лестницами. Город не заносила пустынным песком пустота: люди вышагивали отдаленными тенями. Чтобы уловить ритм движения, приходилось спешить куда-то.

«Он обманет, он предаст. Нет никому веры на земле. Он уйдет, а ты умрешь», — звенел незнакомый голос подсознания.

— Он уже предал, — ответила Валерия.

— Нет, все не так просто... Иди! Ищи! Иди... — донесся шелестом ветра едва узнаваемый голос, взметнувший пыль вдоль переулка.

Когда-то давно люди придумали боль, люди придумали убивать других людей... Валерия обернулась — за ней шел ее давний тайный страх всех узких улиц: несколько смутных силуэтов с ножами. Она побежала прочь, но воздух плясал болотистым киселем. Она выпутывалась из него, точно из отсыревшей пряжи, проваливаясь в другой сон, забегая в неприветливый подъезд.

— Это все страх смерти, и не ты ему хозяин, — отвечала Валерия неуловимому ветру.

Холод, запах бензина. Образы тонули в чернильной воде. Улица плохим монтажом вырезанных кадров переметнулась в квартиру, вроде бы знакомую, а вроде совершенно чужую. Кто-то ломился в дверь, кто-то скрежетал отмычками. И она бежала, прыгала из окна, не разбивалась, а то взлетала, то снова падала. Тело оказалось более гибким, чем в реальности, ноги — более быстрыми, но это неизбежно не приносило никаких преимуществ. Образы дергались, как наркоманы в ломке, как пленник, которого бьют током. Лютый взгляд через морок вел прочь сквозь улицы. Куда-то во всю эту смурь, вращавшуюся смыкающими лапы панельными домами. В этом городе притаилось все самоотчужденье мира. В нем не замечали погони, а Валерия бежала и бежала, стараясь не забывать, что где-то осталась реальность.

Пару раз она силилась пробудиться, но грудь придавило тяжелым камнем, дыхание перехватывало, и голова непомерной тяжестью покоилась на диване. Где-то там, за гранью. Король Кошмаров не позволял проснуться. Вот его истинная сила, вот его истинная власть. И Валерия потеряла сноровку и сарказм, чтобы небрежно отвечать. Он вел ее бесконечными коридорами лабиринта разума, она осталась оголенным проводом, осыпая едва уловимые короткие искры злобы. Но приходилось блуждать среди собственных мыслей, как по топкому льду вокруг камышей.

Жизнь натянула стропы, раскинули крылья фрегаты, серые птицы дней срывались в кружение неразборчивых картин, подъездов, улиц, задворков. Множество городов спрессовались, и конструктор сознания собрал свой образ идеального ада. Ощущение погони продолжалось.

— Найди, — вздыхал осенний ветер, отчего сводило зубы, а озноб скручивал тугим канатом. Ослабшие ватные руки и ноги с трудом передвигались вперед и вперед, Валерия стремилась на незнакомый крытый вокзал с витиеватыми старинными часами, она опаздывала на поезд, но не находила платформы, искала выход между вагонов зеленых и красных электричек, оглядывалась, не помня точно, от кого и почему бежит.

Валерия задыхалась, билась в раздвижные двери, как осенний ураган, царапалась в них, словно брошенный на перроне зверь. Погоня не отставала, в этом сценарии кто-то намеревался ее арестовать или что-то в этом роде. Обоснование нелепости всех этих поступков приходило произвольно. Парадоксы снов сплетались без оценки, хотя, конечно, отражали что-то, подводные камни сознания. Она тонула в их коварной глубине, опускаясь все ниже, все больше веря в реальность кошмаров, сотканных из бесконечной тревоги пустынного и одновременно кишашего людьми города.

— Ведь я поверила в тебя... — шептала она, едва шевеля онемевшими губами, теряясь в том, что все это значит, не помня, кто из ее двух сущностей спит, кто едет куда-то в неприветливой электричке с сидениями, как в метро, только жесткими, деревянными. Она озиралась, все еще чувствуя несуществующую погоню.

Через миг она оказывалась в каком-то древнем тархтящем автобусе посреди бескрайнего выгоревшего леса. Небо полыхало алым от далекого пожарища.

— Города больше нет, его уничтожили, — доносились переговоры кого-то из-за спины, вокруг шевелились люди. Ими владело бессилие, за ними снова кто-то гнался, а двигатель заглух, и не осталось способа иного спастись, как снова бежать. Люди хватили тюки, снимали с полок, теряли вещи. Они все бежали и бежали, и жгло воспоминание о доме, что остался слишком далеко, где-то в прошлом — а дальше некуда. Ведь ныне разрушен.

Валерия спотыкалась, кричала и царапала ногтями разбухшую осеннюю землю. И лишь потом заметила в лужице талого снега знакомое отражение, коварный застывший взгляд.

— Этой мой страх войны. И ты над ним тоже не властен, — почти проснулась Валерия, сжимая яростно кулаки, поперхнувшись воздухом, точно выныривая из омута, но страшная сила тянула снова ее на дно.

— Ищи... меня, — шелестел в кронах затерянный голос, едва уловимый, стелившийся туманом, вплетающийся под кожу узором из мурашек.

Вновь город, он не сгорел, он стоял вечностью вечностей на старом месте. И если этот город однажды разрушат, то и миру настанет вскоре конец.

— Ты ведь не демон, ты не такой, — прошептала она, наяву ощущая обжигающие горячие слезы на бескровном ледяном лице.

Она вновь застыла посреди улицы, как в параличе, впиваясь в жесткий асфальт, от шершавости которого подкатывала тошнота.

— Я твой ужас и страх, — вздохнул как будто с грустью голос. Владелец его не показывался, таился среди изогнутых линий.

И несся навстречу бесконечный город всех невысказанных слов, в тених его подворотен возникала тень с гребнем динозавра, отчетливый профиль, следовал за ней, не отпускал, но и не позволял себя найти. Валерия видела одновременно город в огне и бесконечный траур неба.

— ... «засыпанного новой золой», — донесся горечью истлевших страниц и неведомых чужих стихов тот голос, что пронизал весь город своими нитями. Здесь не видели никогда добрых снов, здесь воздух откашливал туберкулезные клочки легких, чтобы иссякнуть дотла,

осесть на патлах деревьев, застывших без свежих дуновений, обвисающих вытяжкой мазутовых пут. Город-монстр — ловушка ее души, суетливость без веры, потеря потерь.

«Следствие ведут Колобки», — хохотал кто-то из окна первого этажа, Валерия метнулась к коробке дома, едва вспоминая, что где-то здесь она сама и живет, она карабкалась по стремянке, которая заменяла на одном из пролетов разрушенную лестницу, хваталась за шаткие перекладыны, стараясь не смотреть вниз, в эту бездну. А за ней несли кислотный шлейф из детских мультиков. Она стучала в знакомые двери на тринадцатом этаже, но ей открывали незнакомые люди, но в ее доме уже жили другие.

«Ничего не понимаю», — голосом веселого мультика разрывалось сердце, и образы смешивались, неоднозначность распадалась пиксельными узорами, от которых болели глаза, и саднило горло.

Валерия шаталась, как в бреду, хватаясь за стены, всей ладонью вдавливая кнопку лифта, а он все не шел, и снова кто-то гнался. Она, воя от ужаса, метнулась к окну, балансируя на грани, боясь упасть, спускаясь по внешним выступам.

— Это мой страх высоты. Ты над ним не властен, — отвечала она твердо, разгоня очередное наваждение.

— Ищи меня... — рокотом далекой грозы говорил Король Кошмаров, и его тень двоилась черным силуэтом и кровавыми подтеками на зеленых стенах, хотя лет пять назад в ее доме какой-то ненормальный выкрасил стены в буйно-розовый цвет. И во сне возле рухнувшей лестницы ее приветствовали алкаши с третьего этажа. А дальше она снова скиталась, выходя из подъезда. Но остановилась.

Сердце взвилось черной юлой, замкнутое на самом себе, разбилось каплей, часами застывшими: у подъезда на нее глядела прозрачная тень немого кота. Рыжий солнечный зверь остановился очертанием, он не просил ничего, он просто смотрел.

«Валерия, у него глаза гноятся! Унеси обратно немедленно! Хочешь, чтобы мы все заболели? Отец не любит кошек», — стальными ударами раздался голос матери из тех времен, когда дочери было шестнадцать, из тех порывов, когда подконтрольность ведет к катастрофе. Надломился целый мир, накренился. Впоследствии мать сама долго просила прощения за ту жестокость, они даже ходили искать того больного котенка возле подъезда, но он бесследно пропал, наверное, спрятался в подвал, а потом умер. Они рассказывали себе сказки, будто он вырос, но обе не верили.

Несвоевременная позабытая и со скрипом оттаявшая доброта уже никого не спасет. Поздно помогать тем, кого отбросили. Поздно искать искупления в позабытых словах, они уже отзвенели, их места заняли другие. Остается лишь вина, что глядела среди всех кошмарных снов силуэтом кота.

Валерия протянула руку, но он уносился все дальше, терялся в тупиках улиц. Вновь накатило ощущение погони, кто-то из-за спины, кто-то торопил, кто-то не позволял обернуться и гнал прочь-прочь-прочь. Она терялась в снеговых заносах между ржавых гаражей, перелезала через помойки и ящики. А когда ее загнали в тупик, то она обнаружила, что он заканчивается не глухой стеной, а нагромождением коробок и контейнеров, потому сумела взобраться на них, едва уловимо следуя за солнечной тенью кота. Надежда или вина? Путеводная звезда или наказание за бездействие?

В каждом кошмаре она все же добиралась до цели, все же не терялась в окликах иллюзий. Лишь один раз и совершенно отчетливо ей приснилась собственная смерть, сдавила горло, но страх тогда почти ушел. В тот день она пробудилась с отчетливой и ясной

мыслью: «Уснешь в этом мире, проснешься уже в другом». И без оценки продолжался тот полет, как вихрь бури, косматый водоворот.

Она огибала неприветливые выгоревшие дома из красного кирпича, пересекая искореженные детские площадки. Вот она — территория Короля Кошмаров. Но разве так далеко от реальности? Валерия отчетливо помнила эти убогие дворы из раннего детства, эти унылые пустыри, где ожидали своего часа здания под снос. И даже длинные сосульки на искрящих проводах. В кошмарах не содержится ничего, что не обретается в самом человеке, потому их мнимый Король исчезал каждый раз.

Валерия зашла в кашле, когда потеряла ориентир, когда крошечная оранжевая тень скрылась среди гаражей. Она теряла его каждый раз, каждый раз снова пыталась найти, но он оставлял в неопределенности.

«Ты вернулся? Ты раньше никогда не возвращался», — не своим голосом сумбурно подумала она, когда узрела на крыше жестяной «ракушки» оранжевые очертания, полупрозрачные, будто не живое существо, а тень, оригами, еще один дух. Хранитель кошек... Что если все Хранители когда-то жили, а потом... Переход между мирами не дается за пошину, и плата перевозчикам на самом деле не нужна.

— Я... Я ничего не могла сделать! Прости меня, — оправдывалась Валерия, теряя четкость контуров от волны слез. Кот глядел пристально ясными зелеными глазами, будто простил ее, впервые за много лет.

— Это... мое чувство вины, — искажая лицо рыданиями, покачала головой Валерия. — Над ним ты тоже не властен.

— Ищи меня, ищи, — шипело эхо злых деревьев, скрипело небо облаками. Но что-то надломилось, когда тень рыжего кота выгнула спину, зашипев на тень. И черный силуэт метнулся прочь под сумрачную арку, а кровавый оставил след на белом снегу.

— Валерия! Найди меня! — вдруг прорвался через сипящий гул иной какой-то голос, подернувший вязкость лживых картинок рябью движений иного пространства, но отразился, растворился: — Я мертв... Найди меня под пеплом...

Как крик о помощи, как вопль одиночества, будто пространство ее кошмара разошлось по швам, прошла вдоль него трещина чего-то, что расстилалось много ниже серого города нестерпимого эгоизма. И оттуда звал кто-то иной, но его изгоняла черная тень, и кровавыми бликами кривой ухмылки тянулась по стенам, пока Валерия неслась следом за котом. Но точно не по улице, а по острому лезвию.

Эхо голоса зависло в пустоте бесполезных видений, Валерия вслушивалась, чтобы разобрать хоть что-то еще, ее душу пронизал золотистый гул, где-то среди сумрачных лесов, где-то под пеплом видений. И шла ли здесь игра или поединок? С самим собой, с другими сущностями ада снов, с темной стороной своей расколотой души, той, что дрожит росой на ветру, но каплет кровью от ударов меча.

Валерия озиралась в поисках источника шума, что протянулся едва уловимо к самому ее сердцу: «Где ты? Где ты настоящий? Где тот, кто со мной говорит? И кто эти двое тогда?»

— Прочь! — шипела вновь возникнувшая тень с острым гребнем рептилии, в черной мантии. Но ее вновь отогнал рыжий проводник. Кот подошел и потерялся о ноги Валерии.

— Ты меня прощаешь? — смахивая слезы, спросила она. И названный Хранитель котов едва уловимо кивнул, растворяясь яркими искорками.

Участница этой мистерии осталась на пустыре опять одна. Ультрафиолетовым ударом солнце резало вату измученных ролью злодейской туч. И синхрофазотроном рассыпалось

ускорение частиц минувших все слов.

«Дай веру мне в Тебя! Спаси от суеты! Прошу, нет, я молю! Иначе мне не выбраться!» — услышав глас иной, молилась впервые в жизни Валерия, глядя на редкий луч среди серых туч ее кошмаров и обыденности пут. Она однажды обронила веру в суете, теперь просила возвращения себя, чтобы отринуть весь тот груз из мусорных бессмыслиц дней. Они страдали ни о чем, они искали правду, да все не там, не в той, что отрывает от притяжения холодных миров.

Валерия встала с колен, обнаружив, как рассеялись кирпичные блики неприветливых домов, но кошмар не отступал.

«Сегодня я выйду за границу снов». — Она твердо сжала кулаки, ее звал голос, наполненный едва уловимым больным свеченьем, которые две тени забивали кровью и тьмой. Они отнимали надежду и гасили призрачный покой, они съедали редких светляков, воздушных мух печальных мыслей. И по следу сгоревших бабочек пролежала ныне дорога Валерии. Однако морок сгущался, наваливался старой песней: она шла в гости, потом вспоминала, что на поминки. Терялась-терялась среди бойлерных, вливалась в проспект, где пестрели ярким искушением немые кафе с полосатыми зонтиками. Но они терялись, когда она неведомо куда внезапно ехала в метро, и гул вагонных чудищ оглушал. Вместо стен торчали какие-то деревянные вагонетки, но уловить отчетливо ничто не удавалось. Там вместо объявления станций громкоговоритель отчетливо вещал заголовками новостей: «Упал на рельсы гражданин. А этот бросился под поезд».

На ее станции состав лишь притормаживал, и она тянулась через пропасть с электрическим рельсом. Не сны — тяжелый постоянный бред стократно увеличенной, гипертрофированной реальности: за платформой сразу же следовал не то торговый центр, не то аэропорт. Валерия снова терялась в толпах, но теперь она не просто скиталась, теперь она шла к цели, бьющейся пульсацией мира слыша тот голос. «Под пеплом, под пеплом», — металась золотые бабочки. Где-то далеко.

Валерия больше не пыталась проснуться, смыкались все линии, разрубались гордые узлы, как удилица свету. Она спускалась все ниже в лабиринт сна, что оказался на двоих: ведь черные лошади ей никогда не снились. Бешеная квадрига апокалипсиса, храпящий чей-то ужас, на котором восседали две безликие тени — черная и красная. Победенное зло набирало силу, и для борьбы с этими тенями Валерия просила веры. И милосердия для всех них, когда спускалась дальше в кошмар.

Пока зеркальный мир холодных ступеней эскалатора вел ее наверх в неизвестном направлении, Валерия стремилась не потерять тот шифр, ключ, что вел ее. «Найди, найди меня!» — кричала тишина, и нет пронзительнее возгласа среди миров чужих, как будто бы века свелись единой нитью, нанизались бисеринами дней, свились в узоры анемонов и гвоздик.

Валерия бежала, теряя воздух, прижимая руку к сердцу, будто так лучше улавливался ритм, все колыханье мира, а кошмар сменялся новой нелепицей: теперь она поднималась на пятый этаж своей первой школы в класс математики. Она помнила из детства, что там еще библиотека и класс биологии. Но здесь толпились иные люди, будто бы университет. И снова падала лестница, и снова вместо нее оставалась только стремянка, да незакрепленная. И все посмеивались над испугом, будто всем привычно лазить наперегонки со смертью, глядя в колодезь опадающих ступеней.

— Все это ложь! — воскликнула Валерия, и видение снова распалось, но сделалось

только сумбурнее.

Она бежала через сумрачный парк, где на берегу заболоченной речки сидели люди, она же шла через узкий дряхлый мостик. И город-монстр притаился в полумраке листвы, извитый хваткой плюща. Он ждал, когда начать мучить. Валерия рассматривала какие-то монументы, задворки обратились в шикарный исторический центр, несуществующий и одновременно привычный. Глядели с ампириного сооружения задумчивые сфинксы, не расправляли крылья кошки с головами людей. Лишь гадали загадки, запутав самих себя. Но с неба пепел осыпался холодным хрусталем осколков, резал кожу снег, Валерия же в этом сценарии шла куда-то, как будто с пляжа, в легкой одежде, в белом платье. Невеста скорби без подруг... Чтоб танцевала на выжженной земле, чтобы цветы прозрачных лепестков росли под пеплом невысказанных неверных фраз, которые теряются среди лет бессмысленных попыток захватить. А что? Весь мир, весь свет? Но для чего? И за ответом вдоль петли она брела, развязывая узел виселиц. Уже не жертва, а приносящая в жертву себя...

Парк ощерился неожиданным снегом, брусчатка под ногами покрывалась гололедом. Ноги мерзли, на грудь давила нехватка воздуха. Полночь вечности застыла на часах, озарявших площадь с замерзшим посреди лета фонтаном. Город засыпал снег, он притягивал тяжелые лучи королевства вечных льдов. И чтобы не потонуть в нем, Валерия зашла в помпезное здание, как гласила вывеска, библиотеки. Но на деле там оказались бесконечные архивные папки, а она зачем-то искала ненужную ей, петляя среди стеллажей. И вот осознала, что снова заблудилась без цели и назначения, а из вороха пыльной бумаги не обозначалось выхода. Мелькали случайные комнаты, в них корпели бюрократы. Здание срасталось то комнатами, то темными коридорами всех мастей.

— Скорее на лекцию, у нас сегодня лабораторка, — твердил кто-то, зазывая в класс физики через узкую дверь. — Но места всем не хватит, по очереди. Ах, нет, у нас экзамен.

Но вместо класса представал концертный зал без парт, зато с трибуной и сценой. Сюрреалистический бред заставил лишь поморщиться, звал голосами бывших одноклассников, фамилии и имена которых смешивались с прозвищами книжных героев. Лабиринт длился и длился бесконечным зданием, в котором Валерия бродила кругами. Погоня не отставала, они все пробирались по сумрачному лабиринту пыльного учреждения. Суета наяву — кошмары во сне. Глупые, пустые видения, но на этот раз из них не существовало выхода. Она никогда не выбиралась из снов посредством смерти или прыжка, казалось, реальность их плавно продолжала утренней сутолокой в метро, но там согревало, что каждый из пассажиров такой же живой человек.

Здесь лишь тени водили хороводы, мелькали пугающе искаженные образы детских мультфильмов, смеялся полосатый слон, и страусы лупили крокодилов. Но вместо смеха накатывал лишь ужас искажений, как будто в ярких масках клоунов прибыли грабители и убийцы.

— Ищи, ищи, под пеплом не найдешь, — мстительно шипела тень кровавая, и усмехалась черная. Но голос звал, и сон без пробужденья длился. Валерия сжала кулаки, отгоняя своих палачей, разметав черный песок.

Она снова выбралась в город, но на этот раз старинный. Показалось, что стало легче дышать.

Валерия едва держалась на ногах, схватившись за ограду, но тут же отдернула руку, чтобы в нее не впиалась змея, в которую превратилась стальная решетка. Все предательски

сыпалось, меняло свои очертания. В городе царила суматоха, все бежали от кого-то и куда-то. И по улицам носились черные лошади, много, будто выпустили целую конюшню вороных. Они забивали копытами людей, и сами ломали шеи и хребты, распластывались тушами на кривых улицах, где царил непонятный хаос.

— Это не мой кошмар. Какие еще лошади? — догадалась внезапно Валерия, встряхнув головой, совершенно не узнавая расстилавшихся вокруг нее картин и сцен. Ей никогда не снились виноградные лозы в огне, и не припоминала она античных портиков. И ни разу в жизни она не видела вулканов на горизонте, не ощущала ужас извержения. А под ногами земля гудела, падали колонны. Валерия потрясла головой, сбитая с толку.

Кошмар пугал, но выглядел чужеродным, точно посреди известного старого фильма включили пугающе яркий новый эпизод, отснятый другим режиссером. И в воздухе все заполнялось пеплом. А люди внизу не казались тенями, они бежали по улицам, хватали детей и нехитрое имущество. Валерии же чудилось, что она тоже кого-то ищет в этом гибнущем городе.

— Не твой? Говоришь, не твой? — резонировал воздух, и две тени в сопровождении бешеной квадригой коней обрушили ее в иной слой сна, где уже не обреталось четких очертаний улиц. Ее изгнали из запретной зоны, загадочной территории чужого видения, и она не сомневалась, чей это страшный сон...

Мир распадался на обломки. Она перескакивала по парящим в сумрачно-зеленом тумане островкам через пустоту. Но не боялась на этот раз провалиться в нее, потому что словно парила. Казалось, дух практически полностью отделился от тела, сделался легким. Страх покинуть земную оболочку практически не ощущался. Но болью пронзило возвращение в свой кошмар, в свой извечный сон, когда на одном из островков без начала и конца парила ее квартира на тринадцатом этаже. Она подлетела и постучала в дверь, она слышала за ней голоса родителей, и потому продолжала стучать и стучать, глотая горечь восклицаний:

— Мама, папа, откройте! Откройте, пожалуйста!

Она просила пустить ее домой, но ее не слышали. Она умоляла вернуть ее в счастливую жизнь, ту, что она рисовала в воображении в детстве, когда чудилось, будто все хорошо. Но она для них не существовала, невидимка, переходящий приз, а не человек. Валерия с трудом разлепила спекшиеся губы, набрав побольше воздуха:

— Это родители мои. Над ними ты тоже не властен.

И два силуэта за дверью разрушились подлым обманом: кровь и тьма ринулись прочь из-за островка тумана. Вновь она оказалась в старом городе с переплетением улиц и римской архитектуры. Но ныне светило солнце, а кожу ласкал отдаленный морской бриз. Валерия точно знала, что на краю моря обретается выход из этого лабиринта, потому шла, отыскивая едва различимые бисеринки свечения, спускаясь осторожно среди холмистых улиц и лестниц.

Он ждал ее на пристани, возле каменного ограждения. Он глядел пространно на небо, в нем вновь соединились все сущности: тьма и золото.

— Вот и выход из города, — выдохнула обессилено Валерия, приближаясь к нему. Он обернулся, глядя отстраненно и почти презрительно:

— Тебе удалось выбраться из лабиринта. Но ты никогда не покинешь этот мир.

Валерия откинула со лба привычным жестом растрепанные волосы, дыша несуществующей морской прохладой. Она узнавала и эти волны — образ ее моря.

— Да... Через океан не переплыву, — кинула она. — Вон там, кстати, волнорез. Я помню, как меня уносило течение за него. Потом я просыпалась.

Король Кошмаров обернулся к ней, проводя рукой по щеке, приближаясь, привлекая к себе. Медные глаза горели, точно у настоящего монстра, вампира. Болотные огни все же вели в трясину. Но Валерия улавливала в них слабый оттиск того света, что вел ее все это время. Она просила у неба сделать ее сильнее, чтобы разгадать этот мучительный парадокс двух душ, казалось, что разгадка расскажет что-то и о ней самой, откроет тайну смыслов.

— На этот раз ты не проснешься, — пообещал Король Кошмаров, раскрывая свой истинный замысел: — Сначала я хотел выпить тебя, как паук, все твоё отчаяние. Но теперь... я хочу сделать тебя такой же, как я, — он упоенно восклицал: — Вместе мы захватим этот мир по обе стороны сна!

Он навис над ней, оттесняя к стене, окутывая черным песком, который во сне сделался абсолютной силой. Король Кошмаров неожиданно впился в ее губы, оглушающим эхом прошипев:

— Я твой ужас и страх.

Валерия отчетливо ощущала прикосновения к нежной коже, отнюдь не грубые и вроде не болезненные, но поцелуй его был, как лед на губах. Она почувствовала, как тело наполняется смертельной слабостью и невыразимым холодом. Не такого поцелуя она просила, не ведала, какую цену придется платить. И на короткий миг от неожиданности ее окутала паника беспомощности.

Она пыталась проснуться из всех сил, но кошмар длился и длился сковывающим параличом, что похищал дыхание, сдавливал сердце.

Кошмары поглощали ее в свою бездну, и их повелитель выпивал из нее жизненную силу. Казалось, теперь она превращалась в тень, а он обретал материальные очертания. Она замерзала от этого поцелуя смерти.

«Борись со страхом!» — отчетливо проговорила она самой себе в полусне, как будто ее наставлял теперь иной голос, как будто суета вернула ей умение общаться душой с миром надзвездным, чтобы в подзвездном не петлять кривыми улочками дурных видений.

И на этот раз противостояние от обратного показалось лучшей идеей, все равно сон. Или же нет? Может, его нашептывали неразгаданные советчики подсознания.

«Борись любовью со страхом. Любовь и смерть — чаши весов», — проговорила она уже самой себе.

Она ответила на поцелуй, жадно и мстительно, назло Королю Кошмаров растопляя этот лед, их общий хлад, намеренно не позволяя отпрянуть, с нежной озлобленностью вцепившись в его жесткие волосы, плечи, руки. И тогда черный песок отступил, а тело бросило в жар, она вновь возвращалась в мир живых. Впрочем, и он не исчезал.

Но тогда она увидела какой-то кошмар внутри кошмара: огромный черный город, заполненный бегущими людьми. На него надвигалась темная волна. И был это не то цунами, не то извержение вулкана. Последней день Помпеи? Гибель Атлантиды?

С поцелуем они провалились оба на иной уровень сна, обшивка реальности призрачных городов дала трещину, отслоилась ненужными фотообоями, чтобы открыть завесу реальной катастрофы.

Теперь Валерия отчетливо видела город... но глазами Короля Кошмаров.

Он суетливо скитался по улицам города, засыпанного пеплом. И небо над головой закрывал дым скорого извержения вулкана, разверзалась страшная гроза, вспенивалось море.

А он мучительно метался среди хаоса гибнущих людей. Кого-то искал, искал, спрашивал у бегущих о ком-то. Но люди не отвечали, они бежали прочь из города, а он в самое его сердце. Он искал кого-то на базарных площадях, в домах знакомых, переворачивал разбитую утварь.

— Отвяжите! Хозяин! Отвяжите! — кричал иступленно какой-то человек на цепи. Раб? Валерия удостоверилась в этом по стальному ошейнику и цепи. Значит, точно античное время, начало нашей эры. Хозяин, очевидно, в панике бежал, как и все. На улице уже сказались следы разрушений, лежали опрокинутые тела, доносились стоны раненых. Помочь всем уже не удалось бы.

А тот человек, в образе которого бежал по городу Король Кошмаров, выхватил не то топор, не то клинок, и перерубил цепь. Раб скрылся среди домов, не успев поблагодарить. Человек же бежал все вглубь города, искал и искал кого-то, шептал неразборчиво имя. В нем теплилась надежда, безумная, разящая кинжалом. Но картинка плыла, не позволяла себя достаточно рассмотреть, точно кто-то запрещал.

— Прочь! Прочь, проклятые! Оставьте нас! — воскликнула Валерия, когда две тени — кровь и тьма — кинулись к ней, чтобы вновь откинуть, затопить сознание ложью. И они растворились, отпрянули, позволив отчетливо рассмотреть панораму древнего ужаса. Но не из снов, а из ожесточенной реальности, что по истечению столетий делается достоянием археологов.

Но тот страшный миг, та боль, та скорбь — они пронзали острыми копьями, словно вершилось все это совершенно рядом. И казалось, что ей знакомы эти улицы, эти античные дворы, будто у нее здесь был когда-то дом, и сад, где распускались анемоны. И в доме том она ждала кого-то... с медными глазами. Однако пепел все решил за них, когда сотряслась земля, когда небо пронзил багрянец. Множество людей погибали, давились в сутолоке, придавливались тяжелыми колоннами и сыпавшимися со всех сторон камнями. Сотни жизней оборвалось в тот день, отчего Валерия цепенела.

А потом она увидела на улице мертвую себя.

И на нее накатил его ужас, потерянность, озноб. Может, это была не она вовсе, а какое-то далекое-далекое воспоминание. Кто-то похожий, кто-то другой. И все же...

Девушка лежала среди улицы с разбитой головой, изо рта и носа ее стекала кровь, а взгляд остановился в смертельной безучастности. Ее сбила колесница, бешеная квадрига вороных коней, которые перевернулись тут же, возница свернул себе шею, лошади мучительно ржали, пытаясь выбраться из пут. И сколько еще таких случайных жертв случилось в тот день? Ужас смерти нахлынул на людей, затопил их рассудок, да при такой катастрофе нереально всем спастись.

Она лежала посреди улицы, мертвая и невосприимчивая к грядущему хаосу. Ее засыпали хлопья пепла.

— Нет... — простонал человек, закричав, давясь пеплом, который облеплял его со всех сторон: — Нет!!!

Его тоже засыпал пепел, приставал к коже, оседал на волосах и одежде, когда он застыл в неподвижности. Он уже не пытался никуда бежать. И Валерия, наверное, не к месту вспомнила строчки Иосифа Бродского: «Когда-нибудь и нас засыпет пепел», дальше она не помнила, только невыразимая скорбь наполняла ее.

В тот миг свои проблемы показались бесконечно далекими и малозначительными. Их еще можно было решить, потому что печать смерти не отметила ее дом, не отобрала родных.

Здесь же на ее глазах гиб целый город, в существовании которого она не усомнилась ни на миг.

Выдумки из снов не содержат столько боли, не находится в них места столь мельчайшим деталям. Они лишь искажают воспоминания о реальных страданиях и горестях. Не просто так Валерии часто снились умершие родственники, хотя она не желала этих встреч на границе сознания. А в тот миг она столкнулась с самой собой, умершей... И чьим-то невыразимым всепоглощающим горем. Чьим? Неужели... его?

Он опускался на колени, гладил ее волосы, лицо, точно пытаюсь разбудить от легкой предрассветной дремы. Но она лишь отрешенно смотрела и смотрела вверх, в этот хаос, что накрывал черной тучей несчастный город обреченных. Любовь неподвластна смерти, но подвластна отчаянию. Тогда не остается ничего, кроме страха.

— Будь проклят этот мир! — внезапно возопил он, сжимая яростно кулаки, обращаясь к небу. — Будь прокляты сны! Будь проклята надежда!

Вокруг него взметнулась плотная воронка пепла, которая превратилась в черный песок. Но через миг на него обрушилась тяжелая плита, и все поглотила тьма.

Валерия ощутила почти физическую боль, точно ее скинули с высокой вышки в бассейн. Удар о незримую воду едва не выбил дух.

Просто кошмар? Или воспоминание о его смерти? Валерии едва ли было суждено узнать ответ в хороводе теней.

— Когда-то всех засыпет пепел... — прошептала она или только подумала, но даже мысли бисеринками искр обретали здесь очертания. Она дошла до ответа, она нашла первопричину. И цепь событий замкнулась четкой неизбежностью, потому что у мироздания нет случайных путей и пересечений. Все происходит ровно в свое время.

Король Кошмаров поспешно разорвал поцелуй, перекидывая их на предыдущий уровень сна. Валерия отметила, что это самый странный и изматывающий поцелуй на ее памяти, чувства предельно обострились на пике агонии, пусть тому минуло почти две тысячи лет. Но чем-то до щемящей тоски знакомым отозвался его поцелуй, его губы с привкусом пепла...

— Что ты... Как?! — опешил Король Кошмаров, и она отчетливо чувствовала, что его бьет озноб, а на лбу выступает испарина, словно он второй раз умер.

— Чьи кошмары мы видели? Только мои ли? — спрашивала она, все еще непроизвольно глядя его жесткие волосы, словно давая им обоим понять, что тот случай в гибнущем городе — это не их смерть, что они еще оба живы. Оба ли?

— Не надейся меня победить! — отпрянул Король Кошмаров, напуская на себя грозный вид. И вновь за его спиной черным и алым вихрем взметнулись две злые тени: его проклятье надежде, и его отрицание добрых снов. Но если он проклял саму надежду, то что же осталось в нем этим согревающим золотым свечением? Почему он постоянно твердил о ней?

— Опять слова о надежде? — сдвинула брови Валерия, ощущая, что оковы сна больше не властны над ней, словно разрубили цепь.

Она проснулась, точно лунатик, стоя напротив Короля Кошмаров. И наяву все еще чувствовала вкус пепла на своих губах. Они оказались снова в ее сумрачной комнате, где не обреталось ни извержений вулкана, ни квадриги вороных коней. Но сознание смерти вплавлялось смертью сознания, где-то за гранью понимания, точно в прошлом воплощении. Она принимала чужую боль как свою, делила его горе как свое. Иные же голоса подсказывали ей, что делать дальше: она приблизилась к Королю Кошмаров и единым слитным движением пантеры все-таки вырвала из плена черного песка золотых бабочек

надежды.

— Вот она... Твоя надежда. Какая красивая, оказывается, — прошептала она, сжимая их в ладони, окружая кольцом своего сизого песка. Почему же сизого? Точно пепел извержения, точно вековая боль.

— Нет!

Он зажимал рану, пустоту, которая зияла в груди, из нее не текла кровь, там сквозила именно пустота, точно не хватало детали в механизме. Точно из тела вырвали душу...

Он согнулся, припадая измученно на одно колено, рукой хватаясь за пол, другую — протягивая к Валерии, которая глядела с болью, но продолжала, словно длилась их игра:

— Ты даже боль еще ощущаешь?

Хотя какая игра, после того, что вместе пережили в кошмарном сне на самом дальнем рубеже воспоминаний? Уже не игра, зато она нырнула без боязни на дно колодца, не ведая наверняка, сумеет ли вернуться, да что сулит ей каждый миг. Но она шла ради него, потом уже ради него, чтобы он вспомнил, кем был, чем заплатился за проклятье перед смертью, как стал повелителем кошмарных снов. Как по чьему-то напутствию, Валерия давно уже подозревала, что Король Кошмаров не сам соткался из дурных помыслов людей, уж очень много чувств осталось в нем от человека.

— Кх-кхх... Что в твоей руке? — хрипел он. Валерия не подавала виду, но сама боялась, что этим поступком убивает его. Показалось, он побледнел, и вновь делался полупрозрачным.

— Золотые бабочки надежды, вырванные из твоей груди, из твоего подсознания. Видишь, как они быстро гаснут в моем отчаянии. Твои... счастливые сны, — констатировала Валерия, укрывая бабочек серым песком, но под его покровом ни одна не погасла.

— А ты двуличная. На вид наивная девочка, а сейчас... Коварная женщина, хищник, — сипел Бугимен, щелкая зубами.

— Ты прав, наверное. И очень уставшая, к тому же, — с ледяной выдержкой проговорила Валерия, однако тело ее содрогалось от беспокойства. Что хуже всего, похоже, Бугимен после возвращения из глубокого слоя сна сам так и не вспомнил момент их смерти в древности. Или только его смерти. Валерия старалась не думать о том, как выглядит мертвая она со стороны.

— Отпусти их! Верни! Ведь это не твое! — взмолился, наконец, Король Кошмаров. И две тени, что вечно следовали за ним, взметнулись, исходя мучительными корчами. Их-то и желала уничтожить Валерия, лишит подпитки. Они отравляли его через безумную надежду о забытом, срывали все воспоминания в кривотолки. Кровь и тьма потеряли свои ухмылки.

— Интересно, что же хранит в себе этот крошечный жалкий сгусток надежды? И что будет, если уничтожить его? — глянула беспощадно на свою ладонь Валерия. — О! Вот еще одна скоро почернеет. Что? Слуги-кошмары не могут вырвать их, потому что сразу уничтожат? Сам не можешь коснуться, потому что состоишь из уничтожающего их черного песка? Как печально и страшно.

Бешеная квадрига коней — его ненависть, его боль, его личный кошмар — вставала на дыбы, кружила возле Валерии, но та оставалась недостижима для воплощенного ужаса Короля Кошмаров.

— Не трогай! Не смей! — восклицали кровь и тьма его голосом, но постепенно растворялись. Порой необходимо причинить боль, чтобы вскрыть слишком запущенный нарыв. Это Валерия поняла еще по общению с детьми в школе, по своему побегу от

родителей, которые, наконец, почти разобрались в своих чувствах. Теперь она видела это в Короле Кошмаров, и не собиралась отступать. Приходилось временно играть отведенную самой себе роль коварства:

— А что такого? О, да ты в панике... Какой взгляд. Бессилие. Легко же сделать человека беспомощным, найдя его потаенные раны. Сколько, говоришь, тебе веков?

— Отдай! Прощу! Если ты не отдашь... — он простирал к ней руки, внезапно признавая, точно прозрев: — Меня же больше нигде нет!

Он заворожено глядел на свет, который прорывался яркими искрами сквозь завесу серого полога ее ладони. Кровь и тьма, вздрогнув, исчезали, но покрытый пеплом город, Бугимен, кажется, все еще не вспоминал. А ведь именно так крылась его главная боль, его истинная причина. Он-то убедил себя, будто всегда существовал в таком странном качестве, всегда жил лишь мечтой о мировой власти. Зато подсознание ведало больше него, но рассказывать — нельзя, иначе сам не вспомнит, иначе не примет, не отринет цепей.

— Какие эмоции! — вздохнула Валерия. — Вот, держи.

— Не трогай меня, не смей лнуть... — попятился он, сбивая спиной картину со стены. Он метался, точно в бреду, он попал в свой кошмарный сон.

— Как же я иначе их верну? — улыбнулась беззлобно Валерия, разжимая ладонь, прикасаясь к его груди, замерев на пару секунд. — Вот и все. Твоя надежда снова в недрах твоей безысходности.

— Да кто же ты, в конце концов?! Отойди! — бился и вился среди комнаты Король Кошмаров. Глаза его безумно горели, словно на него обрушился целый океан, точно он тонул и отбивался от незримых противников.

— Отхожу, все, все, — махнула примирительно руками Валерия, опуская голову, хотя сердце ее бешено колотилось. — Кто. Я? Убийца чужих надежд. Не зря же психологом работаю. Говорю с людьми, они мне доверяют самые сокровенные тайны, а я им потакаю, говорю: «Все будет хорошо, хорошо», хотя знаю, что в их ситуациях ничего не будет хорошего, даже посоветовать нечего. Но их надо обнадежить, подать обманный лучик, — она намеренно делала ему больно, отчасти за все, что довелось ей пройти в кошмарах, за его подлый план на ее счет. — А потом этот лучик гаснет, они срываются в пропасть. И в еще большее отчаяние. И снова идут ко мне за новым, чтобы потом рухнуть в еще более глубокую пропасть.

— Ты намеренно играешь с ними? — скалился недовольно Бугимен.

— Когда как. Раньше все было иначе, я была иной. В любом случае, правду они не хотят слушать. И я решила играть по их правилам.

— Зачем играла со мной?

— А ты такой же. Не хочешь слушать правду, — отвернулась Валерия. Теперь ее отчего-то переполняла злоба, обида. Она окончательно отошла от видения, осознавая в полной мере, что чуть не попала в ловушку Короля Кошмаров, чуть не стала сама горькой тенью, призраком.

— В чем же, по-твоему, правда?

— В том, что твоя эгоистическая мечта неосуществима и бессмысленна. Смирись с этим, убей в себе всякую надежду. И умри. Вот и вся правда. Тебе не положено быть, ты ошибка природы. Ты сам себя боишься, — крикнула Валерия, замечая, как «кровь и тьма» — как она их назвала про себя — заполняют клубами черного песка Короля Кошмаров, говорят его устами, подчиняют своей воле. Его темная сторона, его мрачные планы и негативные

эмоции. Они еще брали над ним верх, и свой гнев Валерия обращала именно к ним.

— Замолчи! Думаешь, я поверю тебе? Ты... Ты... Ты не человек, — воскликнул он, но не приближался к ней. Вился вокруг, видимо, даже побаивался, ведь ему не удалось обратить ее в себе подобную.

— О... Ха-ха. Меня повысили! — осклабилась бесстрашная Валерия.

— Кажется, в тебе и впрямь не осталось ни единой живой жилки.

— Ты ведь над этим поработал тоже, — развела руками собеседница. — Видишь. Твои «творения» тебя окажутся страшнее. Вот и утро...

В окно тяжелым горчичным цветом вползал сонный рассвет. Всю ночь солнце билось со змеем, да так ожесточенно, что у него не осталось даже крови, чтобы раскрасить ее кромку рассвета.

— Следующей ночью я с тобой разберусь! — угрожающе пообещал Король Кошмаров, и стремительно вылетел через окно.

«Как же тебя вернуть? Где же ты?» — горько подумала Валерия, разрыдавшись от пережитого ужаса. Совсем как юная девчонка, уткнувшись в подушку. Она совершенно не выспалась, ведь целую ночь в течение девяти часов видела кошмары, разум не отдыхал, и теперь грызла мучительная боль да чувство вины за того человека, что от горя перед смертью проклял надежду. И она невозможно скучала именно по нему, не по этим двум демонам, что изорвали его душу. Она две тысячи лет ждала их встречи, потому все остальные мужчины не существовали для нее в этой жизни. Она ошибалась в своей неспособности любить, она просто ждала.

Но он не желал возвращаться, даже когда взгляду предстала его истинная сущность, его неиссякаемая надежда, отголоски добрых снов о том месте, где цвели анемоны.

Валерия не помнила, как прошел день, словно в чад, словно настоящая жизнь осталась там, во сне, где пепел засыпал древний город, где все пропиталось его невыразимой болью. Кажется, подходил учитель географии, извинялся за что-то, но не спрашивал, что на самом деле случилось в том переулке. Валерия кивала ему, улыбалась, но оба договорились остаться друзьями и хорошими коллегами. Но едва дверь за ним затворилась, как зашла знакомая девочка. Она снова благодарила, на этот раз принесла коробочку конфет. Но большим подарком для Валерии была счастливая улыбка на лице подростка. Травля в классе прекратилась, что-то нашло свое равновесие.

«А ведь это благодаря тебе. Мы вместе это сделали. Неужели ты не понимаешь?» — горестно обращалась в мыслях Валерия к Королю Кошмаров. Но он не появлялся. Лишь память о его самом страшном сне жгла каленым железом.

И он все забыл? Или не позволял себе помнить? Сердце терзала открывшаяся правда, стояла тяжелой горечью в горле, сочилась вязкой кровью по венам. Валерия нервно глядела на часы, раскачиваясь из стороны в сторону, замечая, как вокруг нее кружится ее собственный сизый песок. «А ведь это и не отчаяние вовсе. Это — скорбь», — догадалась неожиданно Валерия, взмахивая рукой, рассеивая его и вновь уплотняя. Но ее отвлекли на работе, загадочный иной мир рассеялся на время, ровно до вечера.

Раньше чудилось, будто до истины сто шагов, дальше, чем до неба, а она скрывалась за зыбким очертанием сна и поцелуя. Память скрывалась страхом, давилась, как виноград. Но сок исходил не отравой, не винтажным вином, а все свивалось обратно. Разбитое возвращалось целым. Лишь скорбь окутывая целиком серным песком, одновременно

оберегая.

Валерия не ощущала присутствия Короля Кошмаров, он улетел куда-то очень и очень далеко, может, на другой конец мира, может, вообще в свои подземелья, что были его владениями и тюрьмой одновременно. Вероятно, он тоже что-то обдумывал. Валерия ждала его возвращения, не зная, что оно принесет. Если бы те две тени отцепились от него, если бы он осознал, как заблуждался, считая себя властелином мира.

Валерия шла по вечерним улицам, еще никогда не испытывая большего одиночества и тревоги, да не за себя. Черная завеса грядущего рассеивалась, но оставляла на краю пропасти, где два пути раскидывали едва уловимые ветви.

Съемная квартира еще никогда не чудилась такой холодной и пустой. Валерия зажгла везде свет, но взгляд тонул в тумане, предметы теряли яркость очертаний, и она погасила все источники искусственного света. Бессмысленно.

Ближе к ночи ей позвонила мама, сказала, что они с отцом разводятся в ближайшую неделю. Голос ее был спокоен, она делилась с дочерью совершившимся фактом, пусть ему не хватало юридического оформления. И в конце поинтересовалась, как у нее самой дела, заметила, что Валерия отвечает медленно, точно суть слов не сразу доходит до нее.

Дочь спокойно приняла этот факт, даже почудилось, будто скинула с души камень. Еще один. В эти странные дни казалось, что все цепи, что сковывали ее долгое время, лопаются, распадаются. Огромный клубок шипящих змей замолкал, и вместо него возвращалась музыка. Рояли на крыло легли и, не опасаясь бурь, неслись на север, вверх к зеленому свету.

Но оставался последний рывок. Валерия предчувствовала, ждала, сжимая и заламывая руки, отстраненно уставившись в стену. Вскоре тишина подернулась знакомым ароматом пепла и ржавчины, что во сне-яви накануне окутал ее всецело. Она старалась не думать о том поцелуе, ведь он не любовь символизировал, а извечное желание найти себе союзника для разрушения мира. Даже если не совсем, даже если не до конца... У иных берегов, у океанов незнакомых.

— Снова ночь, и снова я, — раздался голос посреди одиночества, взметнув противоречивые чувства, но тут же погасил робкую надежду: — Как я и обещал, я буду приходить до тех пор, пока не сломаю тебя.

Казалось, черный песок плотнее прежнего окутывает его, он убедил себя за время отсутствия в необходимости вершить только зло. И золотые бабочки практически не проступали возле сердца. Он испугался ее накануне, она помнила его голос, но ныне слова резонировали инфразвуком. Валерия сдерживала ненужные слезы. Неужели все зря? Неужели напрасно она дошла до самых глубин кошмара? Неужели напрасно не утратилась показать ему золотых бабочек? Две черные тени сгустились над ним, плясали искрами в его ухмылке.

— Из-за тебя я только слегка не выспалась, — с озлобленным спокойствием отвечала Валерия. — Не лень же тебе?

— Король Кошмаров. Я властвую умами и сердцами людей, — развел он руками, оскаливаясь.

— Ты просто будишь в людях эгоистических страх. Иллюзорный. Страх за самих себя, беспричинный. Может быть, еще тревожность о несуществующих опасностях, — покачала головой Валерия, сдерживаясь, вбиваясь ногтями в кожу, чтобы эта боль заглушила крик ее израненной души. — Но видел ли ты, что такое настоящий страх? Когда... убивают невиновных... Когда гибнут от катастроф.

Она видела в одновременность сотни выпусков новостей, тысячи заголовков, и тот гибнущий город, что засыпал пепел. На нее обрушивалась целая волна осознания, что вокруг страдали люди, что сотни жизней калечились сильнее, чем ее. И на крыльях оборванных струн парило иное страдание.

— Видел-видел, — глухо отозвался Бугимен, точно тоже созерцал эти картины, по лицу его пробежала волна смятения, он сжал кулаки, воскликнув: — Я все видел! Этим людям нужен настоящий правитель. Ты думаешь, я — смерть? Нет! Я закон их равновесия, я их тьма. Возможно, они сами меня создали, соткали из всех темных порывов.

Валерия все вспоминала, как обрушивалась каменная плита, как смотрела в собственные мертвые глаза. И все больше понимала, что жива. Но чужая боль врывалась в ее сердце, точно до этого она перелистывала календарь дней в плотном коконе эгоизма, а ныне прозрела. Ныне сердце пробралось через темные туннели бесконечных дорог, оно билось наружу, оно отдавало тепло. И трепетало за всех. И за него...

— Страх создали люди... Вполне вероятно, — отозвалась она. — Страх от бессилия тех, кто смотрит на все это через отчужденность экрана телевизора. Даже не страх, а ужас того, какое зло может быть сотворено людьми... Людьми ли вообще?

Валерия тяжело вздохнула, пока Король Кошмаров вился вокруг нее, и на его лице сменялись оттенки то гнетущих сомнений, то упрямой убежденности в своем могуществе.

— Но я манипулирую их страхами, — непреклонно отзывался он.

— Какими? Страх из снов — ерунда, — отмахнулась Валерия, обращая к нему немо умоляющий взор, но внешне оставалась глуха и хладнокровна: — Я слышу неуверенность в твоём голосе. Да-да, страх сковывает... Страх смерти ведь тоже страх. Невозможно привыкнуть лишь к страху смерти. Но его создаешь не ты.

Валерия сжала кулаки, понимая, что ей осталось последнее средство, единственный способ достучаться до него, который сработал и в первый раз. Она встала и подошла к подоконнику, решительно открывая скрипящую деревянную раму, раздвигая ее, отчего на пол посыпалась ветхая белая краска и труха.

— Куда ты опять, сумасшедшая? — воскликнул Король Кошмаров, метнувшись к ней.

— А улица так прекрасна, так странно стоять на подоконнике, среди этого трансцендентного пространства за пределами и имманентного комнаты, — распевала Валерия, обращаясь к небу, прося у него защиты и поддержки. Она не собиралась бросаться, она обвиняла себя за те прошлые страшные мысли, глядя на темно-индиговое зимнее небо. Но таков оказался ее замысел, последний шанс вернуть его.

— Нет уж! Ты решила так победить меня? Показать, что я ни на что не способен? — решительно вскочил тем временем Бугимен.

— О! Снова твоя глупая магия. И это глупое постылое тело с помертвелым набором чувств. Ладно, ладно. Давай опять поговорим, милости прошу, присаживайся, — саркастично отвечала Валерия, но кто бы угадал, как тяжело ей давалась эта игра.

«Не вспомнил! Он не вспомнил...» — птицами с опаленными крыльями бились отчаянные мысли. И страх вновь заползал под кожу, гасил робких светлячков. Кружилась голова, и дрожащие слабеющие руки едва держались за края окна. Она боялась высоты, она не желала падения.

— Так-то лучше, — успокоено выдохнул Король Кошмаров, и тревогу в его голосе не подделали бы никакие призраки его проклятий.

Но в тот миг Валерия соскользнула с подоконника, не удержалась на краю. Улица

развезла асфальтовую пасть.

«Засыпет пеплом... Больше никогда...» — только пронеслось у нее в голове, ударив ароматами гвоздик и анемонов. Но что оно означало, она и сама не могла понять. Больше никогда не встанет на подоконник — такое она дала себе обещание, если бы оставался шанс выжить. Но пятый этаж не предвещал счастливого исхода. Больше никогда — так обрывалась любая жизнь, больше никаких надежд, больше никаких планов. Больше никогда не суждено говорить с Королем Кошмаров.

Мысль пролетела за долю секунды, ужас падения обрушил бездну, в голове настала пустота. Однако внезапно кто-то мертвой хваткой стремительно обхватил ее тело, не позволяя провалиться в пропасть случайной гибели.

Бугимен затащил ее обратно в темноту комнаты, второпях непроизвольно прижав к себе спиной. И в замешательстве не отпускал, как самое дорогое сокровище. На этот раз он успел ее спасти!

— Вот он — настоящий страх, — бормотала она, откидывая голову назад, ощущая затылком острые ключицы мужчины. — Чувствуешь? Видишь? И ты над ним не властен.

Ее бил крупный озноб, руки дрожали и язык заплетался. Но она чувствовала, что именно так надо, именно так он, возможно, что-то вспомнит. В том страшном сне она узнала правду о нем, и стремилась так или иначе донести этот образ. Ее окутывало тепло его тела, его рук, такое человеческое, такое живое...

— Зачем тебе это каждый раз? — спрашивал он сдавленно, не отпуская, отрешенно глядя ее руки и плечи. С такой нежностью и упоением... Все же обратить ее в злого призрака велели те две тени, которые ныне шипели, точно угли под дождем. Они исчезали, но все еще хотели взять свое.

— Каждый раз, когда я вот так стою на подоконнике, ты останавливаешь меня, страх... Иначе, я бы уже давно была мертва. Спасибо, что ты есть.

Она развернулась к нему, приникая лбом к его груди. Веяло чем-то спокойным и глухим, пусть не радостью, но и не смертью, не этим ужасом исчезновения. Чем-то привычным, с чем вполне можно жить дальше, преодолевать, бороться с ним и — прежде всего — с собой, переступить через свои потаенные страхи, эгоистические фобии. На этот раз Валерия поняла, что избавилась от еще одной: она бы больше никогда не попыталась покончить с собой. Едва не сорвавшись вниз, она взглянула в глаза смерти, вот такой, неправильной и нелепой. И больше не желала, пока судьба позволяла жить. Валерия больше не боялась себя. Казалось, весь страх исчез, однако Король Кошмаров не растворялся для нее.

Она, наверное, слишком доверчиво закрывала глаза, тяжело дыша, чуть не падая. Цепкие руки, обтянутые серой кожей, все еще поддерживали ее. Она чувствовала, как бешено колотится собственное сердце и слышала размеренные удары его. Хотя... сердца ли? Или это взмахивали крыльями золотые бабочки? Что-то чуждое в этом средоточии черного песка, а, может, его истинная сущность, которую он все еще отрицал.

— И... Как мне это расценивать? — смутился Король Кошмаров. Кажется, он и сам запутался, почему так поступает.

— Не знаю, я не учитель, чтобы выставлять оценки, — отвечала Валерия, глядя его по спине, обнимая.

— Ты просто провоцируешь меня, — почти простонал он, вновь теряясь, как в бреду.

— На что?

— Не знаю...

Тепло... Все заполняло невыносимо сладостное тепло, почти незнакомое посреди долгих лет одиночества и непонимания. Теперь же все оттаяло, и весеннее солнце забыло, что на дворе зима, не напоминало, что открыто окно. Валерия любила в тот миг весь мир, простила все своим родителям, простила всех людей. И сама просила у них прощения за всю эту замкнутость на бессмысленных мелочах.

— Нет, не провоцирую. — Валерия подняла глаза. — Я хотела, чтобы ты понял: страх не должен властвовать. Но... и исчезать не стоит. Иногда ты даже нужен. Например, таким, как я. Тем, кто стоит на подоконнике или за перилами моста, держит у виска пистолет. Их уже не отрезвят счастливые сны. Они думают, что обретут их, если прыгнут. Их может отрезвить страх! Страх потерять эту жизнь, может, страх за тех, кого они оставляют. Пусть увидят кошмары о том, что они оставят миру, если так покинут его! Или кошмары о том, что их проблемы не так ужасны по сравнению с бедами других. Хотя бы так...

— Это не входило никогда в мои планы, — отвернулся Король Кошмаров, нахмурившись: — Так ты намеренно вставала на подоконник?

— Вот сейчас, второй раз — да, — призналась Валерия, виновато улыбнувшись.

— Я-то повелся...

— Сорвалась я случайно, — дрогнул голос Валерии, отчего она крепче прижалась к Королю Кошмаров, точно искала защиты и оправдания своему поступку: — Честно.

— Глупость какая! К чему ты призываешь? — отстранился он. Вновь ярче проступили черные тени, вновь они нашептывали ему неверные решения.

— Жить! — воскликнула Валерия с надрывом, будто он падал в бездну, а она не имела сил удержать. — Ты бы мог быть по-настоящему полезен, и не исчезать. Твоя власть убивает тебя вместе с «подданными».

— Это все... сказки. Против своей природы не пойдешь, — отмахнулся он, но лицо его исказилось, точно у маски трагедии. Тени тянули за невидимые нити, тени мучили его образами кошмарных лошадей, не давая ответов.

— Природы? У всех есть выбор! А как же золотые бабочки? Что это тогда в твоей душе? Ты не смерть, ну, а природа... она у всего двойственная. Можно и выбирать, — взывала Валерия, подходя к нему, точно рассчитывая тягаться с этими жадными монстрами.

— Выбирать... А ты ведь... Не боишься, — удивился Король Кошмаров, оживляясь: — Ты же совершенно не боишься меня! Как ты меня все еще видишь, если ты не боишься меня?

— Может, я просто не хочу, чтобы ты исчезал? — вздрогнула Валерия, уже не скрывая слез, прижимая руки к груди, чтобы унять штормящее сердце. — Хранителей Снов тоже никто не боится. Вспомни! Вспомни то, что мы оба видели прошлой ночью! Ты же помнишь это! Я не хочу, чтобы ты исчезал! Вернись! Пожалуйста, вернись! Вернись из-под пепла!

И она в исступлении покрывала поцелуями его лицо, губы, щеки, горячими прикосновениями, живыми, словно бы желала доказать: они не умерли тогда, и пепел не засыпал их навеки. Он же стоял в ступоре, точно ему открылось нечто, точно обрушился целый водопад видений. Губы его неуверенно шевельнулись, как в трансе:

— Помню... Я... я умер однажды. И проклял надежду...

— Да, твое проклятье — это черный песок. Но надежда осталась. Ты ее видел! — почти навзрыд твердила Валерия, цепляясь за яркие нити, что протянулись от сердца Короля Кошмаров, проросли из золотых бабочек, отогревая и ее. И черные тени исчезали навек, распадались иллюзиями.

— Что ты со мной делаешь! Больно! Жжется! Я таю! — он вновь попытался отпрянуть привычным жестом, однако она не позволила, обнимая его, точно согревая своим человеческим теплом. О, как мало его! Как много страха вне этого тепла, которое порой способно отвернуть от жадных когтей тьмы. И эти два постылых силуэта ныне растворялись, а бешеная квадрига убиралась прочь, тени коней обретали покой. Растворился неразгаданный для него собственный страх, потому что он вспомнил тот день во всех деталях. Это читалось в его широко раскрытых глазах.

Он тоже видел гибель города, память причиняла нестерпимую боль, но от нее золотые бабочки взметнулись и засияли ярче прежнего. И черный песок боли больше не гасил их. Его сон, его воспоминание... Его светлые сны о временах, где цвели анемоны их любви. И где они погибли.

— Нет... Это просто надежда в тебе становится другой. Живой... — Валерия успокоенно гладила его волосы, едва не падая от обессиливающей безмятежности, но грустно вздыхала: — Только мой путь — остаться в этой темноте... Этой мой метод, я не рассказала: сначала сделать больно, довести до самого дна, до самого дна тебя самого, изучить до мелочей. А потом вытащить на свет. И отпустить. Он сработал уже несколько раз. Мне же суждено оставаться в этой темноте, потому что никто не способен вытащить меня.

— Раз тебя не вытащит никакой свет... — улыбнулся он, обнимая ее. — Этим займусь я.

— Попробуй, придумай. Я буду рада, страх, — прошептала Валерия. — И вот опять утро.

И вновь по их договору наставала пора прощаться. Пусть он вспомнил, кем являлся, но он не воскрес, не сделался снова человеком. Ведь умирают все только один раз. Валерия лишь удивлялась, кого же видела тогда в его сне, почему та несчастная девушка так напоминала ее саму. Но загадка терялась в веках, в сплетениях нитей мироздания.

— Я... Я тебе это никогда не забуду! — на прощание не находил подходящих слов Бугимен.

— Вроде благодарность, а в твоём исполнении звучит, как угроза, — рассмеялась Валерия, как обычно. Как в те дни, когда они спасали друг друга от отчаяния.

— Ночью я вернусь. И буду возвращаться постоянно. И днем тоже.

— Так возвращайся... Я снова буду ждать!

И он возвращался, каждую ночь они говорили, возражали друг другу. Но постепенно догадывались, что это уже не слишком похоже на вражду, вернее, совсем не похоже. Что-то в этом мире пришло к своему равновесию, что-то нашло иной путь, хотя бы среди Хранителей Снов. Добрые сны с тех пор лечили истерзанные души и стояли на страже мирного покоя детей. Кошмары же видели те, кто их заслужил.

Видел кошмары бритый маньяк, заключенный под замок лечебницы-тюрьмы. Он наносил на кожу отметки о каждой своей жертве, и эти короткие шрамы покрывали всю его бледную кожу.

Последними словами клял в карцере тюрьмы тревожные сны одноглазый бандит, который почти без причин убил своего старшего брата. (В кошмарах последний являлся слишком живо).

Видел кошмары жестокий пират на далеком тропическом острове, обрекая на казнь и страдания несчастных пленников. Ему являлась скорая смерть от ножа и образы прогнившего прошлого. «Это безумие! Я тебе уже говорил, что такое безумие?» — твердил

он, но Король Кошмаров лишь усмехался. Он-то знал. И знал, что круг безумия реально разомкнуть, отныне знал. Благодаря Валерии две черные тени больше не преследовали его. Пусть черный песок и оставался его верным оружием, но и оно нашло свое применение в качестве заслуженной кары.

И так почти каждому являлся он, чья совесть была чернее дегтя в этой жестокой реальности. Для них сны делались наказанием, ловушкой за деяния. А все их замученные жертвы уже в ином мире созерцали чудесные видения вечного покоя.

Лишь Валерия с тех пор не видела никаких снов, только тень Короля Кошмаров, не всегда догадываясь, что наяву, что в видениях. Сам по себе он не казался пугающим, особенно, в ореоле пепла, истинную природу которого ведала только она. Такую цену она заплатила за победу в этой игре. Хотя, наверное, они оба не выиграли, зато заставили друг друга смотреть иначе на вещи. Валерия отчетливо понимала: она хочет жить. Она любила, и нашла покой в своей душе, помирилась с родителями, которые вскоре встретили тех, с кем оказались по-настоящему счастливы.

И у матери, и у отца вскоре образовалось по новой семье, где родившиеся дети не слышали ссор и криков, где царил мир. Валерия искреннее радовалась, созерцая, как их маленький мир приходит в свое равновесие. Пусть и такой ценой. Жаль, что не вся планета, иссеченная новостями о страшных событиях.

Но приходилось мириться со скорбью. Валерия несла ее, впитывала, и оттого ее окутывал серый песок, которому вскоре дивились и Хранители Снов, предрекая, что после смерти она станет одной из них. Хранителем Скорби, духом, что приходит на помощь тем, кому уже не помогут радостные сны, тем, кто утешает, даря покой.

А Король Кошмаров, в целом, отложил планы по захвату мира до иных времен. Он больше не желал власти, а болезненно стремление быть для кого-то видимым и осязаемым успокаивалось каждый раз, когда он приходил к Валерии. В его душе тоже настал покой.

— Ночью я вернусь. И буду возвращаться.

— Так возвращайся... Я снова буду ждать!

Так заканчивались их диалоги раз от раза, их встречи. Шли годы. И однажды настал тот день, когда он бы вновь вернулся. А вот она — нет, она уже не сумела, потому что жизнь человека, словно анемон, хрупка и недолговечна.

С тех пор ее не хватало, сделалось пусто. И он вскоре признался себе, что, вопреки своей сущности, видит светлые сны, где она представляла снова живой, как совсем недавно, как тысячи лет назад. Счастливые сны Короля Кошмаров — абсурдно, но невыносимо горько.

— Больше никогда?..

— Мы скоро встретимся... — шумом ветра доносился ее голос.

И различался силуэтом среди туч, прозревших лучами солнца, новый добрый дух в сером оперении и с золотой розой в руках, символом их новой надежды.

Больше книг на сайте - Knigolub.net